С. А. Белковский

Сущность режима Путина

В последнее время много говорят о том, что Владимир Путин собирается оставаться у власти после 2008 года, для чего президентская Россия преобразуется в парламентскую. А сам несминаемый Путин станет в такой вот России премьер-министром, подотчетным им же созданному парламентскому большинству.

Многие официальные либералы уверены, что ради высшей власти Путин и затеял антифедеративный переворот, переходящий в переворот антимуниципальный (ведь мэров городов теперь тоже будут назначать). И в оный час, когда каждый Божий человек, занимающий хоть какую завалящую должность в этой стране, будет назначен лично Верховным, тогда откроется путь к реформе Конституции и вечной власти одного отдельно взятого подполковника ГБ СССР.

Нет, уважаемые либералы. Слишком просто это все. Или, наоборот, слишком сложно. Вы, драгоценные, опять норовите свою набриолиненную голову присобачить на чужие покатые плечи.

Ведь наш либерал, собственно, так и хотел. Впиться во власть один раз – при маразмирующем старике Ельцине – и сидеть на ее носорожьей поверхности до первых звуков ангельских труб. А чтобы сидеть вечно – можно было и Конституцию менять 7–8 раз на дню, и палить из танковых пушек по политическим воробьям, и объяснять, почему власть состоит только из Ивановых и Сидоровых, а Петровым в ней делать совершенно нечего.

Просто неожиданно получилось, что у либералов вырвали из зубов нержавеющий кусок колбасы. И они очень переживают, что этот кусок, уже поваленный на императорских паркетах, теперь с обильным слюнотечением заглатывает кто-то другой. Менее либеральный и менее достойный.

Что же касается настоящего посюстороннего Путина (а не нарисованного слюнно-колбасной фантазией Великого Диктатора), то я очень удивлюсь, если сумасшедшей весной-2008 он формально не выскочит из игры. Да что там удивляться – придется, наверное, умереть. От нервного смеха и трогательного сочувствия.

Капитолина Ивановна

Великие диктаторы, конечно же, влюблены во власть. Она для них – единственно возможная подруга, любовница и жена. Диктаторы в этом смысле – персонажи сугубо моногамные.

Они хотят жить с этой властью долго и счастливо, и умереть в один день. И когда прежестокая судьбина зачем-то разлучает Великого Диктатора с его неискоренимой пассией – властью, он берет в руки автомат – а может быть, топор или ядерный чемоданчик – и идет побеждать разлуку. Потому что разлука с любимой куда невыносимее смерти.

Второй же президент Российской Федерации живет с властью, как с опостылевшей нелюбимой женой. А любви у них, честно говоря, никогда и не было.

Эта женщина – назовем ее для быстроты и смысла Капитолиной Ивановной – старше своего супруга на много лет. А выглядит – и вовсе как своего благоверного мать. Потому он боится выводить ее в свет. Ни в театре, ни в кино, ни в ресторане божественную чету никогда не увидишь. Их жизнь проходит на секретном обитаемом острове, за гранитным стенами вековой резиденции – Дворца вечного блаженства (недавно его хотели переименовать во Дворец вечного терпения, но дело почему-то зависло).

Каждый вечер ровно в 21:00 – у них семейный ужин. И, вглядываясь в двойной подбородок Капитолины Ивановны, в ее нечеловечески помпезную грудь, в иссиня-черные от долгого употребления мешки под глазами, супруг всякий раз думает нечто совсем запретное: и на кой черт, спрашивается, я тогда согласился на ней жениться!

А ведь он хорошо помнит, как его уговорили. Тогда – это было кислым чухонским летом, пять с половиной без малого лет назад – в его скромную полковничью квартирку завалились старые кореша – Валя и Рома.

Валя был в легком подпитии и, как водится, вонял использованными презервативами. В юности он работал на рецепции публичного дома, но после того, как помог написать мемуары бандерши, резко пошел в гору и почти беспричинно разбогател.

Рома, напротив, был человек дисциплинированный и чистый. Первые деньги сделал, снявшись в рекламе гламурных одеколонов Paco Rabanne, – и с тех пор носил, не снимая, фирменную трехдневую щетину.

И сказали тогда Валя с Ромой, вываливая на стол дюжину недорогого пива:

– Слушай, старик, тут у Капитолины Ивановны муж вот-вот загнется. Копыта отбросит со дня на день – совсем старый стал, да и спился. А там у нас свои интересы, понимаешь. Там мы в парке нефтяной фонтан арендуем, да еще склад для алюминиевых чушек заграбастали. А то ведь, не ровен час, выскочит Капитолина на старости ума за какого-нибудь отморозка – деньги наши и плакали, ерш твою двадцать.

– А что девица, хороша ли собою?

– Да ты что, чудак, умом тронулся – Капитолину Ивановну не помнишь?! Ну, за пятьдесят ей, обрюзгшая маленько, поддать любит, матерится как извозчик – но это ж все для тебя без разницы! Главное – состояние какое, ты прикинь! Дворец вечного блаженства, парк, кареты, слуги, охранники, всякие прочие фраера. А чего не будет хватать – так мы тебе обеспечим. Ты только скажи: селедочка, пельмешки, огурчики, девочки, все такое. Нам главное – фонтан и склад. И ты справишься, мы точно знаем, мы в тебя верим.

Целых два раза отказывался наш герой от неравного брака. Но в конце концов – не устоял. Владимир Владимирыча и Капитолину Ивановну обвенчал священник домового храма – там же, в стародавнем ея дворце.

И вот теперь принужден он сидеть с ней за одним пиршественным столом. Он не может поднять на Капитолину Ивановну свои прямые глаза, потому что в глазах этих – страх и смущение. Которые никуда, совсем никуда не спрячешь.

Слава Богу, что брачный контракт всего на восемь лет подписал. Иногда, между горячей закуской и главным блюдом, прикрывает В.В. снотворные измученные веки и видит жизнь свою после конца. Как он, в лиловой рубашке поло за восемьсот долларов, заходит, небрежно и покачиваясь от средиземноморского ветра, в бар отеля «Негреско», что в распухшей от цветения Ницце, на Променад дез Англе. И сразу все девицы из самых престижных смотрят на него многозначительно и серьезно. И официанты начинают искать его повелительно-нежного взгляда. И даже пианист, играющей послесловие из «Порги и Бесс», замирает на секунду, чтоб получше разглядеть привилегированного туриста. Впереди – средиземноморский облегающий вечер, и никакой власти, и никаких обязательств. Вот оно – счастье наипростейшего человека.

А пока – принужден сидеть в заснеженном дворце, насупротив нежеланной жены, и давиться ее немодными драниками с курагой. А что поделаешь – за все в жизни нужно платить. И за будущее, и за прошлое. Нефтяной фонтан-то до сих пор у Ромы в аренде, а делится Рома исправно.

Нет, ну если вы подумали, что в такой семейной жизни – одно расстройство, то вы ошибаетесь, дорогой читатель. Наш герой уже и привык, и прикипел к Капитолине Ивановне. И если появляется он где-нибудь на важных скачках или в барочных залах для игры в мяч (без старой жены, разумеется), многие знатоки цокают языком и приговаривают: «Капитолина?! О, там состояние большое, один парк чего стоит! А конюшня! А псарня! А коллекция табакерок! Да, поздравляем, поздравляем с

удачным выбором…»

И конечно, тайно ехидничают, собаки, намекают, что, мол, альфонс и сам по себе никуда не годится. Но понамекают-понамекают – и перестанут. В конце концов, приглашать их во Дворец вечного блаженства на Праздник новогоднего винограда или нет – это мне решать. А им – выслушивать принятое решение. На праздник же хотят попасть, мерзавцы, халявщики, – все.

Супруг, конечно же, не спит с Капитолиной Ивановной. Потому как она его совершенно не возбуждает – ну ни на йоту. А если приходится кое-когда исполнять супружеские обязанности, то тогда воображает себе наш герой лифтовую сцену из «Девяти с половиной недель» – и с большим трудом добивается ненужного результата.

Но не спит – не значит не ревнует. А то ведь у нашей старой пьющей бабы то и дело, откуда ни возьмись, поклонники появляются. Тут один прыщавый еврейский мальчик повадился было во Дворец ездить. Как ни зайду – он в Розовой гостиной чуть не на коленях у Капитолины сидит. Предлагал ей в какую-то Силиконовую долину (это где, кто-нибудь знает?) поехать – развеяться после наших снегов. И только еще не хватало, чтобы после пяти лет мучений Капитолина своего законного супруга на молоденького афериста променяла. Ведь если выкинут из Дворца раньше самого срочного срока – это какой же вселенский срам настанет! Это значит – забыть и про море, и про красавиц, и про бар «Негреско», где мы с компанией старых друзей должны собраться однажды, чтобы выпить – за День избавления – весь их чертов черносмородиновый «Пастис».

Нет, конечно, тяжелой жене своей В.В. ничего не сказал – потому что боялся даже покоробить ее. Но с дерзким мальчишкой – покончено. Рома с Валей постарались – подпоили его как-то в дорогом кабаке и кокаин в карман да и подсунули. Ну, дальше было понятно что. Может, и жалко молодого еврея, но дело в другом: не возжелай чужой жены, даже если она игриво кокетничает и тонко играет с тобой.

Да, кстати, уже подают десерт. Капитолина Ивановна зевает. Супруг за весь вечер не промолвил ни слова – только скрежетал костями рябчиков и тюленей. Сначала, правда, хотел рассказать какой-то пошлый анекдот – что-то про новые дорогие сортиры Villeroy & Boch, и там еще было слово «мочить». Но рассказывать вовремя передумал – все ж таки она не просто жена ему, но и мать.

Ладно, ничего. Пускай не верят. У нас все получится, так или иначе.

И тут В.В. скривился, как будто от сильной внезапной боли. Он всегда вспоминает об этом – между пряным десертом и изысканным диджестивом, пахнущим детской микстурой. Сколько раз давал себе слово забыть – и все не выходит!

Это случилось два года назад, в Париже, на пресс-конференции по поводу садово-паркового искусства. Вылез какой-то прыщ в потертых джинсах, как будто из газеты «Либерасьон». И прямо так неподцензурно спросил:

– Профессор, говорят, вы женаты на женщине много старше себя. Это что, эдипов комплекс?

Повисла пауза. Но, стиснув фарфоровые коронки до сотен сот атмосфер, В.В. отвечал коротко и железно:

– Такие люди, как вы, перекупленные и перепроданные многократно, вечно твердят, что это – эдипов комплекс. А это – любовь!

И, очарованные медленным ужасом его, замерли в почтенном смирении тогда все наличные журналисты и журналистки.

Но с тех пор ни один щелкопер, ни один бумагомарака не пересекал порога Дворца вечного блаженства. А если хотел пересечь – то ботинки должен был сдавать в гардеробе и добровольно соглашался быть помеченным изотопами. Чтобы без спросу ни в какие лишние дворцовые помещения нос свой сгорбленный не сувал.

И вот, к концу традиционного ужина, герой наш оттаивает и смотрит на поддатую жену – теперь с умилением. Полюбить ее он уже никогда не сможет. Но оценить за эти годы – сумел. И не будет он больше мысленно костерить Рому и Валю, подсунувших ему в свое время тот скоропостижный брачный контракт.

Потом, совершив полуночную пробежку, В.В. отправляется в помещение, именуемое «master bedroom», аккуратно ложится справа по борту и сразу делает вид, что заснул. Чтобы не отвечать на липкие приставания неумеренной старой супруги. А Капитолина Ивановна, в который раз устало разочарованная, подползает к балкону спальни и ищет лунное небо. Она вспоминает легенду, рассказанную ей когда-то незапамятной няней, Глафирой Хасановной. Легенду о сказочной, как тыква, стране по имени Маньчжоу-Го, лежащей на самом востоке земного диска. В той стране живут двухметроворостые чудовища, именуемые тангуты. Это люди способны остановить на скаку кентавра, войти в горящую стену и за обломками пожара – бесконечно любить найденных женщин всей силой варварского экстаза. И если нынче свирепый тангут доедет на рыжей мохнатой лошади до самых ворот истосковавшегося Дворца, Капитолина Ивановна, забыв про серопыльного мужа, велит открыть парадные окна и двери, отворить жалюзи и засовы и выйдет к ночному гостю в сверкающем на морозе шелковом пеньюаре, чтобы нарядить новогоднюю елку. И отдать восточному пришельцу все, что у нее, полубессмысленной почти старухи, было и есть.

Программа – 2008

Нет смысла рассуждать о том, что сделает Путин в 2008 году. Потому что и самого 2008 года может с нами не случиться.

Российская цивилизация, кто бы что ни говорил, очень стара. Если считать от Рюрика, ей почти 1200 лет. Константин Леонтьев, Освальд Шпенглер и другие официальные лица полагали, что 1200 – критический возраст, для цивилизаций почти непреодолимый. На этом рубеже последний император Запада Ромул Августул сдался герулу Одоакру, а Константинополь склонил христианнейшую голову перед султаном Мухаммедом II.

В России наших дней мы наблюдаем все признаки обычного цивилизационного заката. Народ наш стал совсем тускл, апатичен и вял. Он, по большому счету, не интересуется своей судьбой. И свежайшие политические реформы усугубляют вялость: ведь у людей отнимают даже те утлые выборы, которые поддерживали в них некое ощущение сопричастности будущему. Чаемой же миллионами миллионов программы строительства Царства Божьего на земле им (нам) так и не предложили.

Мы спиваемся и угасаем. Тем временем несколько сот временщиков, не знающих ничего, кроме курса доллара к евро, и считающих русскую литературу одним сплошным «Ночным дозором», делят материальные остатки былой роскоши. Идеальный пейзаж для бесславной гибели.

Собрать расползшуюся массу цивилизации в бронебойный кулак и выскочить за роковые пределы числа «1200» могло бы только новое поколение, не пораженное паразитическими псевдоценностями 1990-х годов. Но политические реформы, консервирующие нынешний правящий слой и не дающие своевременно вынести его вперед ногами, не оставляют следующему поколению ни одного шанса.

Три вещи надо делать с достоинством: опаздывать, стареть и умирать. Надеюсь, нам, прожившим в холодной истории почти 12 столетий, достоинства в решающий момент хватит.

Вот вам и вся политика, и все реформы, и весь, в сиянии славы его, две тысячи восьмой год.

Одиночество Путина

Фактическое поглощение «Сибнефти» ЮКОСом знаменует начало конца Российской Федерации, созданной на руинах СССР Борисом Ельциным и унаследованной Владимиром Путиным. В начале 2003 года олигархи послали urbi et orbi внятный сигнал: они намерены изменить государственное устройство России и лично взять власть, избавившись от ненужного посредника в лице всенародно избираемого президента страны.

Предполагаемый круг участников проекта создания нового государства на территории сегодняшней России не слишком широк: Роман Абрамович, Олег Дерипаска, Михаил Фридман, Михаил Ходорковский. Эти люди ныне контролируют около 40 % российской экономики. С помощью Владимира Путина они в 2000-м – первой половине 2003 г. в основном завершили первичную приватизацию и выстроили «вертикаль власти», лишившую влияния на основные политико-экономические процессы в стране губернаторов, региональные элиты в целом. Сейчас перед сверкающей и грохочущей олигархической квадригой стоят три приоритетные задачи:

1. Обеспечить финальную монополизацию экономики, в результате которой под контролем 4 физических лиц окажется уже не 40, а 65–70 % индустриального потенциала страны; жертвами финальной монополизации, скорее всего, окажутся такие фигуры, как Анатолий Чубайс (РАО «ЕЭС России»), Вагит Алекперов («Лукойл»), Владимир Богданов («Сургутнефтегаз»), Владимир Каданников («АвтоВАЗ») – им придется лишиться самостоятельной политической роли и/или статуса сверхкрупных собственников; продолжится атака и на региональных лидеров – недобитых и не до конца сломленных феодалов: Юрия Лужкова, Минтимера Шаймиева, Константина Титова, Дмитрия Аяцкова и т. п.

2. Полностью легализовать собственность и капиталы, в том числе вывезенные за пределы России.

3. Ликвидировать единственный политический институт, который хотя бы теоретически в настоящем или будущем в состоянии помешать осуществлению сценария финальной монополизации и поставить под вопрос безраздельное олигархическое влияние; этот институт – президентская власть.

Представители «квадриги» практически уже не скрывают, что намерены добиться существенного ограничения полномочий главы государства. Президент, согласно олигархическому замыслу, призван сосредоточиться исключительно на необязательных международных делах и представительских функциях. Вся же полнота экономической власти и, что немаловажно, управление спецслужбами перейдут к кабинету министров (правительству), формируемому парламентом. Для реализации такого сценария Государственная дума, которая будет сформирована по итогам выборов 2003 года, должна быть полностью подконтрольна «квадриге». Это, впрочем, несложно: все основные политические игроки сегодня прочно сидят на олигархической финансовой игле, а участия качественно новых сил в ближайших выборах правящий слой постарается не допустить. Соответственно, будущий парламент и утрамбованные «вертикалью власти» региональные законодатели уже в 2004 году с восторгом одобрят поправки к Конституции, трансформирующие государственный строй.

Институт президента, в понимании олигархов, себя исчерпал. Оно и понятно: в 1991–2002 годах избранный непосредственно большинством народа и наделенный широкими полномочиями глава государства был нужен как гарант закрытой приватизации, как фигура и сила, способная взять на себя всю полноту политико-социальной ответственности за процесс и результаты беспрецедентного перераспределения богатств рухнувшего СССР. Ельцин и впоследствии Путин призваны были «прикрыть» бесплатную раздачу собственности группе «уполномоченных» людей и упредить социальный взрыв посредством создания системы обманок и симулякров. Сегодня, на пороге финальной монополизации, эта миссия полностью выполнена, и президентская власть, с ее огромными формальными полномочиями, становится источником смутной угрозы для олигархического мира. А вдруг следующий хозяин Кремля захочет подвергнуть ревизии раздел страны? А вдруг он аккумулирует огромную скрытую энергию национального и социального протеста? А вдруг, не ровен час, взбрыкнет нынешний президент, пока что столь милый и никчемный?

Как ни забавно, мозговым центром ограничения президентской власти выступает… администрация президента РФ. Именно близкие к ней аналитики вкупе с отдельными нетипичными журналистами кремлевского пула наводнили в последнее время СМИ рассуждениями о благотворности перехода к парламентской форме правления. Фактически Кремль по поручению «квадриги» вынес вотум недоверия своему легитимному хозяину, который в минувшие годы, хотя и твердо стоял на страже интересов правящего слоя, все же позволял себе известные кадровые вольности. В частности, так и не приструнил чекистское крыло собственного окружения, которое сумело занять серьезные позиции в некоторых отраслях экономики, например, в ВПК и экспорте вооружений.

Внимание, вопрос: чем чревата для России начала XXI века парламентская республика? Бесспорно, тотальным олигархическим всевластием. Реальные партии в нашей стране практически отсутствуют. Околополитические структуры, именующие себя партиями и даже зарегистрированные в добродетельном Минюсте, фактически являются лоббистскими клубами, обслуживающими конкретные интересы крупного бизнеса. Как только исчезают интересы, псевдопартии сдуваются, как продырявленные воздушные шары. Где ныне «Выбор России»? Где ПРЕС? Где НДР? Куда подевался былой блеск победительной ЛДПР? За последние 10 лет олигархи и обслуживающая их политико-административная надстройка сделали все возможное, чтобы подорвать доверие к словам «идеология», «философия», «убеждения», «взгляды». На подобной базе партию сегодня уже не создашь, ибо постъельцинские элиты в нее не поверят. Единственно существенным в олигархической системе ценностей является лишь так называемый прагматизм, то есть в переводе с русского олигархического на Великий, Могучий, Правдивый и Свободный (ВМПС) просто махровый цинизм. Поэтому и «партии» дня сегодняшнего – не более чем структурные

подразделения большой Корпорации олигархического прагматизма (КОП).

«Квадрига» выдвинула и публичного лидера. Это 40-летний Михаил Ходорковский, президент гигантской «ЮКОССибнефти». За минувшие полгода этот крупный нефтяник превратился из бесплотного магната-невидимки в открытого политика, коего можно почти ежедневно увидеть и ощутить на экране общенационального ТВ. Правда, как был молодой олигарх коммуникативно недостаточен, так и остался: понять, что он говорит, и особенно что имеет в виду, иногда бывает для простого, недорогого россиянина затруднительно. Но уровень претензий Ходорковского заявлен недвусмысленно. По некоторым данным, именно аналитические подразделения ЮКОСа в 2001–2002 гг. разработали доктрину перехода к парламентской республике с премьер-министром Михаилом Ходорковским. С партнерами по «квадриге» крупнейший сырьевик страны уже договорился; порукой тому – создание «ЮКОС-Сибнефти» на первый взгляд более выгодное Роману Абрамовичу, чем его контрагенту. Достаточно сказать, что только за 20 % акций «Сибнефти» акционеры ЮКОСа переплатили, по оценкам ряда аналитиков, без малого $1 млрд. – этот пакет был куплен за $3 млрд. при рыночной цене несколько менее $2 млрд. Совокупный же бонус Абрамовича при создании мегакомпании составил порядка $2.5 млрд. Взяткой назвать эту сумму язык не поворачивается; все-таки никто из участников сделки века не чиновник. Скорее бонус можно считать компенсацией. Благодарностью за поддержку кандидатуры Ходорковского-премьера тремя другими членами «квадриги». Слегка зная ангельские нравы олигархической среды, можно предположить, что Абрамович и Ко сейчас потирают руки не только от перезаработанных миллиардов, но и по случаю очередного триумфа собственной непроходимой хитрости: Ходорковский в рискованной игре по переустройству России со всей очевидностью вызвал огонь на себя. Если застывший в Кремле Путин вдруг перейдет в контрнаступление и начнет искать виноватых, кандидат № 1 на заклание сразу известен. Если же президент добровольно смирится с упразднением его республики, главу «ЮКОС-Сибнефти» можно будет нейтрализовать каким-нибудь другим изощренным образом. Благо, олигархический опыт в области нейтрализации условного противника велик и славен. Вспомним хотя бы «крестного отца Кремля» Бориса Березовского, для которого вчерашние ученики приготовили камеру с крысами и педерастами в фешенебельном самарском СИЗО.

Впрочем, логика становления и развития олигархического капитализма в России говорит о том, что на такое рискованное дело, как смена госустройства, «квадрига» не пойдет без серьезных внешних гарантий. Гарантом операции по обеспечению личной унии власти и крупных собственников в экс-империи может быть только единственная сверхдержава современного мира – США. Дивиденды Америки тоже вполне очевидны. Во-первых, «квадрига» гарантирует полное превращение России в сателлита Вашингтона – не случайно о вящей полезности парламентаризма в России и о жестокой ошибке Путина, сдуру выступившего вместе с Францией и Германией против войны в Ираке, сегодня говорит один и тот же круг независимых интеллектуалов. Во-вторых, уже в ближайшие годы крупнейшие сырьевые, а затем и инфраструктурные компании России станут собственностью корпораций англосаксонского мира. Сделка BP – ТНК была первой, за ней последует, очевидно, операция по продаже «ЮКОС-Сибнефти». Причем известен уже и потенциальный покупатель – Halliburton, родная компания вице-президента США Ричарда Чейни, корпоративное воплощение шкурных интересов американской верхушки. Далее – уже и энергетика, и телекоммуникации, и, вероятно, ВПК. Святое дело «холодной войны» будет приведено к ясной логической развязке.

А что же Путин? Кремлевские источники утверждают, что сценарий смены власти в стране повергает президента в уныние, близкое к отчаянию. Он то и дело покрывается холодным потом, невесело поругивая злокозненного Ходорковского. Но может ли всесильный глава государства хоть что-нибудь сделать в этой ситуации? Путину практически не на кого опереться. Верные спецслужбы уже разочаровались в идее повышения собственной роли и вполне готовы пойти на компромисс с источниками больших денег. Заметные в недавнем прошлом бизнес-фигуры за пределами «квадриги» либо продали свои активы олигархам первого эшелона, либо просто поджали хвосты в ожидании неизбежной финальной монополизации. Даже левопатриотическая оппозиция, в 1999–2000 годах наслаждавшаяся Путиным как полной противоположностью «антинародному» Ельцину, поняла, что имеет дело лишь с лицемерно-бессильным проводником олигархической квазимодернизации, адептом пустоты. Медиа-сообщество удручено «прагматизмом» непосредственных хозяев и в массе своей плевать хотело на все, кроме гонораров. Русскую интеллигенцию олигархи упразднили как явление, интеллектуальной элите объяснил ее никчемность лично президент. Владимир Путин остался в полном одиночестве, дорогу к которому проложил сам. Он одинок, как вверенная президентскому попечению неприкаянная страна, брошенная Историей на выжженном пространстве Империи. Как весь народ этой пустой огромной страны.

Если у президента России Владимира Путина есть доверенный политический аналитик, он же личный астролог, то этот аналитик должен был бы обратить пристальное внимание патрона на маленькое смутное время – конец ноября 2003 года.

В странах бывшего СССР началась череда переворотов.

Сначала на грани отставки оказался литовский лидер Роландас Паксас, избранный президентом менее года назад. Ему не простилась попытка наступить на хвост элите 90-х годов, поставить под сомнение основы основ ее существования: беспрекословное подчинение США и приватизацию. Элита, контролирующая политические институты, спецслужбы и СМИ, дала понять Паксасу, что сама в отставку никак не собирается, – скорее, пасть суждено всенародно избранному главе государства.

Затем разгоряченные соотечественники вынесли вперед ногами «белого лиса» («белую крысу») Эдуарда Шеварднадзе. Выдающиеся способности аппаратного интригана и безмерный опыт почему-то не помогли экс-министру иностранных дел СССР. Оказалось, что в стране, где нет реального государства, отстаивать свою власть очень трудно, даже если ты патриарх, академик, зубр, мастодонт и личный друг Джорджа Буша-старшего.

Вы не помните, дорогие друзья, с чего начинался официальный, публичный и гласный распад СССР? Да, именно так: с событий в Тбилиси и Вильнюсе. 2003 год: опять Вильнюс, опять Тбилиси.

И опять в Кремле сидит президент, у которого есть только две проблемы. Первая: эфемерность государства (почти как в Грузии). Вторая: системный конфликт с элитой (почти как в Литве). По бородатому анекдоту про преферанс – третью и четвертую проблемы можно не называть.

Обе эти проблемы – части одного целого. Путинского ***одиночества***. Период путинского ученичества прошел – это мы поняли минувшим летом. Он захотел править сам. Возжелал найти источник легитимности, отличный от олигархического похлопывания по плечу. Обозначил готовность взять на себя ответственность, верховной власти роковое бремя, ее невыносимый гнет. И сразу же стало ясно, сколь бесстрастен и пуст мир вокруг Владимира Путина, второго демократически избранного президента России.

У Путина сегодня нет политической опоры. Нет каналов коммуникации со страной. Нет стратегии и даже инструментов ее формулирования. Нет лояльных партий (искусственная «Единая Россия», которую можно упразднить одним звонком по АТС-1, не счет) и СМИ. Есть только ельцинские бюрократы, способные на саботаж, и силовики, способные на выемки документов. Но саботаж + выемки – не совсем то, что делает власть властью.

Новое государство российское пока так и не стало полноценным самодостаточным субъектом – и потому не способно жестко защищать себя. А элита девяностых объявила Путину недвусмысленную войну на уничтожение. За сопротивление Ходорковскому и отставку Волошина президент России прощен не будет. Ирония перешла в сарказм, снисходительность – в ненависть. Те, кто вчера мягко поругивал президента, сегодня его жестко *мочат*. Те, что были подчеркнуто корректны, стали откровенно оппозиционны.

И потому переворот в России отнюдь не кажется невероятным. Несмотря на несгибаемые фаллические символы режима Владимира Путина – сверхвысокий рейтинг и вертикаль власти (излишне повторять, что и то, и другое – чистейшей минеральной воды фикция, PR-сущности, лишенные подлинного государственно-политического содержания). Хотите сценарий переворота? Пожалуйста.

Февраль 2004 года. В силу объективных (коллапс инфраструктуры, не модернизировавшейся со сталинских времен) и субъективных (позиция руководства РАО «ЕЭС России» и отдельных социально ответственных нефтяников) причин 20–25 регионов России вымерзают дотла. Энергетическая катастрофа становится реальностью.

Тут некая сила, могущественная и добрая, как Родина-мать, объявляет через подконтрольные СМИ и сеть добровольных помощников-агитаторов: в замерзании виноват Путин. Это он своим наездом на олигархов (совесть нации), бессмысленным и неумелым, спровоцировал энергетический кризис. И он должен ответить за это!

Дальше приводится в действие непобедимая сила денег. 50 000 человек, получивших по $100 аванса (с обещанием дать еще по $200 после победы – очень немалые средства по меркам российской провинции) доставляются самолетами и поездами в незамерзающую Москву. Здесь к ним присоединяются еще 15 – 20 000 тысяч подмосковных молдаван, узбеков и таджиков, трудно живущих ожиданием депортации. Пройдя сквозь неподкупных столичных ментов, как нож сквозь голубое сало (вспомним покойных героев мюзикла Мовсара Бараева и Абу Бакара), отмороженные гости столицы проникают в центр города. Где сплачиваются и в мгновение ока (а кто остановит семидесятитысячную толпу?!) оказываются на Красной площади. И начинают бессрочный митинг за отставку президента. Вскоре к ним присоединяются представители парламентских партий КПРФ, СПС и «Яблоко», а также отдельные, наиболее дальновидные члены «партии власти». Средства массовой информации, стоящие на позициях элиты 90-х годов, активно поддерживают митинг. Государственные телеканалы – последнее, на что может рассчитывать президент, – относятся к происходящему довольно индифферентно. Как телевидение 1991 года – к рассыпающемуся на глазах Горбачеву.

Что в такой ситуации может сделать Путин? Выйти к народу и развернуть его на 180 градусов? Но у Путина нет опыта управления толпами. И народ не воспринимает президента в роли трибуна, готового залезть на танк и въехать на нем куда угодно. К тому ж и организаторы митинга не позволят президенту говорить с коммерческим народом. И путинская охрана не

даст.

Разогнать митинг? Но нет сегодня силовой структуры, которая выполнила бы такой приказ. Армия будет стрелять в толпу лишь в том случае, если поймет, что за спиной у нее есть спасаемая таким образом страна. Однако у армии в тылу никакой страны нет – это стало окончательно ясно, когда полковника Юрия Буданова отдали на предвыборное съедение Ахмаду Кадырову. Насколько преданные спецслужбы готовы спасать свое государство, мы убедились еще в 1991 году. А ведь тогда на кону стоял Советский Союз – не чета нынешней РФ. И КГБ СССР был вроде как покрепче сегодняшней ФСБ. Милиция? Да, согласен, даже не смешно. Запад? Запад, конечно же, поддержит победителей. Почувствовав, что Путин перестает контролировать ситуацию в столице, лидеры Америки и Европы начнут готовиться к триумфальной встрече Ходорковского – узника совести, символа русской демократии. А какой-нибудь вельможный Колин Пауэлл объяснит другу Владимиру по телефону: *главное, старик, чтобы все без кровопролития, а политическое убежище в Калифорнии – это без проблем, don't worry!* Да и вообще – пока Путин позволял размещать американские базы в Средней Азии и закрывал наши РЛС, топил станцию «Мир» и с придыханием вещал об «антитеррористической коалиции», он устраивал Вашингтон на 101 %. А сейчас, когда Россию вдруг понесло восстанавливать влияние в СНГ… В общем, Ходорковский может оказаться куда лучше.

Следующий вопрос: сколько стоит переворот в России?

Итак…

Гонорар народу – $21 млн. (70 000 × $300);

Транспортные расходы (чартеры + поезда + иные средства передвижения) – около $5 млн.;

Питание на всем протяжении митинга – $20 млн. (из расчета $5 в день на митингующего);

СМИ и политические партии (на период путча) – $50 млн.;

Накладные и непредвиденные расходы – $10 млн.

ИТОГО: $106 млн.

(Смета не учитывает затраты на иностранных лоббистов и медиа-поддержку на Западе. Эти затраты рассматриваются в данном случае как расходы прошлых периодов.)

Сто шесть миллионов падающих североамериканских долларов – сущие пустяки! Доход олигарха уровня М. Б. Ходорковского / Р. А. Абрамовича составляет в наше время около $1 млрд. в год. Значит, себестоимость переворота не превосходит месячного заработка одного сверхкрупного бизнесмена. Вы бы пожертвовали зарплатой за один месяц, чтобы избавиться от злейшего, принципиальнейшего врага?

Перенесемся теперь в снежный пасмурный день добровольной (по просьбам трудящихся) отставки гаранта Конституции. Вся либеральная общественность валит валом к столичному СИЗО № 4, где уже разостлана ковровая дорожка и выставлен духовой оркестр. Праздник предвкушения праздника в разгаре – ждут сиятельного Михаила Борисовича, который, как выяснилось накануне ночью, есть тайный внук великой княжны Анастасии и потому легитимный претендент на императорский престол. Ясное дело, весь актив общенародной партии «Единая Россия» – уже здесь, в ожидании нового кумира. Водят мишку, пляшет похудевшая от счастья Настя Волочкова, поет нестареюще кафешантанная Лариса Долина, от здания к зданию протянут плакат «Вместе с Ходорковским!». А бесформенно-нервная Слиска, не дождавшись даже явления Победителя народу, истово зачитывает скоропортящийся манифест: дескать, «Единая Россия» всегда осуждала излишнюю активность силовиков и кадровые ошибки ушедшего на незаслуженный отдых президента Владимира Путина… Правда, президенты Татарии, Башкирии и Калмыкии, а заодно и губернатор Приморья в тот же день заявляют о выходе из состава РФ в связи с нелегитимностью новой власти, но счастливых триумфаторов это нимало не волнует. Распался ведь в свое время Союз нерушимый – и ничего страшного не случилось. Только лучше стало.

Нереально – скажете Вы? Но так же говорили премудрые аналитики о судьбе вечного СССР ровно в воскресенье, 18 августа 1991 года. Так же рассуждали уважаемые знатоки всех и всяческих политик о ситуации в Грузии всего пару недель назад: *куда там мальчишке Саакашвили замахиваться на самого Эдуарда Амвросиевича!..*

Важно понимать: элита 90-х годов уже объявила войну Путину. А в такой войне бывает только один победитель. И пока стратегическая инициатива – не у одинокого, как полночная луна, президента России. Инициатива – на другой стороне.

Портрет его врага, или Новый Карфаген

…Дельцы до безумия безразличны к истинному гению. Они не верят в душу и потому в конце концов перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы быть хорошими; более того, они не так глупы, чтобы верить в какой-то там дух, и отрицают то, что каждый солдат назовет духом армии. Им кажется, что деньги будут сражаться, когда люди уже не могут… Как могли понять человека они, так долго поклонявшиеся слепым вещам; деньгам, насилию и богам, жестоким, как звери?

Что такое элита девяностых? Существует ли она в принципе?

Да, конечно, существует. И своим жестким, стремительным и консолидированным сопротивлением Путину на протяжении последнего месяца – с рокового дня отставки Волошина – она это доказала.

Элита девяностых сформировалась в угаре советского строя, в период позднего Горбачева. В те времена, когда слова «Империя», «Родина», «нация», «патриотизм», «государственность» стали почти неприличными. Или же до неприличия смешными. Следует признать, горбачевское поколение советских лидеров, приравнявшее корейский видеомагнитофон к гербу сверхдержавы, для дискредитации всех этих понятий сделало немало. Как говорил герой Василия Аксенова («Новый сладостный стиль»), позднесоветские партийно-правительственные лица готовы были недорого продать абсолютно все, кроме разве что мумии Ленина, – вот ее толкнуть по дешевке могли только руководители тогдашнего ВЛКСМ.

Но элита 90-х не стала бы цельным сплоченным классом, если бы не один престарелый, пьющий, не очень здоровый человек. Имя ему – Борис Ельцин.

Этот выдающийся (как бы к нему ни относиться) политик и борец за власть прекрасно понимал: если у руля останутся первые секретари обкомов и советские министры – революционный режим Ельцина будет задушен в объятиях через несколько месяцев, может быть, через пару лет. Замена правительства Силаева на «кабинет младореформаторов» осенью 1991-го была абсолютно важным для политического выживания Ельцина, поистине системообразующим шагом. Первый президент поставил на ключевые посты Бурбулиса, Гайдара и Чубайса вовсе не потому, что хорошо их знал или выпил с ними много водки. Не изучив хитросплетений всемирной истории, опираясь лишь на звериную интуицию, Ельцин постиг простую, как пареная репа, истину: только отдав управление страной качественно новым людям, он может застраховать себя, свою власть. Только сменив элиты, бескровно, но резко и решительно, он может удержаться во главе большого обломка СССР, вспомнившего поневоле старинное фирменное наименование – Россия. Так, в одночасье, родилась эта элита. Со временем Ельцин отдал ей крупную собственность и средства массовой информации. Правда, новая элита по меньшей мере дважды была готова сдать благодетеля Ельцина: в 1996-м, когда активно шли переговоры с Зюгановым (*хоть ГУЛАГ возрождай, только крупную собственность не трогай*) и в 1999-м, когда в неозюгановской роли выступал уже мощный старик Е. М. Примаков. Но сами принципы этой элиты оставались незыблемы. У нее появилась своя философия, свое системное миросозерцание, своя, если хотите, религия.

В центре этой религии – деньги. Они всесильны, они – божество. Деньги главнее жизни и смерти. *Они,* а не любовь, отныне движут Солнце и светила. То, что нельзя купить за деньги, можно купить за очень большие деньги. Не случайно главные фигуры этой элиты – богатые и очень богатые люди. Олигархи. Жрецы современного культа денег. Они – святы и неприкосновенны. Ибо богатство в такой религиозной системе – источник и знак святости. Религия денег рождает своих апостолов, своих мучеников, своих блаженных.

Деньги для элиты девяностых – еще и единственный источник любой и всяческой легитимности. *Все проплаченное – разумно. То, за что заплачено, всегда может быть оправдано*. То же, за что не платят, есть порождение чьего-то болезненного сознания, полное безобразие и профанация. Когда олигарх свергает президента, это нормально, ибо олигарх деньгоизбран. Когда президент атакует олигарха, это ужасно и преступно, ибо президент в своей борьбе не действует *именем денег*, а значит, в отличие от своего оппонента, не сакрален. Один из менеджеров ЮКОСа на полном серьезе уверял меня, что Михаил Ходорковский *имел право* убить своего бизнес-оппонента Евгения Рыбина («Томскнефть»), потому что Рыбин был презренным «красным директором» (сиречь порождением ехидниным), Ходорковский же, напротив, – эффективный менеджер (т. е. особого сорта существо, вдохновленное божеством и посвященное в глубокие, пленительные тайны мироздания). Жаль только, что не добили этого Рыбина, вот что добавил человек из ЮКОСа. А когда появился приснопамятный доклад Совета по национальной стратегии «Государство и олигархия», некоторые эксперты, открыто работающие на крупные корпорации (и нимало того не стесняющиеся), усиленно наводили тень на плетень по поводу «ангажированности» доклада, простодушно объясняя почтенной публике: *поймите, за бесплатно такие вещи не делаются!* Что ж, не стреляйте в этих экспертов – они действительно так думают. Они всерьез поклоняются огнедышащему пожирателю младенцев, и их, ленивых пасынков советского разложения, уже не исправишь. Они не понимают, что у кого-то бывают взгляды и приоритеты, отличные от их собственных. Они и Достоевскому бы сказали, что «Братья Карамазовы» – роман заказной. Ибо где не сверкнули деньги, там нет и не может быть ничего существенного, правильного и основательного.

Деньги же (во всяком случае, свободно конвертируемые у. е.) не имеют отечества. Поэтому не имеет его и элита 90-х годов. Идеальная модель государства для этой элиты – конфедерация Центрального административного округа города Москвы, Одинцовского района Московской области и Лазурного берега, входящего пока что в состав Французской Республики. Остальную Россию с ее дурно пахнущим населением – сбросить в море, как царь Ассаргадон – непокорные финикийские города. «Национальная ответственность», «социальная ответственность» для них – в лучшем случае лукавые PR-штампы. В худшем – *навязываемое богатым противоестественное желание обеднеть*, как сообщил намедни один уважаемый бизнес-журнал. Верные адепты Денег всегда радуются, когда со страной Россией случается что-то неладное: от захвата заложников в ДК

подшипникового завода до провала сценария приднестровского урегулирования. Ибо чем меньше остается страны с ее заскорузлыми архаичными заморочками, тем больше становится Молоха, всепоглощающего и безраздельного.

Элита девяностых сегодня премного говорит о свободе и демократии. И яростно мусолит какую-то очередную резолюцию полубезумных геронтократов из Конгресса / Сената США, осуждающую Путина за «отступление от демократической линии». На самом же деле, нет для этой элиты ничего ужаснее демократии. Потому что, если б у народа России был настоящий выбор, к власти в стране пришли бы носители совсем других ценностей, других идеологий. Элита, правда, о своей сохранности своевременно позаботилась, и давно скупила верхушку «системной оппозиции», а также наплодила политических фантомов, выдающих себя за оппозицию. Но при чем же здесь демократия?! Это компьютерная игра под названием «Политическая экзистенция», а никакая не демократия (по В. И. Далю – *народное правленье, народодержавие, мироуправство*).

Свобода? Эта элита признает одну свободу – свободу купить все что угодно за деньги. *Свободу денег, а не свободу личности*. Ты имеешь право говорить, если твое выступление согласовано с держателями денег и/ или мотивировано деньгами. Если же нет – ты прямой враг, которого надо на первой стадии заблокировать, а на второй – *замочить*. Когда олигарх покупает средство массовой информации и вводит в нем жесткую цензуру (попробуйте сегодня покритиковать Ходорковского в любом из принадлежащих ему СМИ) – это нормально. Зато если кто-то выступает против олигарха – это ужасно и преступно. Иными словами, если ты не по части денег, забудь про права – они не для тебя. Деньги не допустят, чтобы ты открыто вещал, перемещался, молился своим (отличным от нео-Молоха) богам. Да и вообще, убеждения у всех должны быть одинаковые, только пиар разный: если ты врешь про счастье трудящихся, будем считать тебя коммунистом, а если про малый бизнес – союзником правых сил. В крайнем случае, легким манием руки переместим тебя с одного политического фланга на прямо противоположный, ничего ведь существенно не изменится. Воистину, нет ни левых, ни правых перед властью денег, есть лишь покорные рабы их. Классические *одномерные люди* (Г. Маркузе), статус и потребности которых определяются только одним параметром – степенью удаления от трансцендентного источника всемилостивейшего *бабла.*

Их свобода не имеет ничего общего ни с «цивилизованными западными» представлениями, ни с нашей пушкинской свободой, священной и тайной. Олигархическая теория свободы так или иначе восходит к культовому чукотскому анекдоту (*все во имя человека, все для блага человека, и человека этого я видел)* – освобождение небольшой группы людей от всех форм известной созданиям Божиим ответственности при полном закрепощении 99.9 % народа, который свободы, конечно же, не достоин. Оазис сладостной вседозволенности в идеальном концлагере.

Основой своей публичной философии элита девяностых объявила *прагматизм*. Поскольку этот класс живет в кислотной реальности Матрицы и культивирует постмодернистский принцип «называть все вещи чужими именами», то и прагматизм у них есть нечто совсем *иное*. Этот их «прагматизм» 80 лет назад блестяще охарактеризовал тот же Г.-К. Честертон («Вечный человек»):

«Почему прагматичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь – это чувствительность, а чувствительность – это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе вещей, о природе мира, в котором они живут; они считают, что миром движет страх и потому сердце мира – зло. Они верят, что смерть сильней жизни и потому мертвое сильнее живого. Вас удивит, если я скажу, что люди, которых мы встречаем на приемах и за чайным столом, – тайные почитатели Молоха и Ваала. Но именно эти умные, прагматичные люди видят мир так, как видел его Карфаген».

Наконец, элита 90-х годов – это *антиинтеллигенция*. Русская интеллигенция, трижды проклятая и четырежды прославленная, бремя и знак отличия русской нации, на протяжении двух столетий пыталась установить связь между элитой и отчужденным, глухим, дремучим народом. Profession de foi русской интеллигенции сформулировал, как известно, великий путешественник Радищев: *я взглянул окрест себя, и душа моя страданиями человечества уязвлена стала*. Худо ли, бедно ли, – в XX веке именно эта интеллигенция устроила две революции – февральскую 1917-го и августовскую 1991-го. Но поле битвы после победы никогда организаторам революций не принадлежало. В начале XX века к власти пришел профессиональный юрист, возвестивший миру, что интеллигенция *не мозг нации, а говно*. В конце века – власть в крупнейшем субъекте бывшего СССР захватили олигархические мародеры, полностью, по сути, разделяющие ленинские представления об интеллигенции. Страшно далеки эти мародеры от народа – но это уже не беда их, а сознательная позиция, центральное правило жизни. В гробу они видали страдания человечества, даже близлежащего его сегмента. Центральный комитет русской интеллигенции, поддержавший распад СССР, уже в первой половине девяностых объявил о самороспуске, ибо никаких Радищевых не может быть в стране с победившим культом Молоха. Как-то недавно выступал я на лучшей в России (говорю без малейшей иронии) радиостанции и начал лепетать что-то про трагические аварии на шахтах в Ростовской области. И тогда ведущий, кстати, один из кумиров моей юности, вальяжно прервал меня: *ну, ты бы еще про взрывы на Солнце вспомнил!* Умри, мой кумир, лучше не скажешь! В этой немудреной метафоре – вся идеология девяностых годов. Россия – это где-то там, на Солнце, где нас нет и не будет. Во всяком случае, в этой жизни. Мы – это «Мерседес», японский ресторан и абсент-парти в бутике Gucci. Шахты могут взрываться, поезда – сходить с рельс, учителя и врачи – голодать, крестьяне – подыхать, но наш строй не меняется, и хвала всесильным деньгам, которые хранят нас на таком сияющем, на таком правильном и ровном, как кремлевский дворцовый паркет, пути нашей жизни!

Благодаря Борису Ельцину, элита 90-х годов взяла под контроль огромные ресурсы – политические, экономические, медийные. У Путина, который дрожащими пальцами нежного дзюдоиста нащупывает контуры альтернативного курса, ничего сравнимого нет. Есть у него только остаточный, не уничтоженный жрецами Молоха *авторитет верховной власти*. Мистическое наследие тысячелетней российской истории. Не случайно служители Денег так яростно поносят эту треклятую историю, в которой, по их

уверениям, нет ничего, кроме унылого рабства (великая Империя от Балтики до Тихого океана, Пушкин и Достоевский, Маяковский и Ахматова, Бродский и Солженицын, Леонтьев и Ильин, Бердяев и Федотов, победа во II мировой войне и полет Гагарина – не в счет). Но Путину не суждено уцелеть, тем более – победить, если он не использует хотя бы опыт своего непосредственного предшественника (о практике великих исторических фигур прошлого предпочту не напоминать, ибо все они не учились в спецшколе имени А. Б. Чубайса и были потому сплошь национально ориентированными тиранами). Лидеру, который намерен выйти за пределы логики и философии 90-х, нужна **новая элита**. Путин должен открыть шлюзы вертикальной социальной мобильности. Тихо и мирно, но решительно и недвусмысленно, как прежде – Ельцин. Альтернатива – триумф сегодняшне-вчерашней элиты и распад России. Третьего – не дано.

Начало ужасной эпохи

Стоит сказать «Иванов», как другая эраТут как тут, вместо прожитых лет.

Знаменосцем элиты девяностых был и остается Анатолий Чубайс. В последнее время он вновь, как в разгар прошлого десятилетия, громко и отчетливо заговорил.

Теперь он утверждает, что стране грозит национал-социализм. И главное орудие национал-социализма – Генпрокуратура. Вернее, рвущиеся к власти Устинов, Патрушев, Сечин и обширная популяция Ивановых (С. Б., В. П. и т. п.).

Анатолий Борисович дело свое знает туго. Он отлично понимает, что большинством депрессивного, уставшего от бесцветного олигархического буйства народа России более чем востребованы национально-социалистические идеи (не будем безбожно путать их с нацистскими). Которых на политико-интеллектуальном рынке пока что, в сущности, предложено не было. И правильно Чубайс, чуткий барометр старой элиты, боится Иванова. Правда, не того, кто перебирает бумажки по федеральному ведомству, а совсем другого.

Тот, другой Иванов, коренаст, грубоват и небрит, и слегка разит от него паленой «Гжелкой» осетинского производства. В один нелегкий час этот русский монстр может постучать в ворота олигархического Запретного Города, и, сжимая в руке тронутый ржавчиной ломик, вымолвить:

– Простите, а хозяин на месте?

И рафинированный политолог модели Линкольн Марк VIII, выполняющий по совместительству функции дворецкого, скажет сквозь домофон раздраженно:

– Отъехали в Кремль, сейчас нету.

А потом повернется к дюжему охраннику:

– Слушай, пристрели ты эту мерзкую падаль.

И услышит от бравого коротко стриженого молодца неожиданное и неизбежное:

– Не могу. Это мой отец.

Великий Чубайс понимает, что запас прочности России, созданный чередой прежних правителей и режимов, исчерпан. А значит, в любую секунду может произойти нечто неординарное. Не управляемое и не контролируемое элитой. Самое же страшное – если Путин найдет прямой контакт с некоммерческим Ивановым. Поэтому остро необходимо убрать Путина раньше, чем такой контакт возникнет. Для того и нужен коммерческий Иванов (см. выше), за $300 (+ $5 в день на питание), готовый выйти на Красную площадь точно в означенный час. И снести в тартарары эту несчастную, изжившую и пережившую себя страну, тяжкими веригами прошлого повисшую на стройных царственных ножках танцующей, жонглирующей словами и сущностями, фантасмагорической элиты девяностых годов.

Трижды прав Березовский – другой гениальный глашатай прекрасной эпохи олигархического безумия. Путин не будет просто так переизбран президентом в 2004 году. Ибо элита уже полностью отказала ему в доверии сочувствии. Молох Всемогущий лишил хозяина Кремля своего благословения. И потому в рамках инерционного сценария устоять Путину – не удастся.

Ему придется срочно найти своих. Союзников. Они, несмотря ни на что, существуют, их много, и они сегодня – пока еще – ждут сигнала.

Преодоление одиночества

…В действительности нация никогда не бывает «готовой», законченной. Она всегда или созидается, или распадается. Tertium non datur. Она либо приобретает приверженцев, либо теряет их, в зависимости от того, есть ли у нее в данный момент жизненное задание.

Борьба с одиночеством – главное занятие затерянного в безразмерных снегах русского человека. Наш человек и пьет, собственно, чтобы в данном ему гигантском пространстве избежать одиночества.

И мучительная схватка Путина с его президентским одиночеством – это, я вам скажу, reality show, перед которым меркнет любое суперрейтинговое «За стеклом»!

Повторю, спасти Путина может только новая элита. Элита первой трети нового тысячелетия. Ее протоструктура уже существует. Но без внешнего импульса в виде явленной властной воли протоэлитарные структуры никогда не станут собственно элитой. Здесь роль президента исключительно велика, больше того – эксклюзивна.

Для кристаллизации же элиты нужны идеи. Простые, как все великое. Идей таких наберется не более двух.

Во-первых, **идея нации**.

Одна из ключевых проблем современной России состоит в следующем: после распада СССР мы не прошли стадию национальной самоидентификации. Оставшись лишь *большей частью погибшей общности* – советского народа. А в такой ситуации никакое поступательное национальное развитие невозможно, ибо отсутствует *субъект развития*. Чем кончается подобная бессубъектность, мы видим на примере некоторых стран бывшего СССР, скажем, Молдавии, которая через несколько лет так или иначе окажется румынской провинцией. К слову сказать, критикуемый ныне за авторитаризм казахстанский правитель Назарбаев сразу понял, чем ему грозит отсутствие нации. Потому и столицу на север перенес, и имя Л. Н. Гумилева университету в новой столице присвоил, и Чингисхана казахом объявил. Ибо несть нации без героев, без истории ярких побед и великих завоеваний.

Что есть нация? Определений – сотни. Приведу лишь два, которые кажутся мне наиболее точными и емкими.

Отто Бауэр, австрийский социал-демократ начала XX века, один из идеологов II Интернационала: *Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы.*

Теодор Герцль, идеолог сионизма: *Нация – это группа людей общего исторического прошлого и общепризнанной принадлежности в настоящем, сплоченная из-за существования общего врага.*

У элиты девяностых и остального народа нет ни общей судьбы, ни единого – национального – интереса. Все, что хорошо для чукотско-лондонского олигарха Абрамовича, плохо для слесаря Пупкина из Верхнего Старгорода, и наоборот. Нет у них и общего врага. Для олигархов и иже с ними враг – российский народ-иждивенец (а также обалдевшая от внезапной независимости Генпрокуратура). Для русского народа враг – олигархи и, по традиции, США. (Впрочем, возможно, место Соединенных Штатов вскорости займет братский Китай). Характерный пример отчуждения: олигарх никогда добровольно не поделится с народом природной рентой, ибо искренне не понимает, как такое возможно: поступиться своим материальным интересом ради относительного благополучия 145 миллионов бессловесных люмпенов, заслуживающих разве что смерти. Какая уж тут нация!

В то же время, народ алчет *единой судьбы* – об этом говорят социологические исследования. Дорогие (и недорогие) россияне живут ожиданием национального проекта, в горниле которого и найдет оформление русская нация. А чтобы приступить к национальному строительству, нужно все то же – национально ориентированная элита. Которая, в отличие от элиты девяностых, не хохочет в голос и не кривится мерзостно при упоминании «нерыночного» *национального интереса*.

Депрессия, в которой погряз народ наш, великий и ужасный, может быть преодолена только на путях реализации *проекта*, возвращающего в русскую жизнь позитивное целеполагание а значит, *заветный смысл*.

Во-вторых – **идея государства**.

Что бывает без государства, когда все управляется скрещеньями и переплетеньями невидимых рук, – демонстрирует нам Грузия.

В России же государство, подаренное Византией, всегда было залогом оформления и укрощения необъятной, недисциплинированной души нашей. А значит, больше чем аппаратом насилия – мудрым отцом, суровым старшим братом, всепонимающей матерью.

В 90-е годы и государство российское утратило свою субъектность, превратившись в придаток бизнеса. С его вполне видимыми руками, то и дело копошащимися в закромах Родины. Если Путину не удастся отделить государство от бизнеса, обособить его от частных интересов – о спасении страны и говорить не приходится.

Теперь, наконец, главный вопрос. На кого может опереться национальный лидер при решении своих задач? Таких групп видится примерно пять.

1. Региональные элиты.

Российский олигархический капитализм отбросил регионы на периферию политико-экономической жизни. Сформировавшись, ельцинская элита сдала лестницу вертикальной социальной мобильности на безответственное хранение в первый отдел РСПП. В итоге между олигархической столицей и субъектами Российской Федерации закрепился *великий разрыв* (почти по Фукуяме) – социальный, ценностный и ментальный.

Региональные элиты уже поняли, что «вертикаль власти» образца 2000 года была нужна, в первую очередь, олигархам, чтобы отстранить регионы от завершающей стадии раздела и дальнейшего передела крупной собственности. Унификация законов – лишь побочное следствие этого олигархического проекта.

Кроме того, региональные элиты объективно заинтересованы в культивировании своих территорий, в развитии регионов, каковое невозможно без сильной центральной власти и, соответственно, единого государства. Ибо ни экономически, ни политически российские регионы (покуда они, к счастью, не укрупнены) не могут претендовать на государственную самостоятельность. А вытеснение русских китайцами с фактическим расчленением страны регионалов никак не устраивает – тогда эти элиты будут повержены, сброшены с игорного стола новейшей русской истории.

Потому региональные элиты – объективные сторонники Путина в борьбе с правящим слоем девяностых. И – строительный материал для новой элиты. И Кремлю следовало бы ныне больше думать не об удушении губернаторов, а об интеграции широких масс талантливых регионалов в федеральную власть, федеральную политику, медиа-среду.

2. Церковь.

Иудеохристианская традиция – даже с поправкой на глубинное русское язычество – сильнее скороспелого культа Молоха. Этим почти все сказано. Страна нуждается в религиозном и церковном (институциональном) возрождении.

Православие в X веке помогло скандинавско-византийскому совместному предприятию стать целенаправленной Русью. В XVII веке – предотвратило польское завоевание (вспомним патриарха Гермогена). В XIX веке – объединило народ во время наполеоновского нашествия (К. Леонтьев писал, что именно французские бесчинства в православных храмах стали последней каплей, вовлекшей народ в войну, сделавшей войну Отечественной). Да и генералиссимус Сталин не случайно возродил в разгар Великой Отечественной войны патриаршество и пошел навстречу Церкви.

Православная паства – сырье для новой элиты. Проекты по восстановлению единства Православной Церкви, сближению христианских конфессий, в которых Путин уже участвует, гораздо важнее, чем это может показаться на первый взгляд.

3. Интеллигенция.

ЦК интеллигенции самоликвидировался. Но сама интеллигенция – не уничтожена. И все так же глядит окрест себя, поражаясь цинизму и безответственности олигархического капитализма. Миллионы провинциальных ученых, врачей, учителей, библиотекарей, актеров и т. д. – объективные противники логики и философии девяностых годов. Они, как никто другой, важны для вытеснения старой элиты и институтов религии золота.

4. Государевы люди.

Во взаимоотношениях государства и человека в России во все времена присутствовала особая мистика. «Государев человек» – знак почета и сопричастности некоему таинству. В 90-е годы, когда государство обесценило себя, объявило самое себя явлением временным и уродливым, смысл «государевых людей» почти пропал. Бюрократия превратилась в придаток крупного бизнеса, весь смысл которого – юридически оформить некие процессы разложения и распада. Но потребность в таинстве у миллионов (гражданских и военных) никуда не пропала. Им кажется, что государство просто вышло покурить или, смертельно усталое от русских веков, поехало отдохнуть к морю. И когда оно вернется, и напомнит о себе, когда «государевы люди» будут отделены от источников больших денег, опорой национального проекта станет еще один мощный социальный пласт.

5. Оппозиция.

Как ни странно. Ходорковский в этом вопросе действовал куда правильнее Путина.

В России есть только три более или менее реальные политические партии – КПРФ, СПС, «Яблоко». Потому что у этих партий есть понятный базовый электорат. У «Единой России» его нет и быть не может, ибо тактический союз бизнеса и бюрократов во имя сохранения источников доходов есть все что угодно, только не партия. Да и в целом идея «президентской партии» упадочна и порочна. Ибо глава государства в России призван быть общенациональным, а значит, *надпартийным* лидером. В начале 2000 года, когда политтехнологи Казанцев, Трошев и Шаманов выстрелами из всех орудий вели Путина к победе на президентских выборах, «путинское большинство» на 50 % состояло из традиционных избирателей КПРФ и СПС. «Единство» же охватило электоральное болото – огромный массив людей, реагирующих не на идеологии, но на условные знаки и символы, на ржавый скрежет истории. На болоте могут строиться стремительные PR-кампании и даже петровская столица, но никак не настоящие партии.

Как ни смешно, и Путин нужен оппозиционным (считающимся ныне таковыми) партиям. Потому что, действуя сообразно логике 90-х годов, партии выхолащиваются, превращаются в обманки, в краткосрочные олигархические *проекты*. Им же надо

быть – *системными структурами, способными к самовоспроизводству*. Партиям жизненно необходим переход от постмодернистской среды тотального манипулирования к реальной политической жизни, с мясом идеологии и кровью борьбы. Такое возможно только после отставки элиты девяностых.

Путин не может заставлять страну долго ждать. Доверие к Кремлю и так расшатано до предела, как кровоточащий недолеченный зуб. Время – и президенту придется это понять – жестко работает против него.

Путин против Путина

…В сердце моем вдруг тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство… чувство господства и обладания.

– Подлинно вы не в своем уме, – заметил он, даже не подняв головы, так же медленно сюсюкая и продолжая вдевать нитку. – И где это видано, чтоб человек сам против себя за начальством ходил?

Один из ключевых противников Владимира Путина – сам Владимир Путин.

Он ведь тоже порождение элиты 90-х годов, ее ставленник. Эта элита до недавнего времени считала его заводной куклой, которая нуждается лишь в регулярной протирке механизма техническим спиртом. И *они* хотят, чтобы Путин выполнял по-настоящему только одну роль – гаранта результатов приватизации. Остальные роли – понарошку.

Ему временами кажется, что можно обойтись полумерами, что можно еще, по Щедрину, *погодить*. Что Бог чего-нибудь даст и так.

Но земная кора уже пришла в движение. На поверхности 1/7 части суши видны аршинные трещины. Их не засыпать вчерашним мусором. Они неуклонно растут и ширятся, как сотрудничество КПСС с братскими партиями.

Поэтому Путину придется выбрать. Он, наверное, может выбрать. Ведь он все-таки – президент.

Вот и все.

Почти 350 погибших, 600 раненых.

Победа.

Российская победа всегда добывалась самой дорогой ценой. Мы умеем терять больше, чем побежденные нами. Не нашего ума дело – считать трупы. «Мамки новых нарожают».

Но все-таки, как бы ни был страшен бесланский исход, надо признать: могло быть и хуже.

Если бы кризис продлился еще неделю – управителями страны стали бы Аслан Масхадов и Руслан Аушев. Кремль принужден был бы пойти на любые условия. Российская власть растаяла бы, как воск от огня.

А нет в России времени более трудного, безнадежного и кровавого, чем время распада власти. Давайте вспомним, как в марте 1917-го солдаты отказались ходить к причастию – потому что пропал русский царь, и с ним – все смирение и послушание.

Сегодня в либеральных кругах принято намекать на скорую спасительную революцию. И даже – кто бы мог подумать! – сострадать несчастному русскому народу, втравленному кремлевской клептократией в монетизацию льгот и прочие социальные безобразия.

Кто бы сомневался, что отмена льгот, а значит, отцовских и материнских обязанностей государства, испортила отношения народа и власти, как ничто другое.

Удивительно только, что сокрушаются по этому поводу наши официальные либералы 90-х годов.

Ведь каких-нибудь 5 лет назад они говорили, что народ – грязное бессловесное быдло, которое лежит гнилым бревном на столбовой дороге капиталистической реформации. Что нужно сбросить это бревно в канаву, чтобы люди царственные, красивые и успешные могли пронестись на шестисотых бричках к вершинам открытой, как весеннее окно, экономики. И если думать об этих позорных алкашах и их бесформенных женах – либерализм в России никогда не построишь.

Отчего же теперь свободолюбцы зовут на помощь гниющее быдло? Ответ прост. Путин им очень не нравится. Чтобы свалить Путина, хороши любые пути.

И если можно поднять народ на бунт – значит, пора поднимать. А потом, когда Путина сменит очередной Чубайс, расширенный и дополненный, можно уже оправдать любую «монетизацию» и указать доверчивому народу его место в мясном отделе либерального супермаркета. Быдло – оно и есть быдло.

Но я все же рискну предупредить революционеров новейшей формации: если огромный криворотый мятеж начнется, первыми будут громить либерал-капиталистические офисы и особняки, а совсем не тайное укрывище венценосного Путина. От русской революции пострадают сначала те, кто ее на свою голову призывает.

Так было всегда. Так случится и в будущем. Поэтому не надо торопить революцию. Она никому не поможет.

Я, может, и сам не люблю привязчивого старика Путина, изъеденного удвоением ВВП и прочими технократическими червями. Но все же – нет для России бедствия страшнее, чем исчезновение царя.

И очень хорошо, что после череды терактов царь все-таки не исчез. А даже – появился в национальном цветном телевизоре в субботу, в шесть часов вечера, после войны.

И – наконец-то произнес обращение к нации. Искреннее и яркое. Сказал то, чего от него давно ждали. Нужна мобилизация нации. Нужно покаяться в собственной слабости и попытаться стать сильными. Должно признать, что мы бездарно профукали сверхждержаву – Советский Союз.

Путин сожалеет о Советском Союзе. Правда, его администрация, укомплектованная подержанными бюрократами ельцинского замеса, – нисколько. «Государство, которое, **к сожалению**, оказалось нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира» – так говорил Путин с телеэкрана живьем. Но в печатной версии обращения словосочетание «к сожалению» так и не появилось. Его вычеркнули. Вычеркнули те, кто считает, что президент РФ есть лишь фантом их переполненного интеллектуальными прелестями накокаиненного сознания.

Но это терпкое «к сожалению» слышали почти все. Слышали и другое. Про солидарность. Про единство страны. И про восстановление сильных спецслужб. И почти все задались вопросом: что же теперь будет? И почему случилась трагедия, заставившая Путина произнести самое сильное и честное слово за все время его правления?

Триумф либерализма

Сейчас, разумеется, во всем положено винить спецслужбы. Недосмотрели, недостреляли, недогнули, недоупекли. Проморгали, прозевали, проспали.

И еще – русскую армию. Завшивленную, голодную, разворованную, ни на что в открытом бою не способную.

Ну что ж. В том есть доля (и даже блокирующий пакет) правды. Но, как сказал однажды известный остроумец, не надо путать причину и следствие – особенно не надо путать следствие.

15 лет напролет – с конца восьмидесятых – либеральная общественность объясняла нам, что все зло – от спецслужб. Что КГБ СССР со всеми его наследниками – страшный рудимент тоталитарной эпохи. И чем скорее спецслужбы будут распущены, разрушены, смешаны с грязью, тем скорее вздохнет постсоветский человек полной грудью, освободившись от гнета треклятого прошлого. Нас убеждали – и почти убедили, – что в спецслужбах трудятся кровожадные империалистические монстры, мечтающие исключительно о возвращении дедушки Сталина и больших дозах крови либеральных младенцев.

Это в Америке и в Англии – спецслужбы что надо. Потому там снимают фильмы про Джеймсов Бондов и агентов Малдеров. Эти лакированные, напудренные ангелы демократии и защитят нас от всех нежданных бедствий. Они, а не наши доморощенные уроды в потертых до неприличия грязно-голубых мундирах.

Либеральная общественность своего добилась. Честные монстры, умевшие воевать за страну и дорожить честью потертого мундира, ушли. А пришли на их место – подлинные либералы чубайсовой закваски, поставившие во главу угла экономоцентричный подход. Дают взятку – делаешь вид, что защищаешь национальную безопасность. Не дают – пишешь откровенную докладную, что вмешиваться нет оснований.

Уважаемые либералы! Вы хотели слабых и бессловесных спецслужб? Вы их получили. Не жалуйтесь. Беслан – ваша коллективная заслуга.

То же случилось и с армией. В напомаженном Лас-Вегасе русского либерализма ей места не нашлось. Служба в рядах Вооруженных сил стала достоянием самых бездарных человеческих существ, у которых недостаточно способностей, чтобы «откосить».

Армия превратилась в орудие политтехнологов, словно какие-нибудь «Идущие в баню». Хотим заработать бабла – начинаем первую чеченскую войну. Хотим избрать Ельцина – устраиваем фарс с «победой», а потом – в качестве ответной любезности – сдаем Грозный и подписываем Хасавюрт. Президентские выборы-2000? Снова война. Нужно вдохновить войска? Тогда полковник Буданов – герой. Нужно избрать неизбираемого Кадырова-старшего (да упокоит Господь его душу)? Полковник Буданов – вампир-убийца, и место ему – в карцере с крысами. Пришло время пропихивать в президенты Чечни Алханова? Отменим оправдательный приговор спецназовцам Ульмана. Чтобы все видели: есть у нас армия, податливая, как механический Буратино из «Детского мира». Отвинтили нос – привинтили нос. Не влезает кукла в сумку – оторвали ногу. Надоел Буратино – выбросили на помойку. Вдруг понадобился снова – пошли, разгребли отбросы в контейнере и достали. И так до бесконечности.

А издевательства над армией – это вам не арест олигарха. Тут прогрессивная общественность возмущаться не станет. С нашим войском дубинноголовых генералов и оборванцев-офицеров так и положено поступать. По всем канонам развивающейся демократии.

Как вы (простите, что с маленькой буквы), господа либералы, полагаете: будет раздолбанная армия защищать страну, которая не гарантирует своим войскам безопасность в собственном тылу? Страну, настолько окруженную лучшими друзьями, что ей и войско-то надобно исключительно для охотничьих забав? Страну, которая забыла, что армия нужна не только для войн, но больше – для их предотвращения? Может ли процветать армия, которую не кормили, потому что деньги были нужны на устроение всемирной вечеринки с экстези и шампанским?

Кстати: а как там поживают агенты ГРУ, которые то ли взрывали, то ли не взрывали террориста Яндарбиева? Когда наши принципиальные правозащитники последний раз интересовались условиями их пребывания в катарской тюрьме? Возмущается ли мировая демократическая общественность полицейским режимом Дохи, выбивавшим показания с помощью специально натренированных собак? Знает ли что-нибудь о своих офицерах наша всеведущая власть? Помнит ли о них далекая северная Россия? Нет. Тишина. Бессмысленно и непрестижно сражаться за эту страну.

Вы хотели, чтобы русская армия никогда больше не могла воевать – и вы этого добились. Славьте самих себя на детских гробницах, в пылище бесланского пандемониума.

Теперь все будут требовать крови армейских и фсбшных начальников. Что же – они, должно быть, заслуживают увольнения. Но армия и спецслужбы сами стали жертвами – жертвами внутренней политики. Ее-то и надо кардинально менять. Когда в консерватории что-то не так – не стоит посылать ревизию на овощную базу.

Если, конечно, мы на самом деле хотим что-то изменить.

Триумф политтехнологий

После Беслана управлять страной посредством политических технологий уже нельзя.

Все политтехнологические фантомы в дни трагедии просто растворились.

Куда-то напрочь исчез самый популярный чеченский президент всех времен Алу Алханов. Столь же благоразумно поступил его ультралегитимный коллега Мурат Зязиков. Рамзан Кадыров, только что грозившийся послать 5 тысяч отборных бойцов на помощь Южной Осетии, «поймал тишину» (термин из олигархической экономики).

Да и вообще – куда делись все хваленые спецсредства власти и управления?

Почему кремлевские политтехнологи не позвонили террористу Евлоеву и строгим голосом не поставили его на место?

Почему против Евлоева и Ко не была развернута PR-кампания во второразрядных газетах и на компроматных сайтах?

Отчего «Идущих вместе» не отправили пикетировать школу № 1?!

И вообще: в Кремле и около него не нашлось в те дни ни одного официального лица, которое излагало бы по насквозь послушному ТВ властную позицию. А настоящими политиками проявили себя, к сожалению или к счастью, списанный экс-глава Ингушетии Руслан Аушев и не допущенный к чеченским выборам Асламбек Аслаханов.

Вывод не нов, но прост. Политтехнологам пора уходить от власти. Нам нужна реальная политика, а не сумма отчетов о потраченных PR-бюджетах.

Горизонталь власти

Чего на самом деле стоит властная вертикаль, похожая на фаллические работы З. К. Церетели, мы знаем теперь со всей пугающей достоверностью.

Вертикаль, призванная контролировать все и вся, ни в какую не работает. Начиная с гаишников, пропускающих бандитов в Беслан за взятку, и кончая топ-бюрократами, панически жалующимися на плохого парня Евлоева прямо в ООН.

Она и не может работать. Потому что вертикаль власти тверда и устойчива тогда лишь, когда она:

– реализует известный всем, сформулированный в явном виде национальный проект, а не обслуживает самое себя;

– начинена идеологией;

– состоит из людей, которым присуща идея служения, как бы пафосно это ни звучало.

В сегодняшней же вертикали уселись дорогие товарищи, которых интересует кормление, а не служение. Пришел на пару лет, украл все, что возможно и невозможно, отдал правильную долю вышестоящим – всю жизнь свободен.

Символ этой вертикали – Великий Гаишник (ВГ), так хорошо знакомый почти всей стране. Мягким воскресным утром или унылой будней ночью стоит этот ВГ в пустом городе и барственно собирает дань с никому не угрожающих водителей (а то и подвыпивших пешеходов). Зато днем, в жуткой пробке, когда город балансирует на грани нервного срыва, ВГ отсутствует как класс. А зачем ему с пробками связываться? На них ни черта не заработаешь (то есть, не украдешь).

Вертикаль власти, состоящая из тысяч кормящихся, неизлечима. Ее нельзя реформировать. Вертикаль нужно бережно положить на землю, превратив в горизонталь. А потом – выстроить новую.

В наше время модно покупать государственные должности, как ценные бумаги, приносящие доход.

Пост министра, например, стоит порядка $200 млн. А должность главы дочерней компании «Газпрома» – от $5 млн. до $50 млн. (в зависимости от масштабов грядущего бедствия).

Либеральные предприниматели, давно прошедшие стадию первоначального накопления капитала, стремятся купить пост-другой, чтобы на приобретенном активе как следует навариться. И всегда найдется вкрадчивый портфельный местоблюститель со знанием африканского языка, который готов пост продать.

Так вот. Я хотел бы, пользуясь случаем, обратиться к покупателям мест во властной вертикали.

Уважаемые покупатели!

Страна не так хорошо себя чувствует, как вы (еще раз простите, что с маленькой буквы) думаете. Вам кажется, что заплатив $200 млн., вы будете рулить поездами, пароходами и самолетами с драгоценными грузами на борту? А ну как придется вам соскребать с рельсов жертв железнодорожных катастроф, нырять за сокровищами пароходов в ледяную воду или ковыряться в обломках взорванных самолетов? В общем, отправлять обязанности настоящей власти. Оно вам надо?

Поэтому трижды подумайте, чем тратить свои кровные на вертикаль. Не лучше ли купить еще пару замков на Луаре или пяток-другой «Майбахов»? Не правильнее ли вложиться в бразильских суперфорвардов и яхты пятого поколения? И уж точно полезнее пересидеть это дождливое время, когда взорваться может любая точка русского пространства, где-нибудь вдали от испуганной Родины.

Короче говоря: уважаемые покупатели, идите в задницу.

Эпилог одиночества

Вот в таком пандемониуме живет и действует Владимир Владимирович Путин, всенародно богоизбранный президент наш.

Кто усомнится, что президент этот одинок, как космонавт, сбившийся с пути где-то между Юпитером и Сатурном?

Нет, конечно, тут же подбегут действительные и почетные члены пандемониума, все эти эффективные политтехнологи и африканские местоблюстители, и твердо заявят: все хорошо, а станет еще лучше, а других писателей у нас все равно нет, и потому менять нас не на кого. Мы и есть Путин.

Неправда. Есть на кого менять.

Под толщей снега лежит совсем другая Россия.

Снег не тает, потому что он искусственный. Изготовлен в придворных мастерских нашего фанерного Лас-Вегаса и слегка припудрен гексогеном, чтоб игривей искрился.

Но под этими фальшь-сугробами – целая страна. Тут тебе и облаков летучая гряда, и достоевскиймо бегущей тучи, и пушкиноты млеющего полдня, и вода новгородских колодцев, и туманный полустанок, а за ним – непроезжая дорога, которая по-прежнему черна. Все то, что было, есть и, наверное, будет – Россией.

Президенту Путину нужно главное орудие власти – лопата. Чтобы раскидать снег и, встав на колени, принюхаться к теплой земле.

Всякое одиночество когда-нибудь заканчивается.

Одиночество Путина – 4

В пасмурный понедельник, 13 сентября, я пообщался с несколькими врагами Владимира Путина – закоренелыми и не очень.

Они – эти враги – были просто счастливы. Ты не понимаешь, говорили они, Путин подписал себе смертный приговор. До сих пор региональные элиты были уверены, что смогут сохранить реальную власть. И потому путинский режим их, в общем, вполне устраивал. Отныне они знают, что ловить нечего. А поскольку они разуверились в силе путинских фельдфебелей, они будут сопротивляться. Путин еще не знает, какие силы вызвал к жизни, каких сторожей разбудил. Ведь если так пойдет, то завтра Кремль и Патриарха Московского захочет назначить, и Главного раввина. А потом назначит Главного раввина Патриархом, и…

В свое время я потратил немало сил, чтобы убедить моих скептически яростных контрагентов в исторической продуктивности путинской власти, призванной вывести страну из невыносимо жестяных рамок американского проекта. 13 сентября я вынужден был признать себя побежденным.

Действительно, Путин, хранимый судьбой правитель, которого не могли поколебать ни тонущие подводные лодки, ни захваты заложников, ни злокозненные медиа-магнаты, совершил самую большую ошибку за все время своего правления.

«Прижат к стене, вися на волоске, я строю на плывущем под ногами, на уходящем из-под ног песке». (Стихи Бориса Абрамовича, между прочим.)

Вертикаль власти, которую Кремль в муках выстраивал последние 5 лет, оказалась вопиюще неэффективной. И не могла оказаться другой. Потому что вертикаль эта не имеет никакого отношения к власти.

Настоящая власть всегда связана со служением. Как бы подл, коварен, нечистоплотен ни был властитель, он всегда служит некоей позитивной программе будущего. Программе, единой для всех подданных этой власти. Правитель – будь то седовласо-сонный президент северной социал-демократической страны или смуглый кровожадный тиран Среднего Востока – только тогда правитель, когда он руководствуется некоей идеей общего блага и несет ответственность за ее воплощение. И неважно, что, скажем, Бенито Муссолини и Улоф Пальме кардинально расходились в понимании того, что на самом деле нужно вверенным их попечению народам. Важно, что их власть была служением, опирающимся на вполне определенную идеологию и четко очерченную миссию. И ни один серьезный историк никогда не заявит, что Муссолини или Пальме главную цель властвования видели в создании каналов передела частно-государственных денег.

Наша же современная вертикаль управления (этот термин вернее, потому что точнее) фактически представляет собою всероссийскую оргпреступную группировку (ОПГ). Вся философия и технология вертикали позаимствованы у настоящих бандитских групп. Основная функция ОПГ – собирать деньги на определенной территории и гарантировать физическую безопасность тех, кто эти деньги дает, – от вальяжных топливных королей до суетливых хозяев чебуречных. (Правда, если «подкрышные» начинают плохо платить, их можно попугать с помощью паяльника и других политических инструментов. Все равно объектам «опеки» деваться некуда.) Судьба «лохов» – людей, которые передвигаются по титульной оргпреступной территории пешком или ездят на горбатых «Запорожцах» и, стало быть, не приносят «структуре» живых бабок – лидеров ОПГ вообще не волнует. Социальная ответственность не входит в число ценностей бандитских главарей. Если бы в зоне контроля ОПГ вообще вымерли все люди, не дающие дохода, было бы только лучше – приток средств такой же, а хлопот куда меньше.

Нет, конечно же, вожди ОПГ заинтересованы в стабильности. Но понимают стабильность они очень по-своему. Стабильность – это когда прикормленные менты десятилетиями не покидают насиженных должностей. (Нового мента ведь надо с нуля прикармливать, а это – нелегкий муторный труд!) Когда соседние ОПГ не пытаются перехватить контроль над какой-нибудь из наших «подкрышных» структур. И когда ни один вонючий поц не пытается занять в любимом кабаке лидера ОПГ личный лидерский стол. (Лидер этого очень не любит.)

Судьбы страны и мира таких «авторитетных предпринимателей» совершенно не волнуют. И говорить с ними о судьбах страны и мира – значит вызвать подозрения в вопиющей нелояльности и, хуже того, прямой нечестности.

Вот так эти самые люди правят огромной страной, в которой все еще почему-то стоят памятники Петру I, Екатерине Великой и даже Владимиру Ильичу Ленину.

И сейчас ответственные околокремлевские работники, сгрудившись вокруг проектов законов о назначении губернаторов, делят, с трудом сдерживая агрессивное слюнотечение, лакомые куски бывшей Федерации. Иван Иванычу – Москва, 10 миллиардов долларов в год. Сидору Хасанычу – Татарстан, 3 миллиарда долларов в год. А это что за мелочь? Еврейская АО? Сто миллионов в год убытку? Нет, это пусть евреи сами разбираются, нам такого добра не надо. Что? Там нет евреев? Тем более. Китайцам отдадим, им голая земля нужна как воздух.

И невдомек этим милым ответработникам, что если придет в их медоносный регион террорист Шамиль Евлоевич Бараев и захватит пару школ, или упоенный восторгами по поводу справедливой монетизации льгот бессловесный народ наш пойдет громить начальственные офисы, тут уж не до денег будет. Тут, как на тонущем «Титанике», все царства мира отдашь за чудесное избавление из плена стихии. Но нет – не думают об этой скандальной стороне власти наши изысканные вертикальщики. А верят лишь в то, что средний житель РФ слишком туп и вял, чтобы создать своему начальнику много настоящих проблем. Поболит, поболит, – и отвалится.

Региональные элиты, Царствие им небесное, были хороши по меньшей мере тем, что несли прямую политическую ответственность перед избирателями. А потому были заинтересованы, чтобы народ не взбунтовался, а страна – не развалилась. Кормящиеся всеми частями тела бюрократы, коих теперь десантируют в избранные места России суперпрофессионалы внутренней политики, отвечать ни перед кем и ни за что не будут. И в любой нештатной ситуации смогут лишь позвонить в кремлевский предбанник и сообщить: что-то не то происходит, господа хорошие, мы так не договаривались, срочно высылайте деньги, войска и вертолет для побега, а то мы ни за что не ручаемся. И вообще? Мы договаривались полноводными потоками управлять, а тут… Неужели результаты недолгого правления карманного Мурата Зязикова не доказали, что 89 Зязиковых Россия не выдержит?

Символ нынешних реформ – назначение Дмитрия Козака полпредом в Южном федеральном округе, самой проблемной территории страны. Про выдающегося бюрократа Козака неподалеку от Кремля любят рассказывать такой концептуальный анекдот:

Босс крупной компании читает в газете «Из рук в руки» рекламное объявление: «Секретарь-машинистка. Печатаю со скоростью 1000 знаков в минуту».

Изумленный, босс приглашает соискательницу рабочего места.

– Что, в самом деле печатаете со скоростью 1000 ударов в минуту?

– Конечно. Только, по правде сказать, такая ерунда получается…

Другими словами, Дмитрий Козак известен в качестве сверхэффективного менеджера, с восторгом берущегося решать любую задачу, физического смысла которой он не понимает. Не случайно судьба всех проектов Козака незавидна: судебная реформа поссорила президента с лидерами судейского сообщества, потом провалилось приднестровское урегулирование, а широко разрекламированная административная реформа привела лишь к параличу властной машины. И вот такой государственный деятель сегодня выступает ведущим идеологом антифедеративного переворота, а заодно едет усмирять непокорный Кавказ. Как веселится сейчас, должно быть, неуловимый Масхадов! Как ерзают от радостного возбуждения в могилах шейх Мансур и имам Шамиль!

Кстати, большая просьба к нашим либералам: не надо жаловаться на ликвидацию российского федерализма в Америку и Европу. Не далее как на прошлой неделе Джордж Буш-младший и Герхард Шредер антифедеративный переворот в России одобрили. А без их согласия никто не стал бы и начинать.

Похоже, Владимир Путин, всенародно избранный президент, решил пройти свой неверный путь одиночества до конца. Путь этот пролегает, увы, не в устланных красными брежневскими коврами коридорах правящей цитадели. На этом пути холодно, сыро и нестерпимо светло. А в самом конце – возникает долгожданный силуэт представителя Власти. Власти, которую нельзя ни подкупить, ни очаровать, ни обработать пиаром. Власти, перед которой придется ответить бедно, честно и неизысканно – навсегда.

Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, 76-летняя особа, приближенная к Всемирному Правительству, – короче говоря, сам Збигнев Бжезинский – опубликовал в Wall Street Journal программную статью «Московский Муссолини». В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина Бенито Муссолини, а малахольный путинский режим – итальянскому фашистско-корпоративному государству 20—30-х годов прошлого века.

По мнению т. Бжезинского, российская элита тоскует по великодержавному имперскому статусу России, воспринимает независимость Украины и Грузии как оскорбление, а сопротивление чеченцев (надо понимать, сугубо мирных гуманитарно-либеральных чеченцев, каковые мухи не обидят. – *С.Б.*) русскому господству – как террористическое преступление. «Дуче добился того, чтобы поезда ходили по расписанию. Фашистский режим пробуждал чувство национального величия, дисциплину и превозносил мифы о якобы великом прошлом. Точно так же и Путин стремится сочетать традиции ЧК со сталинским стилем руководства страной военного времени, с претензиями русского православия на статус «Третьего Рима» и со славянофильскими мечтами о едином огромном славянском государстве, управляемом из Кремля».

Вот так говорил намедни Бжезинский.

Мда. Я давно подозревал, что этот поваренный в холодных войнах гарвардский специалист ни черта не понимает в России. Но кто бы мог подумать, что настолько не понимает! С такими мощными стариками в роли идеологов-аналитиков непросто будет вашингтонскому обкому выстраивать восточную политику XXI века, ох как непросто.

Непонятно, где и при каких трагических обстоятельствах встречал отец всемирной демократии представителей нынешней российской элиты, тоскующих по имперскому статусу России. Как человек, всегда живущий в неподдельно ненавидимой Бжезинским стране, я могу утверждать, что сегодняшняя наша элита тоскует по миллиардам зеленоглазых долларов и сахарным пескам загадочных островов, а разговоры о нации и империи воспринимает как опасную попытку отнять у нее время или – того хуже! – развести на деньги. Ну да ладно, Бог с ней, с элитой. В конце концов, рассуждения бодрого 76-летнего классика о Православии и Третьем Риме находятся вполне на уровне студента второго курса кулинарного техникума – и только сладострастно бородатый русский либерал, готовый воздвигнуть себе мраморным кумиром любого всамделишнего врага России, может относиться к бжезинской геософии всерьез.

Нельзя не отметить нескольких вопиющих цивилизационно-культурных несуразностей «Московского Муссолини». В неофашистской стране, начертанной на карте экс-РСФСР тлеющим воображением старого технократа, поезда ходят по расписанию – совсем как при дуче. Уважаемый товарищ Бжезинский! Постарайтесь осмыслить простую вещь: если вы оказались в стране, где что-то ходит по расписанию, то эта страна – точно не Россия. Вас, наверное, просто обманули организаторы вашей пропагандистской поездки. Требуйте неустойки после отстоя пены!

Впрочем, не интеллектуально-научный уровень либерального мегакумира есть предмет нашего исследования. А образ Владимира Путина, нынешнего президента России, которого все чаще сравнивают и с Муссолини, и с Франко, и даже с Наполеоном I (Бонапартом).

Авторы таких метафор – или безнадежные простаки, или беззастенчивые льстецы. Третьего, увы, не дано.

Муссолини, Франко, тем паче – Наполеон Первый были людьми власти. И беззаветно любили они *самое власть*. Ту мистическую субстанцию, которая дает ее носителю истинное право вершить судьбы малых сих, и потому – делает властеносителя подобным Богу. Эта субстанция не хранится в сейфовых ячейках банков первой категории надежности. Ее нельзя измерить на вес и растворить в воде. Запредельно сладостный вкус власти открывается немногим счастливчикам. А добывается этот вкус – на баррикадах, в землянках, на раздраженных полях сражений.

Тот же Бенито Муссолини, настойчиво поминаемый Бжезинским в контексте Путина, в 1922 году пришел к власти, возглавив поход 26 тысяч яростных сограждан на Рим.

Можно ли представить себе Владимира Путина во главе многотысячного похода на первопрестольную?

Вообразим ли Путин, сидящий с подствольным гранатометом в блиндаже перед решающим вооруженным броском в пекло борьбы за власть?

Наконец, смотрится ли Путин даже в умеренно интеллигентной роли лидера парламентской оппозиции?

Очевидный ответ на все три вопроса: нет.

Путин и Муссолини (а также Гитлер, Франко и далее до А. Г. Лукашенко) – всходы разных посевов.

Если присмотреться, то нельзя не увидеть, что наш президент любит не власть, а атрибуты власти. Дворцы, самолеты, лимузины, яхты, почетные караулы, Charles Laftte 1815 года издания, хрустящего вальдшнепа в соусе белой калины, слова «Геркуланум» и «Корфу», тени Шредера и Берлускони. И народные восторги, конечно. И вертикальное сияние виртуального рейтинга, на протирание которого ежегодно списываются мегатонны сверхчистого кремлевского спирта.

Но власть как орудие мрачного демиурга, как поле, в котором вспыхивает разряд сияния, для Путина почти невыносима, словно состарившаяся опостылевшая любовница из нищих студенческих лет. Почти каждый, кто смотрит иногда общенациональное русское телевидение, научился видеть, что от бремени власти демократически избранный президент РФ становится буквально

серо-зеленым. Как прибрежное море в пахучем районе индустриальной Одессы.

Еще раз: попробуем представить себе Владимира Путина, выходящего к пятисоттысячной толпе и бросающего в нее: *вы готовы умереть за меня и Россию?* А в ответ – колыхание восторга и неистовый рев.

Представили? Не выходит?

То-то же. А вы говорите: Муссолини, Муссолини.

Главный у правляющий

Занудные кремлевские разговоры о том, что президент РФ – всего лишь наемный менеджер с фиксированным сроком контракта, глубоко и далеко не случайны.

Как показывает беспристрастный небжезинский анализ, Владимир Путин и в самом деле не считает себя Хозяином Земли Русской. А считает управляющим большим поместьем.

Поместье это очень старое – 1200 лет в обед. До недавних пор принадлежало оно знатному русско-немецко-грузинскому роду. Но последний русский хозяин оказался человеком не в меру легкомысленным, пьющим и слабым по части женских прелестей. Потому поместье потихоньку захирело и было заложено американскому миллионщику. Последнее, что сделал хозяин перед пенсионным отъездом в Париж навсегда, – назначил главного управляющего. Честного, аккуратного, из небогатой, но порядочной семьи обрусевших немцев. И остался наш управляющий с поместьем один на один. Американец, собака, правда, два раза в год письма шлет и еще раз в год отчет требует. Но самолично не наезжает, указаний точных не дает, а потому как ему по высшему разряду угодить – непонятно. Но стараться надо – а то разгневается и выпишет через суд триста ударов плеткой. Вот стыд-то будет на всю округу!

Поместье, конечно, бессмысленно, неразумно большое. Гектаров пятьсот без малого. Когда-то было еще больше, много больше, но последний хозяин гектаров триста в дурака проиграл и в казино прокутил. Но даже пятьсот – чересчур. Гектаров двести хватило бы за глаза. Но уменьшить поместье управляющий не решается. Мало ли кто чего потом говорить будет – дескать, не уберег доверенное добро! Да и кредитору – американскому миллионщику – может не понравиться.

Работает главный управляющий очень неплохо, если не сказать – просто хорошо. На твердые пять с минусом. Пшеницы в полтора раза больше собирать стали. Долги древние почти все отдали – а то ведь прежде, пять лет назад, каждое божье утро какой-нибудь уездный кредитор наезжал. Охрану новую поставили – старых разгильдяев разогнали. Выпуск стенгазеты наладили: оранжевый негр Леопольдыч, в свое время вывезенный бывшим хозяином из какой-то там Эритреи, каждую неделю славит успехи управляющего фломастерами трех цветов. Не все стенгазете верят, но все, разбирающие грамоту, – разбирают.

В главном барском доме, который пять лет назад от ветра упасть мог, управляющий евроремонт сделал. Лифты ОТИС, кондиционеры Daikin, зимний сад из муранского стекла. Проржавевший дотла фамильный герб на фасаде покрыли толстым слоем молочного шоколада – чтобы вкуснее смотрелся. Только фундамент, как прежде, плывет, и надо бы его жидким азотом залить, да сейчас пока денег нет. Экономить надо. Ведь на праздники – в Баден-Баден ехать, а там дальше – горные лыжи в Китцбюэле, а потом – еще конгресс управляющих поместьями и латифундиями в Рио-де-Жанейро. (Кстати, две пары новых белых штанов совсем не помешают.) В общем, тут пока не до фундамента. И так сделано до черта. Кто бы оценил, ублюдки неблагодарные.

Народец, по правде сказать, в поместье сплошь убогий и угрюмый. Работать не хочет, не любит и не умеет. Скотник Акимыч неизменно мертвецки пьян. Лакей Абрам Фирсович на старости лет совсем сдал – перестал мыться и распространяет в главном доме жуткое зловоние, от которого хоть на стенку лезь. Кухарка Фекла русскому языку почти разучилась и все норовит принести водку вместо чая. Ключница Пульхерья, сожительница пьяного скотника, то и дело бросается на управляющего с дикими криками «отец родной!» и просит денег на поправку здоровья ее слепой колченогой кошки. В общем, полный караул.

Хочется закрыть глаза и вообразить, как весь этот скотоподобный люд, невменяемые бабы и мужики разом куда-то исчезли. А их место заняли длинноногие модели от Лагерфельда и стройные рафинированные клерки от Hugo Boss. И надо бы, конечно, разогнать прескверных холопов, да пока рука не поднимается. В общем, хрен с ними, пусть живут пока. Но платить им не будем. Все равно деньги пропьют, а там, глядишь, на нечаянных радостях вообще из берегов выйдут и стога хозяйские подожгут. Нет, деньги – они холопов не любят. Деньги надо складывать в бронированных подвалах господского дома, на самый что ни на есть черный день, на случай зимы, чумы, сумы и т. п.

Почему старые хозяева разорились – управляющему с его немецкой трезвостью куда как хорошо понятно. Что они на своих пятистах га понастроили – это вообще ни в сказке сказать, ни пером описать! Какие-то форты, бастионы, мельницы, даже заводы. Сейчас, конечно, это все не работает. Но электричество и воду жрет гнусное хозяйство, черт бы его подрал. Мы уже его, конечно, частью прикрыли, частью распродали на бревна и гвозди. Расходы сразу уменьшились вполовину. Да и кредитор-американец вроде не против: телеграмму ободряющую прислал, дескать, все это безобразие лишнее отправляйте к богу в рай. Там еще рабочих было человек пятьдесят, а куда нынче подевались – не знаем. Может, пьяные по канавам валяются. А может, в соседние поместья на заработки подались. Ну и слава Богу. Все хлопот меньше.

Да, вот еще. Тут двести лет назад крестьянский театр открыли и школу для холопских детей. Стоят до сих пор, хотя их не ремонтировали: на господский дом средств едва хватает. Думаем, конечно, тоже закрыть: будто нашему потному грязному отребью все это нужно! А я вам так скажу: лучше парижской оперы, что во дворце Гарнье, все равно ничего не сыщешь. И кто сможет – тот до нее доберется. А никаких доморощенных театров, пахнущих кислыми щами, нам даром не надо.

Правда, как главный дом обновляли, так две дюжины турецких рабочих завезли, и с тех пор они никак уезжать не хотят. Живут где-то в пролесках, на границе поместья, воруют у стародавних мужиков, жгут костры и поют не по-нашему. Ну и пусть себе. Нет такой задачи – вмешиваться в дела сброда. Так на жизнь вообще никакого времени не останется.

И только тогда отдыхает от неустанных трудов главный управляющий, когда закрывается на излете терпкого дня в огромном

барственном кабинете, с настоящими картинами Шилова и фальшивыми – Лансере, в обществе любимой собаки чрезвычайно королевских кровей и, пригубив веселое «Асти Спуманте» иль папского замка вино, грезит беззаветно о дне, когда служба его закончится. Но вдруг странная мысль пронзает его: служба закончится, а на кого все оставить? А как барину бумаги в Париж передать? А американец проклятый? И как будто злая иголка тайского врача впивается управляющему в позвоночник.

И еще иногда видит главный управляющий, занимающий временно большую хозяйскую спальню, страшные и одинаковые сны. Про то, как скотник Акимыч, протрезвев и помолодев лет на двадцать, поднял всех неблагодарных мужиков с безмозглыми турецкими рабочими вместе. И пришли они все, с вилами и топорами, к балюстраде главного дома и заорали нечеловеческим голосом: *«Почто отравил старого барина, немчура проклятая?!»*

– Подите прочь, свиньи, я за этого вашего барина все долги поотдавал…

Тут, слабо вскрикнув, он просыпается. И, схватив трубку поместного телефона, вызывает Леопольдыча, и просит оранжевого негра пройтись-прогуляться по пятистам гектарам.

– Леопольдыч, сходи, дорогой, выясни: любит меня еще мой народ?

Через два битых часа Леопольдыч, покачиваясь от грошовых возлияний, возвращается к начальству и с важностью чрезвычайной докладывает:

– Так точно, Ваше превосходительство, 72 процента холопов как из пушки души не чают. Еще 28 процентов найтить не удалось.

И отходит тогда больная душа главного управляющего. И велит он подать из гаража свой малиновый «Рольс-Ройс» с фильдеперсовым верхом, и, накинув белое кашемировое кашне, отправляется в поездку по лужайкам и ручейкам огромного старого имения. Нет, все-таки 117 поколений господ не зря постарались. Не зря.

Настоящий Муссолини

При Бенито Муссолини в Италии было очень много плохого. И мы все это знаем (спасибо не столько Бжезинскому, сколько советскому курсу всемирной истории). Мы знаем, кроме всего прочего, что погубил дуче и его режим альянс с Адольфом Гитлером.

Но было при Муссолини – horribile dictu! – и кое-что не очень плохое.

С 1922 по 1938 год население Италии выросло на 15 %.

За время правления Муссолини была практически полностью разгромлена мафия.

В 1929-м был подписан Латеранский конкордат, в результате чего католичество стало государственной религией Италии, а во всех школах страны было введено преподавание основ католицизма.

В 1932 году был учрежден Венецианский международный кинофестиваль. В 1934 и 1938 годах сборная Италии выигрывала чемпионаты мира по футболу.

А вот так говорил Муссолини. Послушайте.

«Человек – это индивид, связанный с нацией, с Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность».

«Нация не есть раса или определенная географическая местность, но длящееся в истории множество, объединенное одной идеей, каковая есть воля к существованию и господству, то есть самосознание и, как следствие, личность».

«Превышая границы краткой индивидуальной жизни, государство представляет неизменное сознание нации. Внешняя форма государства меняется, но его необходимость остается. Это государство воспитывает граждан в гражданских добродетелях, оно дает им сознание своей миссии и побуждает их к единению, гармонизирует интересы по принципу справедливости; обеспечивает преемственность завоеваний мысли в области знания, искусства, права, гуманной солидарности; возносит людей от элементарной, примитивной жизни к высотам человеческой мощи, к Империи; хранит для будущих веков имена погибших за его неприкосновенность и во имя повиновения его законам; ставит примером и возвеличивает для будущих поколений вождей, увеличивших его территорию; гениев, его прославивших. Когда чувство государственности ослабевает и берут верх разлагающие и центробежные устремления, тогда нации склоняются к закату».

«Стремление к империи, то есть к национальному распространению есть проявлении жизни; обратное, «сидение дома» – признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, – всегда империалисты; умирающие народы отказываются от всяких претензий».

Ну и при чем здесь, спрашивается, Владимир Путин?

Мирный переворот как альтернатива кровавой революции

Вы будете смеяться, но Кремль сейчас действительно боится революции в России.

Этот панический страх возник в конце января 2005 года – сразу после инаугурации Виктора Ющенко. В тот момент кремлевские мудрецы поняли, наконец, что операция по взятию власти на Украине, которая некогда считалась беспроигрышной, провалилась.

Нет, никаких серьезных изменений в российском политическом пространстве с тех пор, конечно, не произошло. Верная вертикаль власти неуклонно укрепляется. Федеральные телеканалы с каждым днем становятся все лояльнее и подобострастнее. Крупный бизнес политикой демонстративно не интересуется. (Если не считать отлученных от России Березовского и Невзлина, каковые по разряду бизнеса давно уже не проходят.) Парламент штампует нужные законы с неистовой покорностью. В общем, все у Кремля хорошо. Так откуда же страх, граничащий с отчаянием?

Ответ прост: от непонимания. До украинской революции Владимир Путин точно знал, как берется и удерживается власть. И что для этого нужно. Кремлевская позиция сводилась к тому, что трех критических ресурсов – больших денег, большого телевидения и системы правильного подсчета честно поданных голосов – абсолютно достаточно для безраздельного управления народом и его выбором. Согласно этой логике, кандидат в президенты Украины Виктор Янукович, пусть дважды судимый и трижды необаятельный, проиграть просто не мог. Кремлевская система основополагающих ценностей в принципе исключала возможность выход народа на улицу и решения вопроса о власти во внесистемной плоскости.

Однако ж – народ вышел. И не рассеялся через три дня, несмотря на предзимние холода. И водометами этот народ никто не разогнал. И, когда Ющенко, вопреки фундаментальным представлениям Путина о государственно-политической жизни, провозгласили-таки президентом, Кремль понял, что универсальная политтехнологическая машина больше не работает. Хозяин Кремля в эту минуту ощутил себя капитаном космического корабля, переставшим получать сигналы из Центра управления полетом. Нет, корабль по-прежнему движется по заданной траектории и пока что не разваливается. Но ощущение, что управляемость потеряна и врезаться в смертоносный неземной астероид можно в любой момент, нарастает. Отсюда – и прорывающаяся наружу тихая путинская паника.

Разумеется, Кремль пытается скрывать, что потерял всеобщий рецепт победы. Незадачливые путинские стратеги с пеной у рта настаивают, что на Украине ничего экстраординарного не произошло – нас просто предали Соединенные Штаты. Но в глубине души Путин-то знает: США ни при чем. Данное в начале лета 2004 года обещание не мешать победе Януковича они полностью выполнили, более того, 23 и 30 ноября 2004 года прямо предотвратили захват восставшими ключевых административных зданий в Киеве. Значит, на самом деле проблема все-таки состоит не в позиции Америки или, по крайней мере, не только в ней.

Столкнувшись с крахом политтехнологий как способа управления миром, Кремль, тем не менее, собирается бороться с неведомо откуда берущейся революцией с помощью все тех же технологий. Главное орудие нарастающей контрреволюции – всевозможные потешные полки. Фиктивные молодежные организации («Наши», «опричники» и т. п.), призванные избивать врагов Кремля физически, бессловесные псевдооппозиционные фракции в составе «Единой России», которым поручено по согласованной программе мягко критиковать власть слева и справа, бутафорские «альтернативные» профсоюзы, агрессивные общества потребителей, которым будет поручено направлять народный гнев против рядового чиновника, который, в отличие от верховного Путина, на самом деле во всех бедствиях народных и виноват.

Публике предъявлена уже и контрреволюционная философия власти. Три основные элементы кремлевской доктрины таковы:

– Путин – это стабильность, а любая дееспособная (неигрушечная) оппозиция – фашизм и гражданская война;

– Путин – меньшее зло во всех отношениях;

– чтобы меньшее зло никогда не уступило место большему, нужна консолидация элит.

Еще, разумеется, власть хочет заведомо перекрыть некие только ей известные каналы финансирования революции, а потому открыто договаривается с крупным капиталом, обещая налоговую амнистию, сокращая до 3 лет срок исковой давности по приватизационным сделкам и обещая никого не мучить избыточными налоговыми проверками.

Но, делая все это, Кремль нисколько не уменьшает вероятность революции. Напротив – ускоряет и приближает сладостные революционные дни, которые могут, при неудачном стечении обстоятельств, обернуться тотальным кровавым погромом, а завершиться – торжественным и юридически оформленным распадом России.

Нищета консолидации, или Проблема-175

Говоря об элите, которой необходимо экстренно консолидироваться, Кремль на самом деле имеет в виду весьма узкий кружок, состоящий примерно из 175 физических лиц: 25 крупных собственников, 50 ключевых чиновников и порядка 100 человек разномастной челяди. Все эти люди вроде как кровно заинтересованы в сохранении status quo. Но по-настоящему объединиться они не могут уже по той причине, что у них нет никаких общих немеркантильных ценностей. А процветание в веках нашей унылой России к приоритетным ценностям пула-175 уж точно не относится.

Единственная общая черта субъектов этой «элиты» – страсть к самому что ни на есть банальному материальному обогащению (преимущественно в прямой денежной форме). Но в удовлетворении этой страсти каждый, по определению, играет строго за себя – и, соответственно, против большинства других участников «корпорации 175». Консолидация консолидацией, а табачок, разумеется, – врозь. (Именно поэтому, кстати, так печальны и неэффективны оказались всевозможные олигархические профсоюзы типа РСПП – как только общие интересы мегабизнесменов входили в противоречие с частными, последние немедленно оказывались куда важнее первых, и содержательное единство заканчивалось не начавшись.) Любой Игорь Сечин пожертвовал бы частью путинской стабильности ради уничтожения, скажем, Дмитрия Медведева, Михаил Фридман – долей российского суверенитета во имя разгрома Леонида Реймана, а Олег Дерипаска – добрыми пятьюдесятью процентами геополитической роли страны ради отлучения от власти, скажем, Германа Грефа (и наоборот, разумеется).

Сверх того, внутри корпорации начисто отсутствует взаимное доверие, равно как и доверие к капитану корабля. Те, кого Кремль хочет консолидировать, в силу своего образования и воспитания твердо уверены: если кто-то говорит о спасении России, значит, он хочет поделить большие государственные деньги. Ибо честно говорить о чем-то, кроме денег, для этих людей по определению невозможно. Мыслящий так и действующий сообразно этому правящий слой никогда не станет, конечно, спонсором или тайным воздыхателем революции. Но рисковать капиталом, здоровьем, тем паче – жизнью ради спасения государственности ни при каких обстоятельствах не станет.

А как отреагируют потенциальные консолидируемые на ими же написанное на долготерпеливой путинской бумаге предложение вернуть в страну вывезенные деньги и заплатить 13 % подоходного налога? Очень просто: щас, разбежались, все только и ждут, чтобы мы наши бабки засветили и прямо под репрессии подставились. Нет уж, пусть сначала кто-нибудь другой здоровьем рискнет!.. Вот вам и весь сеанс налоговой амнистии с последующей консолидацией.

Группа-175 состоит в большинстве своем из шустрых и предприимчивых аутсайдеров состарившейся советской системы, базовая логика жизни которых всегда сводилась к нехитрой цепочке: *в этой стране все равно никогда ничего хорошего не будет – пока бардак, надо на нем как следует заработать – заработав, надо быстро все вывозить и мотать удочки, пока не отобрали.* В переводе на более цивилизованный язык транспарентного постсоветского бизнеса, цепочка выглядит примерно так: *участвуем в бесплатной приватизации – пожинаем плоды полного контроля над механизмами принятия государственных решений – уходим в cash (продаем активы по рыночной, а не номинальной стоимости) – до белого каления очищаем капитал на Западе – оседаем на Западе.* Как любил говаривать один очень знатный член «клуба-175», «чтобы отвалить из России, мне большой транспортный самолет не нужен. У меня все состояние – в одном портфельчике».

И кто-то в состоянии поверить, что эта элита «портфельных инвесторов», которая при первых трубных звуках мятежа устремится на машинах с голубыми мигалками в аристократический бизнес-аэропорт «Внуково-3», сможет объединиться во имя России?! Ну-ну.

Нищета эстетики

Наряду с блефом «консолидации элит», Кремль вдруг решил, что настал момент консолидировать и собственный народ – вокруг невнятного послеобеденного бормотания на извечную тему «лишь бы не было войны».

Но президент РФ и его утомленная солнцем великой российской халявы камарилья просто никогда не догадывались, что для мобилизации народов нужны, в первую голову, лидеры и образцы – политические, интеллектуальные, моральные, эстетические. А какие у Кремля нынче образцы? Да ясно, какие. Идеальные политики у них – Грызлов со Слиской, образчик поэзии – незапоминаемый гимнотекст Михалкова-ст., музыки – Владимир Соловьев-мл., а кинематографа – «Бригада» с «Ночным дозором» и «Статским советником». Нелегко с такого качества оснащением поднять народ на борьбу. Да что говорить, если для собственных «Наших» у Кремля никого не нашлось в начальники, кроме напрочь дискредитированного паяца из «Идущих вместе»!

Давайте вспомним август 1991 года. Безусловно, большинство активных и мыслящих людей тогда вовсе не желало распада СССР. Однако немного нашлось защитников у ГКЧП. Потому что очень трудно было сделать дрожащие руки Г. И. Янаева и упитанные щеки В. С. Павлова символами Империи и предметом консолидации. Каковы бы ни были подлинные намерения гкчпистов, ассоциировались они исключительно с безнадежно циничной номенклатурной кормушкой, а вовсе не с действующей в истории великой страной, взывающей к действенной помощи своих подданных. А ведь Янаев с Павловым куда честнее нынешних были!

Другой показательный пример – все та же предреволюционная Украина. Очень многие политики, бизнесмены, общественные деятели, вполне лояльные Леониду Кучме и безо всякой симпатии относившиеся к самовлюбленному бухгалтеру Ющенко, отказались поддержать «преемника», «символ стабильности» Януковича. Потому что не всякое бурное дитя енакиевской зоны может быть президентом в твоей собственной, уважаемой тобою стране. Оттого-то и было проиграна партия власти на Украине, а не из-за американских происков или березовских проделок.

Смерть путинского большинства

Попытка «консолидации элит» (безразмерные вечные гарантии, предоставляемые верховной властью коалиции-175) есть смертельный удар по пресловутому «путинскому большинству». Поскольку и в 2000, и в 2004 году Путин получил безоговорочную народную поддержку как потенциальный радикальный модернизатор элит, лидер, который хочет и может отстранить крупный капитал от власти в России и вернуть страну в русло традиции. Нынче же Путин самолично и безвозвратно расписывается в том, что надежды своего базового электората оправдывать не собирается. Подобно Михаилу Горбачеву на излете 1988 года, нынешний президент России решительно переходит из категории «президента надежды» в категорию «президента терпения». На Путина больше не надеются. Его терпят – пока не появился альтернативный общенациональный лидер, другой центр власти.

Еще никогда «правитель терпения» не становился объединителем нации. Напротив, история всегда избавляется от таких зависших прокисших джентльменов при первой же удобной возможности.

Нищета философии

Новейшая кремлевская контрреволюционная идеология стоит на том, что ельцинопутинская стабильность – это хорошо. И баста.

Хорошо, когда не сокращается ассортимент заморских деликатесов в ресторанах Аркадия Новикова. Когда каждый Божий год дорожают в 2 раза купленные в свое время за бесценок лесистые участки на Рублево-Успенском шоссе. Хорошо, пока высока мировая нефтяная цена и сочатся бесплодными сокровищами алмазно-стабилизационные фонды. Хорошо, когда самый захудалый член клуба-175 может, не ударяя палец о палец, заработать не меньше $100 млн. в год (а меньше просто несерьезно). Очень хорошо, когда за небольшие чаевые можно выписать себе в Форте-деи-Марми или Куршавель народных кумиров типа группы «Ленинград» и вытирать о них ноги в свое удовольствие. И просто прекрасно, что никогда не кончается кокаин, и гремят аукционные продажи пьемонтских трюфелей, и длится в марихуанной дымке вульгарный танец Ксении Собчак, и нескончаемы, как людской поток, либеральные гулянья на русском льду Трафальгарской площади Лондона.

Но за стенами клуба видна совсем другая стабильность. Погибшей армии, развалившихся спецслужб, находящейся на грани ликвидации Академии наук, пустынных громад вчерашних оборонных гигантов. Стабильность депопуляции, наркомании и СПИДа.

Стабильность властных слов, которые уже ничего не стоят, – и потому нечего их даже выслушивать. Стабильность дискредитации образования, которое ни для чего больше не требуется. Стабильность полного отсутствия перспектив, особенно для молодежи. Стабильность нищеты и унижения для тех, кто опоздал, а потому не успел – и уже никогда не успеет, так и запишите – прорваться в престижную корпорацию-175.

Поэтому, когда после обильных таинственных возлияний выползает на поверхность барской Барвихи невероятно собою довольное существо и, отрыгивая 60 %-градусный банановый «шартрез», обращается к спрятанному по ту сторону пуленепробиваемой чешуи народу: *«Ну что, вы хотите, чтобы все оставалось как есть – или война?»* — народ что есть духу отвечает сгорбленным голосом:

– **Чем вы – так уж лучше война!**

Именно так произошло и в Грузии, и в Абхазии, и в Киргизии, и на Украине. Ослеплен и взволнован своим спасительным кокаином, Кремль просто перестал замечать очевидное.

Отсутствие блага

Напрасно Кремль ищет некий внешний источник революции, зловещую силу, ни о чем не мечтающую, кроме как развалить и погубить Государство Российское.

Конечно, всегда есть какие-то внешние силы, которые хотели бы покончить с Россией – достаточно почитать неугомонного Бжезинского (хотя для официального Вашингтона единая и целостная РФ сейчас очень важна как буфер на границе «цивилизованного мира» с Китаем). Но источник революции – он всегда внутри. Состоит он в моральной и интеллектуальной деградации правящего слоя. В неспособности власти понимать свой народ и говорить с народом на правильном мистическом языке.

Подобно тому, как зло есть отсутствие блага, так и национальное разрушение – всего лишь отсутствие национального созидания. Само собой ничто никогда не строится – само собой все только разрушается и разлагается. И потому разложение государственности, олицетворяемой Кремлем наших дней, неизбежно – в силу паразитической природы самого правящего клуба-175.

И революция явится лишь кульминацией процесса распада, но никак не причиной и не источником такового. Отсюда и берутся все основания утверждать, что революцию в России готовит на свою голову действующая власть – она, бестрепетная и веселая.

И никакие «Наши» Кремлю в решающий момент не помогут. Подобные группировки обычно состоят из людей трех типов: А) жадных циников, которым все равно, куда за $100 выходить и какие лозунги кричать (40 % личного состава); Б) потенциальных нацболов, которых каким-то макаром убедили, что «Наши» – лучше (30 %); В) аполитичных люмпенов (30 %). В час реальных уличных столкновений группа Б перейдет на сторону революции, группа А будет отсиживаться по домам, а группа В – обрящет наивысшее удовольствие в набегах на разомкнутые мятежным хаосом столичные ювелирные бутики.

Не окажется в потешной кремлевской гвардии никого, кто бы жизнь положил за консервацию русского разложения.

От революции – к перевороту

Надо ли хотеть революции? Не надо.

И вовсе не потому, что революция сама по себе приведет к распаду. Нет, как мы уже выяснили, она будет не причиной, но следствием распада, прямым результатом нынешней кремлевской политики. А значит, когда революция-таки грянет, спасти страну уже не удастся – потому что, возможно, не останется в стране энергий и сил, чтобы поднять с земли обломки России и вновь сложить их в фундамент прочного здания.

Нужен мирный переворот, потому что только он способен остановить процесс развала до достижения этим процессом точки необратимости и, значит, предотвратить революцию как **последний день России.**

Что означает этот переворот? Бескровную передачу власти от «клуба-175» к новой национальной элите, для которой сохранение в истории самодостаточного российского государства-цивилизации есть приоритет и задача № 1.

Как и когда будет происходить переворот? Демократическим путем, в момент досрочного добровольного ухода лидера «коалиции-175» Владимира Путина от власти. Такой уход возможен не раньше весны – лета 2007 года, когда завершится формирование ответственного политического субъекта, представляющего новую национальную элиту и готового принять от уходящего символа затянувшихся 1990-х годов невыносимое бремя власти.

Почему Путин передаст власть досрочно? По трем причинам:

1. Он давно и страшно устал от своих правительствующих обязанностей;

2. Он сам боится распада страны и не хочет за него отвечать – и потому стремится выйти из игры, пока крах государственности не стал неизбежной реальностью настоящего времени;

3. Он не верит в своего преемника и в собственную команду – стало быть, ему легче отдать власть тому, за кого он лично не несет никакой ответственности.

Передавая власть, Путин будет опираться на «ельцинский прецедент» (первый «демократически избранный» тоже ушел досрочно) и общие представления о демократии – дескать, пусть выберут левопатриотического лидера, если хотят, я же всегда говорил, что остаюсь сторонником полновесной несминаемой демократии! И ни Запад, ни Восток к уходящему лидеру придраться не смогут. Демократия – так демократия.

В этом смысле обдолбанная бригада-175 для Путина – не более, чем балласт, труха. Не станет он ради спасения этой братии держаться за трубку первой вертушки. Еще и потому, что видит в каждом из них потенциального предателя. «А вы что, за меня ж… бы порвали? Молчите, гниды!»

Кто придет Путину на смену? Те, кто согласен с **главным условием** (см. выше). И социалисты, и либералы. Экономические взгляды в данном случае – вторичны.

Формирование альтернативной политической силы – достаточное условие переворота. Реальная альтернатива появится к осени 2006-го, а дотоле путинский режим будет неграциозно умирать в золотой фольге иллюзорной стабильности.

А потом – надо сделать так, чтобы революции все-таки не произошло. Обязательно.

Апология Владимира Путина

Накануне российско-американского (точнее, американо-российского) саммита в Братиславе на моего президента Владимира В. Путина обрушился шквал оскорблений и обвинений. В кампании по очернению второго всенародно избранного поучаствовали почти все ведущие СМИ мира, а сырьем для их грязных пасквилей служили заведомо ложные измышления русских либералов.

Как физическое (в какой-то неисчезающей степени) лицо и гражданин (на 100 %) Российской Федерации, я не могу скрыть своего возмущения. Кто-то должен в эту историческую секунду защитить лысоватого одинокого Путина – и если не я, то кто же.

Давайте вглядимся в эту фантастическую грязь – в чем патентованный либерал привык обвинять сутулого, посеревшего от властного бремени Хозяина Земли Русской (ХЗР)?

Обвинение первое. Путин – закоренелый чекист, и устанавливает он в России не что иное, как чекистскую диктатуру. Задача же чекистской диктатуры есть восстановление СССР.

Тот, кто утверждает нечто подобное, на мой сокровенный взгляд, начисто лишен:

а) доступа к правильной информации;

б) способности анализировать даже ту полуправильную информацию, которая у него есть.

В действительности же все обстоит немного (точнее – совсем) не так.

В системе КГБ СССР Владимир В. Путин был аутсайдером, если не сказать – классическим неудачником. В 1990 году за плохую вербовочную работу его отозвали из Дрезденского дома культуры и поставили на неприлично низкую должность помощника проректора Ленинградского госуниверситета по международным связям. Система отторгла своего нерадивого воспитанника. Чекистская карьера будущего ХЗР стремительным домкратом шла под откос. Спас же Владимира Владимировича человек, который (что бы там ни говорили злые языки про всякие подписки и расписки) выступал в роли главного врага КГБ – Анатолий Собчак, самый демократный демократ. Путин как политико-экономическая личность сформировался именно в честной и либеральной, как питерское болото, команде Собчака. Где ему приходилось отвечать, помимо всего прочего, за деликатные контакты с организованными финансово-торговыми группировками, контролировавшими в то расцветное время почти всю экономику Петербурга. Оттуда, из собчачьей толщи «криминальной столицы» – все основополагающие воззрения и представления Путина о предмете, имя которому – власть. А власть, сообразно этим представлениям, бывает только у того, у кого есть две самоценные вещи: а) деньги; б) автомат имени Калашникова.

Привычное рассуждение о том, что при Путине бывшие сотрудники Системы проникли на тысячи тысяч властных и околовластных позиций, есть результат недобросовестной интерпретации простых статистических данных.

Да, абсолютное число экс-комитетчиков на чиновных позициях день ото дня растет. Но эта страшная для либерального ума тенденция сложилась вовсе не в первом десятилетии XXI века, а значительно раньше – в благословенные времена Бориса Ельцина. Еще в начале 1990-х годов, когда казавшийся вечным КГБ СССР нечаянно развалился, многие чекисты оказались востребованы вне Системы – поскольку представляли собою квалифицированную, умеющую хранить секреты и сравнительно недорогую (потому что не избалованную шальным баблом) рабочую силу. По мере деградации постсоветских органов ГБ оставшиеся в живых специалисты постепенно покидали Лубянку – и оказывались на гражданских должностях, причем не только в государственных, но и в самых что ни на есть коммерческих структурах.

Но при этом на ключевых постах, счастливые обладатели которых причастны к стратегическим решениям, чекистов как не было, так и нет.

Возьмем сегодняшний Кремль (вкупе с Белым Домом). Кто более других имеет отношение к выработке линии партии и правительства? Дмитрий Медведев, Игорь Сечин, Владислав Сурков, Алексей Кудрин, Герман Греф, Виктор Христенко, иногда – Дмитрий Козак. Ни один из названных персонажей – не чекист. А полчища комитетчиков, таскающих папочки из кабинета в кабинет и смахивающих с барственных столов пыльный культурный слой, – не более, чем обслуживающий персонал.

Но главное, конечно, не в формальных особенностях происхождения новейших русских вождей. Суть – в идеологии. Классический чекист всегда мечтал о великой Империи от южных гор до северных морей и гордился тем, что именно он оберегает это невиданное в истории Нечто (правда, события августа 1991 года показали, что не так уж страшен был КГБ, как он сам про себя думал, но речь сейчас не об этом). А современный кремлевский чиновник думает только о том, сколько накапало на его персональных пенсионных счетах всемирного значения в банках первой категории сложности. Ну, еще, конечно, – о яхтах, «Мерседесах», разновидностях горных лыж и о том, стоит ли купить 16-летней любовнице домик в Барвихе, чтоб далеко не ездить, или пока что рановато. Нет, совсем не кагэбэшное мышление получается.

Правящий клан рассуждает так, как рассуждал какой-нибудь маститый вор, державший в трепете сумбурный Питер 15–10 лет назад. А именно:

– страна нужна и полезна нам как источник доходов, и только он; для проедания и завещания доходов существуют другие

страны, белые и нежные, как пятизвездное пляжное полотенце;

– все центры прибыли надо брать под контроль;

– прибыль надо как можно быстрее выводить отсюда подальше, пока ее кто-нибудь не нашел и не откусил;

– все центры убытков надо ликвидировать – или загружать ими лохов;

– более слабых надо уничтожать, с более сильными – дружить, чтобы тебя не съели.

Вот отсюда – и «дело ЮКОСа», и монетизация льгот, и реформа ЖКХ, и миролюбивая внешняя политика. Отсюда – и сверхизящное поведение на Украине, где Кремль добивался вовсе не восстановления СССР, а уважения к собственным натужно растопыренным пальцам. (Впрочем, не добился, отчего и страдает теперь на полках космических саун.)

Так что если вдруг в полночь на Красной площади вы услышали неведомый и тяжелый деревянный скрип, знайте: это столп советского гебизма Юрий Владимирович Андропов ворочается в своем черством номенклатурном гробу.

Обвинение второе. Путин – антилиберал, враг ценностей 1990-х годов.

Пусть вырвут лгуну его гнусный язык.

Нынешний ХЗР – самый настоящий либерал к неподдельно гайдаровском понимании этого слова.

При Путине приватизация зашла так далеко, как в начале девяностых никакой Чубайс и предположить не мог. Продано все (тут положено сказать: кроме совести, но язык не поворачивается; совесть ведь тоже была в программе разгосударствления-расчеловечивания экономики). И не только природные богатства стали частными. Вот-вот все научно-исследовательские институты, театры и музеи предстанут обычными объектами недвижимости, пригодными для размещения бизнес-центров категории Б. И любой либеральный экономист (тот самый, который обык рассуждать про тоталитаризм по-путински), конечно, скажет: так и надо поступать, на кой этой безграмотной стране столько ученых, актеров и режиссеров, несерьезно это все как-то, и кто не может прокормить себя по-рыночному, с цыганами и черной икрой, – тот пусть отправляется во влажную и темную задницу новейшей истории.

«Дело ЮКОСа»? Полноте, никакой национализацией там и не пахнет. Просто одни пацаны отобрали у других, воспользовавшихся рыночной неадекватностью последних. «Роснефть» же – просто перевалочная база, сортировочная станция, которая и не потребовалась бы, если б не всемирный вопль про неприличное ничтожество тверской конторы «Байкалфинансгроб». Ведь мудрый Греф уже изрек: и «Роснефть» будем приватизировать, и «Газпром». И кому отдадим, тоже боль-мень известно. А что, разве в ревущие девяностые было не так? И «Сиданко» отбирали, и алюминиевые заводы, а про всякие там страховые компании и банки уж и говорить не приходится. Так что YUKOS afair – логичное продолжение наших девяностых с их неизбывным диким либерализмом, где, как завещал великий Егор Тимурович Г., кто сильнее – тот и прав. И никаких гвоздей.

Говорят еще, Путин попрал свободу слова. Которая совсем недавно цвела пышным лунно-пионовым цветом.

Мы с Путиным так не считаем.

С 1994 по 2001 год за свободу слова в РФ отвечали Березовский и Гусинский. Они объяснили стране, что «собственность» и «свобода» – синонимы. У кого собственность на СМИ – тот и имеет право на точку зрения. И никакое слово за пределами интересов собственника не существует, не живет, не дышит и уж точно никого не волнует.

Именно это утверждает сегодня и Владимир Владимирович. Нет никакой свободы слова как самостоятельной сущности, говорит он. А есть медиа-брехня как способ обслуживания частных интересов. Поэтому если сегодня я работаю Березовским и Гусинским (одновременно), то я и определяю, где, когда, кому и зачем говорить. Придут за нами другие – будут определять они.

Да, Путин кое-где у нас порой довел линию 1990-х годов до абсурда. Но именно эту самую линию – никакой другой он вязкими пальцами на русском песке не чертил.

А пресловутая монетизация льгот? Не мечту ли Гайдара воплотил заскорузлый наш ХЗР? Ее, ее, болезную.

И не случайно русский либерал, столь раздраженный всем путинским, во дни народных выступлений против монетизации возопил: сплотимся вокруг тела Кудрина – Грефа (мертвенно-бледное слово «Путин» произносить боялись, чтобы на Западе не подставиться), а быдло – в стойло!

Ибо имеющий компетентные органы чувств да чувствует компетентно: Путин и Гайдар (оно же – Чубайс) – суть одно. И замена фирменного рыжего причмокивания на феррохромный голливудский взгляд нимало не искажает хрустальную в первозданности своей суть дела.

Обвинение третье. Путин – враг Запада, тоскливо-сумрачный апологет азиатчины, и заграница ему вот-вот покажет, где зимуют омары (они же, кажется, лобстеры).

Долго рассуждать тут нечего. Потому что на саммите в Братиславе лично дорогой товарищ Д. У. Буш сам все сказал. Он Путину доверяет, а вы, странною толпой преследующие патронов, – как хотите.

Пора признаться: Путин вполне устраивает Запад вообще и Соединенные Штаты в особенности.

Да, на словах ХЗР позволяет иногда просто бешеные антизападные вольности. Например, про то, что всеобщие, как солнечный свет, выборы в Афганистане и Ираке – фуфло несусветное, а никакое не торжество демократии. (И в эти минуты с президентом РФ хочется истово согласится.)

И еще любит наш Верховный Главнокомандующий, заводя литаврами машинерию скул, говорить что-то про возрождение армии и новейшее сверхоружие, которым страна с ее миллионом голодных, оборванных, изверившихся вояк будет грозить всему нецивилизованному миру. Слышали мы и про то, что нельзя быть слабыми, тому що слабых бьют и мн. др.

Но в священных чертогах вашингтонских Белых Домов сидят не такие простецы, как наши русские либералы с патриотами. Там заседают люди, умеющие отличать пустопорожнюю PR-риторику от подлинной сути дела. А суть дела такова: все, что в реальной действительности творит Путин во внутренней и внешней политике, очень даже отвечает интересам США.

Именно Путин взял твердый курс на превращение России в провинциальное государство-нацию, похоронив имперские экспансионистские устремления (империалистом может считать ХЗРа лишь тот, кто никогда не интересовался истинным смыслом слова «империя»).

Это Путин сделал так, что источником легитимности для постсоветских режимов стал Вашингтон. Даже при Ельцине таким источником была Москва: ни один лидер в бывшем СССР не мог чувствовать себя в безопасности, если он – подобно Звиаду Гамсахурдиа или Абульфазу Эльчибею – нарочито поворачивался к Кремлю неширокой потной спиной. Сейчас, десять кроваво-карнавальных лет спустя, позиция Кремля уже никого, по большому счету, не интересует. Даже базарных коммунистов бедной Молдавии.

Ввязавшись в дружескую войнушку с каким-то там мировым терроризмом (который терроризирует почему-то тогда и только тогда, когда это нужно Вашингтону, а в паузах живет строго по заветам неуловимого ковбоя Джо), Путин разрешил американцам устроить военные базы прямо в СНГ. И ничего не попросил взамен. Ну, не душка, а?

В СНГ Путин вообще усиленно действовал по принципу «бей своих» (чтоб чужие не боялись – теперь поговорка звучит и выглядит так). Грубее и жестче всего он обошелся с белорусским лидером Александром Лукашенко, который в девственной мечтательной простоте хотел сделать Беларусь «младшей Россией». И, конечно, гуманитарно-животворящий Запад аплодировал тому, как Москва топчет своего главного постсоветского союзника.

В 2001 году Путин, не поморщившись, закрыл военную базу в Камрани и радиоэлектронный центр в Лурдесе, обессмыслив существование постсоветского военно-морского флота. У страны, где более 50 человек зарабатывают порядка $1 млрд. в год, не нашлось $150 млн. в год для поддержания своих стратегических объектов.

В 2002 году ХЗР подписал судьбоносный договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Россия отказалась от межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования (которые, в отличие от рублево-успенских унитазов из чистого золота, нашей стране, разумеется, на фиг не нужны). А намедни в Братиславе признал, что американцы, как люди аккуратные и внимательные, должны быть допущены к контролю над нашим ядерным потенциалом – дабы вечно пьяный ракетчик Пахомыч его за ящик иранской водки кому-нибудь не впарил.

Но более всего Путин преуспел в демонстрации своего русского бескорыстия. С фантастической скоростью нынешняя Россия отдает свои долги и списывает чужие.

На 93 % одним махом Путин согласился уменьшить долг Ирака – с $10.5 млрд. до $0.9 млрд. Страна наша, у которой уже почти нет армии, где разлагаются на корню фундаментальная наука и система образования, настолько не знает, куда девать деньги, что приняла программу досрочного погашения внешнего долга за счет средств неприкосновенного стабфонда. (Только в этом году – $10 млрд.). Зачем, понятно: ведь через несколько лет теперешние распорядители Стабфонда поселятся в Баден-Бадене (варианты: Сен-Тропез, Сотогранде, Коста Смеральда), и они хотят честно и прямо смотреть в глаза западным кредиторам: отдали, все отдали, ничего этой мерзопакостной России не оставили.

И даже аналогия со сверхуспешным долгоотдавателем Чаушеску никого из них – не смущает.

Владимир Путин возглавляет когорту начальников, которые связывают свое личное и семейное будущее с уютным, как придорожное кафе, марципановым Западом, и только с ним. Уже поэтому ХЗР действует и будет действовать строго в русле пожеланий Сверхдержавы. И в силу этого он Сверхдержаве понятен, удобен и выгоден.

И если в России случится какая-нибудь заваруха и трон Великого Монетизатора покачнется, то Мировой Гегемон как пить дать придет Путину на помощь. Пусть те, кто зачем-то по глупости ненавидит Путина, не ждут от Запада внушительной помощи.

Собственно, когда Д. У. Буш говорит в Братиславе, что у Путина «да» всегда означает «да», а «нет» – «нет», он имеет в виду примерно следующее: ХЗР всегда стратегически со всем согласен, и у русского правителя, как у соблазняемой женщины, «нет» – это не «нет», а «да, но позже». Мы, конечно, пошантажируем Америку Ираном, но потом – через годик-полтора – Иран этот

сдадим и снова упадем в шелковые звезднополосатые объятия. Мы всегда так делаем. И за эту полную до примитивности предсказуемость нас и ценят.

Да разве можно не любить такого президента? Либерала, рыночника, реформатора, западника?!

А что он некоторых профессиональных либералов оттолкнул от кремлевской кормушки – так то его право. В конце концов, еще в те самые 1990-е годы олигарх Абрамович разъяснил обалдевшей от такой искренности мировой общественности смысл проекта «Ельцинский преемник»: *мы вовремя подсуетились и взяли под контроль эту страну, и что – мы теперь должны ее кому-то просто так подарить?!*

Надо, кстати, отдать В.В. должное: все интересы ельцинского семейства он соблюдает неукоснительно. Футбольно-металлическое состояние Абрамовича за минувшие 5 лет выросло ровно в 5 раз (с $2 млрд. до $10 млрд.). А про какого-нибудь Ходорковского – так никто ничего никому и не гарантировал.

Путину сейчас очень трудно, потому что власть для него становится все косматей и все тяжелей. И се, в меру скромных сил и способностей, я попытался защитить моего президента от несправедливой неумеренной критики. Кто может – пусть защитит лучше.

Сегодня уже очевидно, что 2006-й год пройдет в России под флагом бурной имитации модернизации. Этой широкомасштабной имитацией мы обязаны, конечно же, врагам Кремля – и никому другому.

Если бы не Виктор Ющенко и «оранжевая революция» на Украине, Кремль никогда не занялся бы созданием политической инфраструктуры «обеспечения преемственности власти», не учредил бы «Наших» и прочих «опричников», не заговорил бы о вертикальной социальной мобильности, готовности передать власть следующим поколениям и т. п. В случае победы Виктора Януковича многомудрые кремлевские специалисты носились бы над безвидной политической землей России с утверждением, что главное средоточие и инструмент политики – система единственно правильного подсчета голосов имени А. А. Вешнякова, а вся остальная так называемая политика (идеи, лидеры, стратегии, партии) – только пустая трата времени и средств.

Сейчас – под влиянием народных выступлений против монетизации льгот, которых власть совершенно не ожидала, успеха левых сил на многих региональных выборах и даже политических изысканий Михаила Ходорковского – **Кремль решил срочно «полеветь».** Вероятно, уже в начале осени изменится риторика («текст», как это называют в кремлевской администрации) президента Путина. Глава государства начнет все больше говорить о справедливости, о приоритетной защите интересов 140 млн. граждан России, о необходимости возрождения государственного патернализма. Кремль создаст очередные бутафорские организации, например, армию потребителей, которая методами прямого действия будет бороться со средней руки бюрократами и среднекрупными бизнесменами, отчего-то не понравившимся окружению Путина. В PR-бой будут брошены заветрившиеся от бессмысленности собственного существования фиктивные партии – от «Патриотов России» до социал-демократов. **Жертвой демонстративного кремлевского полевения станет ненавистный народу глава Минздравсоцразвития Михаил Зурабов** – а с ним, возможно, еще 1–2 федеральных чиновника, которые и так давно устали от бремени социально-экономических обязанностей и собирались уходить в бизнес. И, наконец, главное – будет нарушена священная неприкосновенность стабилизационного фонда. В общем, Кремль попытается показать стране, что он-то и есть у нас единственный настоящий левак, а КПРФ, «Родина», Партия пенсионеров и прочие Ходорковские должны освободить главную дорогу путинскому кортежу и впредь не лезть не в свое дело.

Не исключено, что администрация президента Путина пойдет даже на «симуляцию революции» – в типично кремлевском, балаганном формате. Например, все тот же Зурабов покинет свой пост не тихо и мирно, в собственной постели, а в результате трехдневной блокады здания его министерства спецбригадой футбольных фанатов из «антифашистского» движения «Наши».

Разумеется, все подобные шаги не будут означать каких-либо реальных перемен в кремлевской политике. Равно как и пресловутые «Наши» ничем, на самом деле, не помогут молодежи с вертикальной мобильностью. Потому что содержание и философия путинского режима исключают какие бы то ни было качественные изменения в принципе.

What is Mr. Putin?

Многие именитые кремленологи в России и за границей неустанно тиражируют миф о том, что Владимир Путин возглавляет чекистский режим авторитарной модернизации, который давно хочет уничтожить все ельцинское в нашей стране, и только остатки либералов во власти не дают кровожадным планам осуществиться.

Пока этот миф не развеян до основания, ни понимать логику действий Владимира Путина, ни прогнозировать его шаги мы не сможем. А значит, весьма нелегко будет аналитикам анализировать, инвесторам инвестировать, а зарубежным политикам выстраивать стратегию отношений с сегодняшней российской властью.

Власть Владимира Путина вообще не представляет собою автономного, отдельного политико-исторического явления. Это – последняя, завершающая стадия развития режима Бориса Ельцина. Вернее, того набора физических лиц, которые приобрели всю полноту власти в стране в период с июля 1996 по май 1999 года.

У Владимира Путина как всероссийского правителя есть главная и единственная цель, жизненное задание, которое сообщили ему отцы-основатели проекта «Преемник Ельцина» Татьяна Дьяченко, Валентин Юмашев, Роман Абрамович и Михаил Фридман. Цель такова: обеспечить незыблемости итогов «большой» индустриально-инфраструктурной приватизации 1993–2000 годов на коротком историческом отрезке времени, достаточном для того, чтобы выгодоприобретатели приватизации смогли продать свои основные активы за реальную рыночную стоимость международным корпорациям и легализовать полученные средства, измеряемые десятками миллиардов долларов, на безопасном и уютном Западе.

Базовая технология достижения поставленной цели – пресловутая путинская стабильность. Означающая как отсутствие существенных политических возмущений, так и прочное закрепление всех лояльных исполнителей (чиновников и приравненных к ним лиц) на своих постах на срок, достаточный для выполнения жизненного задания режима.

Исходя из поставленной цели, Владимир Путин проводит вполне целостную экономическую политику, смысл которой – последовательное уменьшение обязательств государства перед населением и правящего класса – перед государством. Путинизм как паразитический, загнивающий ельцинизм добивается того, чтобы упомянутые выгодоприобретатели «большой» приватизации имели полное, узаконенное право не вкладывать никаких средств в реконструкцию национальной инфраструктуры, напротив, – чтобы это бремя было возложено, в максимально возможной степени, на никуда не спешащее население. К тому и сводятся монетизация социальных льгот, реформа ЖКХ и электроэнергетики.

С точки зрения фундаментальной логики путинского режима, любые и реформы и вообще активные наступательные действия оправданы и уместны лишь тогда, когда они ни на йоту не нарушают «стабильности». Поскольку на самом деле стабильности угрожают практически любые реформы, сегодняшний Кремль их не начинает, а начав, – приостанавливает, как только колеблется рейтинг президента или растет ропот в широких слоях населения. Еще во время президентской кампании Путина (весна 2000 г.) штабом Преемника был взят на вооружение тайный лозунг «Не расплескать»: ничего не делать, не проводить никаких активных мероприятий, поскольку любое действие ставит под угрозу неожиданно свалившийся на голову преемника запредельный рейтинг, в условиях же полного бездействия, Бог даст, как-нибудь дотянем до дня выборов. Это «Не расплескать» стало неформальным, подспудным, почти бессознательным девизом всего путинского правления.

Таким образом, Владимир Путин возглавляет и олицетворяет классический *режим консервации* — полного сохранения status quo. Такого типа режим ни в коем случае нельзя назвать консервативным (кремлевские идеологи в последнее время замечены в обильном паразитировании на этом термине): консерватизм предполагает модернизацию на базе национальной традиции, в то время как консервация – принципиальное отсутствие какой бы то ни было модернизации.

Именно поэтому Кремль функционирует исключительно в режиме don’t act – react. Когда неблагоприятные внешние обстоятельства жестко вынуждают Владимира Путина, он с неимоверным скрежетом зубовным идет на имитацию радикальных ответных шагов. Именно имитацию – подлинных изменений режим консервации допустить не может по определению. Вместо реальной вертикальной мобильности – лесная резервация «Наших». Вместо реального «полевения» социально-политической политики – рассуждения о «борьбе с бедностью» (это в условиях-то монетизации льгот!) и симуляция великой антизурабовской социалистической революции (еще предстоит).

Поскольку нет развития, не может быть и успехов – и усугубление сырьевого характера экономики за пять с половиной лет высоких нефтяных цен об этом ярко свидетельствует. Согласно фундаментальной логике путинского режима, неизбежная безуспешность прикрывается безответственной пседоимперской риторикой. Рекламируется усиление международного авторитета России – когда на самом деле именно при Путине Россия утратила роль модератора постсоветского пространства и превратилась в страну «второй лиги», просто самый большой осколок СССР. Кремль исходит сладкой слюной по поводу «укрепления государства» – а тем временем государство заканчивается там, где начинается материальное поощрение чиновника любого уровня хозяйствующим субъектом. И так далее, и тому подобное.

Когда же Кремль в раздраженном отчаянии понимает вдруг, что ресурс тотального блефа близок к опасной черте исчерпания, главным достижением путинского режима объявляется собственно стабильность. ***Наша заслуга в том, что мы еще правим вами*** – вот фактический message кремлевской бюрократии, адресованный находящемуся за гранью ее понимания народу. А функция народа в этой концепции – оплачивать благосклонность терпеливых правителей. Деньгами и жизнями.

Похищение мундира

Заведомым пропагандистским блефом является и тезис о том, что Владимир Путин якобы представляет некую тайную корпорацию чекистов – наследников Дзержинского и Андропова, поставивших его во власть, чтобы вытравить ельцинскую русскую демократию.

Действительно, когда-то очень давно, в советские времена Путин работал в ГДР по линии КГБ СССР. Однако еще в 1990 году чекистская корпорация практически отторгла будущего президента, сослав его из сытой (по позднесоветским меркам) Восточной Германии на унизительно низкую должность помощника проректора Ленинградского госуниверситета по международным связям. С тех пор у Путина, как у всякого классического аутсайдера любой системы, куда больше оснований ненавидеть КГБ, чем любить.

Популярная байка о том, что на всех ключевых постах в исполнительной власти современной РФ сидят чекисты, также не выдерживает серьезной критики. И дело не только и не столько в том, что ни одна из по-настоящему влиятельных кремлевских фигур – от Дмитрия Медведева и Алексея Кудрина до Игоря Сечина – по происхождению не имеет ничего общего с КГБ СССР. Если понимать под чекизмом не запись в анкете, а некую неосоветскую имперскую идеологию, то именно ей-то сегодняшний Кремль абсолютно чужд. Тысячи же экс-чекистов, работающих на технических должностях, никакой погоды во власти не делают. Они – простые исполнители, которых охотно брали на работу еще при Ельцине за дисциплинированность, умение хранить секреты и выполнять поставленную задачу, какой бы она ни была. Нельзя не отметить, что в силу своей генезиса и изначальной психологии чекистская корпорация в принципе не способна к оформленным политическим инициативам. В одном из интервью по поводу августовского путча 1991 года бывший глава КГБ Владимир Крючков, отвечая на вопрос о том, почему вооруженный до зубов и уполномоченный на то госорган не спас Советскую власть, прямо сказал: нам требовалось решение Съезда народных депутатов СССР, а съезд так и не успел собраться.

Так что для сегодняшнего российского режима чекизм – не более чем элемент пиаровского блефа. Путин – это, скорее, Роман Абрамович, похитивший (или взявший напрокат) мундир офицера Лубянки.

Пора

Мне нередко приходится слышать от западных политиков, экспертов и дипломатов, что, дескать, нынешние российские правители «власть не отдадут». Костьми лягут, но не отдадут.

На мой взгляд, отдадут обязательно. Потому что никакая консервация не может длиться слишком долго. Система, лишенная развития, обречена смерти.

Главное, впрочем, в другом. Режим Владимира Путина теряет всякий смысл, когда выполнено его жизненное задание: вывоз из России обналиченных результатов приватизации 1990-х. С этого момента власть превращается для Путина и Ко в сплошную цепь веерных отключений электроэнергии, замерзающих обезвоженных регионов, «Норд-Остов» и других тонущих батискафов. Ответственность безо всякой прибыли. А Владимир Владимирович этого не любят.

«Левый кремлеворот», исполняемый в полном соответствии со священным кремлевским принципом «don’t act – react», станет последним блефом Кремля. Поскольку все прочие зоны возможного блефа уже затоптаны. А единственным подлинным результатом «полевения» станет предоставление кредитов за счет стабфонда особо лояльным к Кремлю бизнесменам – «на поддержку экспорта», как водится.

И самыми сложными в российской исторической повестке становятся уже не вопросы «Уйдет ли Путин?» или «Когда уйдет?». Вопрос наступающего дня: кто и почему придет нынешней правящей корпорации на смену.

Общественная дискуссия о том, что в России в ближайшие годы все-таки сменится власть, обретает, наконец, реальные очертания.

В этом плане весьма примечателен нашумевший отчет аналитика «Альфа-банка» Кристофера Уифера, согласно которому третий срок Владимира Путина будет несомненным благом для инвесторов и российской экономики в целом. Бесспорно, отчет мог быть отчасти вызван к жизни конъюнктурными резонами: «Альфа-групп» неожиданно оказалась вовлечена в скандал вокруг приватизации госдач «Сосновка-1» и «Сосновка-3». И владельцам группы важно было отвлечь внимание СМИ от проклятых сусловско-черненковских резиденций, а заодно лишний раз напомнить, что правильный правитель России в настоящем и будущем – вовсе не текущий жилец первой «Сосновки» Михаил Касьянов. Однако гораздо важнее реальная основа отчета Уифера.

Действительно, Владимира Путина привели к власти вовсе не какие-то мифические чекисты, а крупные собственники – выгодоприобретатели приватизации 1990-х. Причем, в первую очередь, акционеры «Сибнефти» и «Альфа-групп». Именно они рекомендовали летом 1999-го тогдашнего секретаря Совета безопасности РФ Путина как преемника Бориса Ельцина – в противовес альтернативным претендентам, Сергею Степашину и Николаю Аксененко. И, надо сказать, Роман Абрамович и Михаил Фридман с Петром Авеном не прогадали. Путинский Кремль сделал все возможное не только для защиты их бизнес-интересов и обеспечения экспансии подконтрольных этим людям компаний, но и благословил «обналичивание итогов приватизации» – сначала продажу Тюменской нефтяной компании British Petroleum (2003), а затем и операцию по покупке «Газпромом» (вероятно, совместно с Royal Dutch / Shell) «Сибнефти» (2005).

Мудрый аналитик Уифер продемонстрировал понимание и другого важного обстоятельства: если выборы 2007–2008 будут действительно демократическими, то есть решение вопроса о составе новой российской власти будет зависеть от простых избирателей, ни Владимира Путина (независимо от конституционных поправок), ни его прямого преемника (Сергея Миронова, Бориса Грызлова или Дмитрия Козака) в Кремле не будет. Следующий выборный цикл принесет победу тем политическим силам, которые решительно и радикально поставят вопрос о социальной справедливости (а значит, о ревизии ельцинопутинской приватизации) и восстановлении статуса России как сверхдержавы (хотя бы региональной). Иными словами – победитель должен будет выполнить все то, что Путин в начале своего правления как будто обещал сделать, но на самом деле делать вовсе не собирался.

Так что для «Альфы» и ей подобных Путин действительно остается лучшим, уместнейшим российским президентом нашей эпохи. Но – как бы странно это ни звучало – уговаривая нынешнего главу государства задержаться у властного штурвала, «Альфа-групп» объективно присоединяется к врагам Владимира Путина.

Легенда о кровавом тиране

У второго демократически избранного президента РФ немало публичных недоброжелателей. Особенно среди статусных либералов.

«Комитет-2008», Гарри Каспаров, Михаил Касьянов, опальные олигархи Гусинский, Березовский и Невзлин неизменно называют Путина кровавым порождением чекистской корпорации, который хочет отменить все данные русскому народу Борисом Ельциным свободы. Подобная точка зрения достаточно популярна и на Западе, где многие специалисты по России и завзятые кремленологи муссируют тезисы о «чекистском авторитаризме» и «отказе от ценностей благословенных 1990-х». Все чаще и громче звучат голоса о том, что Путин – преступник, и политическую карьеру ему суждено закончить чуть ли не в Гаагском трибунале.

Подобные оценки свидетельствуют о глубоком непонимании – либо сознательном искажении – сути и содержания путинского режима.

Власть Путина есть не что иное, как режим консервации позднеельцинского (1997–1999 гг.) status quo. Бывший подполковник ФСБ был посажен на престол для того, чтобы позволить 10–12 бизнесменам, оказавшимся в нужное время в нужном месте и взявшим под контроль индустриальное достояние Союза ССР:

– закрепить контроль над активами;

– продать активы и получить за них «живые» миллиарды у. е.;

– легализовать эти миллиарды у. е. на Западе.

При этом ближайшее окружение (пресловутая «семья») Бориса Ельцина, сделавшая ставку на Владимира Путина, прекрасно понимала, что консервация с «обналичиванием активов» в условиях реального демократического процесса, независимых СМИ, полноценной политической и интеллектуальной конкуренции в стране невозможна. Поэтому еще во второй половине девяностых был взят курс на отказ от выборов как механизма формирования власти, вытаптывание политико-аппаратного поля и подмену реальной политики манипулятивными технологиями.

Так, превращение парламента из полноценного органа власти в придаток кремлевской администрации началось еще 12 лет назад – с расстрела Верховного Совета и принятия суперпрезидентской Конституции (1993 г.). Использование уголовных дел и судебной системы для отстранения конкурирующих политических фирм от выборов или отмены результатов эти выборов – тоже ельцинское детище; достаточно вспомнить судьбу Андрея Климентьева, так и не сумевшего стать мэром Нижнего Новгорода, или чехарду на думских выборах 1999 года. Передел собственности? Он активно идет в России последние 10 лет, причем технологии абсолютно честного изъятия у первичных собственников СИДАНКО, крупнейших алюминиевых заводов Сибири или «Ингосстраха» с Автобанком ничем принципиально не отличались от тех, что были применены в 2004–2005 гг. в деле ЮКОСа. И то, что контроль над страной – это контроль над основными федеральными телеканалами и 2–3 газетами, наша власть сформулировала для себя еще в середине прошлого десятилетия.

Владимир Путин развил и укрепил, а вовсе не переломил эти тенденции. Так что Путин – на самом деле преемник и продолжатель дела Ельцина, а отнюдь не могильщик политики своего предшественника, как полагают незадачливые путинологи по все стороны Атлантического океана.

Необходимо раз и навсегда понять, что по психологии и мировоззрению Владимир Путин отнюдь не является классическим чекистом. В системе советской госбезопасности будущий президент РФ был очевидным аутсайдером. В 1990 году его – за серию провалов – сослали из благополучного полубуржуазного Дрездена на унизительно низкую должность помощника проректора (!) Ленинградского госуниверситета, в результате чего целый подполковник был вынужден подрабатывать частным извозом. Основные же административные навыки и основы политической философии Путин познал в античекистской по духу питерской администрации Анатолия Собчака.

Чиновники, существенно влияющие на принимаемые Путиным решения – от военного переводчика Игоря Сечина до младшего экономиста Алексея Кудрина, – тоже не имеют никакого отношения к системе КГБ СССР. Ни по происхождению, ни тем паче по идеологии. Мундир и образ Героя Советского Союза штандартенфюрера В. А. Тихонова были не более чем предвыборной бутафорией, средством введения в заблуждение русского народа, который хотел смены облика власти: молодого подтянутого офицера с бодрым голосом вместо невнятного старого медведя, который то ли еще жив, то ли уже нет. Псевдочекизм был и остается лишь политтехнологией продления ельцинской модели власти и распределения собственности.

Ни в коей мере Владимир Путин не может быть признан и тираном, последовательно и безжалостно расправляющимся с политическими противниками. Нынешний российский президент живет и действует в соответствии с неким сводом неформальных правил, именуемых на околокриминальном сленге «понятиями». И обрушивается он на тех и только на тех, кто нарушает правила, то есть, в путинском понимании, «кидает по понятиям». Например, Михаил Ходорковский обещал Путину, что не будет финансировать коммунистов – и данного слова (по информации президента) не сдержал. Сергей Глазьев клялся и божился, что не пойдет в президенты в 2004 году, и взамен получил высочайшую поддержку для проекта «Родина» – а потом обманул благодетеля. Борис Березовский считался лучшим другом – и вывалил Путину на голову вдов погибших моряков АПЛ «Курск» (по искреннему мнению президента, нанятых и оплаченных). Наконец, Михаил Касьянов получил на увольнение

царский подарок в виде гигантской дачи стоимостью $100 млн. – а потом позволил себе нещадно ругать щедрого жалостливого дарителя. К тем, кто же «понятийных» нарушений не совершает – пусть даже оставаясь при этом противником Кремля – Путин относится вполне снисходительно и даже порой благородно.

На преступника, по которому трибунал плачет, сегодняшний российский правитель никак не тянет. Ведь даже вторую чеченскую войну начал, если вдуматься, не Путин, а Борис Ельцин – по настоятельной рекомендации «семьи», которая понимала, что без большого потрясения продать стране проект «Преемник» и предотвратить триумф Евгения Примакова никак не удастся. А что Путин Ходорковского посадил – так тогда всех чемпионов Большой Приватизации придется в Гаагскую тюрьму отправлять, потому что все они, причем задолго до появления Владимира Владимировича на подступах к Кремлю, использовали коррумпированных правоохранителей как орудие уничтожения конкурентов.

Путин никогда не мечтал стать Иосифом Сталиным – только Романом Абрамовичем. Ни за что не отвечающим и принимаемым в лучших домах Европы рантье с доходом порядка $300–500 млн. в год. И Путин, если вдуматься, вполне заслуживает такой участи.

Дайте ему уйти

А на третий срок Владимир Путин совершенно не хочет. Ему и двух сроков многовато будет.

Поскольку, в отличие от большинства функционеров собственной деградировавшей администрации, он понимает, что за последние 5,5 лет стране во всех сферах – кроме резервов ЦБ и стабфонда – стало хуже, а не лучше. И уже очень скоро на поверхность вылезут страшные беды, которые схватят российского правителя костлявой рукой за горло: от фактического отделения Северного Кавказа, который и сегодня уже на самом деле не подконтролен Москве, до серии техногенных катастроф, неизбежных в условиях крушения не модернизировавшейся с брежневских времен национальной инфраструктуры.

Владимир Владимирович хотел войти в историю и умиротворителем Чечни, и спасителем Приднестровья, и архитектором ЕЭП. Ни на одном из направлений ничего не вышло – в силу бездарности и неэффективности его собственной властной машины. Бездарности, которая, в свою очередь, есть закономерное следствие ведущегося с 1997 года последовательного вытаптывания всего умного и яркого на кремлевских холмах. Теперь Путину ничего не остается, как предложить учебникам истории первый, последний и единственный свой подвиг: предотвращение гражданской войны и распада страны. Но надо торопиться. За следующие 3 года и это достижение может быть поставлено под сомнение. И тогда уже никогда не стать Путину Абрамовичем.

Путин, как говорят хорошо знающие его люди, осознает, что время работает против него. Потому все чаще оказывается на грани, и срывается, и кричит даже на ближайших друзей, вплоть до лабрадора Кони. «Если семь лет работать с полной отдачей, с ума можно сойти», – так говорил сам Путин. Его безумные 7 лет истекают в январе 2007-го.

Так что если кто любит Путина и хочет ему добра (да-да, господин Уифер!) – пусть желает ему уйти досрочно, а не засиживаться. Покинуть Кремль с миром и почестями, как человек, который якобы и вправду что-то хорошее спас и чего-то ужасного не допустил. Уехать в Баден-Баден и стать, скажем, зиц-председателем ЕврАзЭС или главой международной федерации дзюдо.

А программу сохранения, развития и преумножения страны предложит уже новое поколение лидеров, которое придет на смену затянувшейся сверх всяких приличий эпохе Ельцина – Путина.

Шестое послание второго президента России Федеральному Собранию получилось по-настоящему закатным. Владимир Путин сознательно или бессознательно анонсировал начало конца своей политической эпохи.

Основная идея послания, которую не без труда можно выковырять из толщи громоздких пошлостей и задыхающихся на ходу фигур бюрократической речи – элите 1990-х годов предложен новый пакт. Вы не раскачиваете мой трон и не споспешествуете революции, а я, бедный Владимир Путин:

– окончательно признаю Ваше право на собственность, полученную за 12 лет специфической приватизации; отсюда – предложение сократить срок исковой давности по приватизационным сделкам с 10 до 3 лет, а заодно упразднить налог на наследство;

– обеспечиваю легализацию Ваших капиталов;

– гарантирую Вам иллюзию свободы слова и «национальной дискуссии» в некоем формате, условно принятом при Борисе Ельцине.

Владимир Путин обещал тем, кому еще недавно поручал «прекратить истерику», ненавязчивую благосклонность налоговых органов и обуздание алчной бюрократии, перепутавшей частные интересы с миссией служения государству.

Итак, кровожадного чекиста Путина, которым экзальтированные либералы пугали любимых племянников, больше нет. Теперь все будет как при Дедушке (Ельцине). И в этом сонном единстве президент и его элита доживут до дня передачи власти престолонаследнику, которого совместно и выберут.

Как бы не так.

Мир – это война

Предложив элитам новую рамочную конвенцию, Владимир Путин решительно подрубил политико-исторический сук, на котором сидит.

Потому что до сих пор легитимность Путина как правителя определялась двумя факторами:

– его статусом и ролью Царя, всероссийского самодержца, чья власть трансцендентна и, уж во всяком случае, не нуждается в оправдании со стороны всяческой твари земной; в этом смысле общенародные выборы были лишь симулятивным инструментом оформления надмирной воли;

– «путинским большинством» – примерно 55–60 % граждан России, пресловутым «электоральным болотом», которое голосовало за Путина – внимание! – как за концептуальную, эстетическую и стратегическую **альтернативу** Борису Ельцину, качественно иную эстетико-политическую парадигму.

Не мир и стабильность привели Путина в кремлевские палаты, но – война. Не метафорическая, а вполне конкретная вторая чеченская война (1999 год). И в 2003–2004 годах триумфу «Единой России» и ее неформального лидера – президента премного способствовала другая война – «дело ЮКОСа». После которого стало ясно, что российская власть, как ей и положено, не боится никаких денег и ни от каких ресурсов, кроме своих собственных, принципиально не зависит. И потому – имеет право считаться и называться Властью (с большой буквы В).

«Болото» вкупе со значительной частью коммунистического электората изначально поддержало и долго поддерживало Путина как лидера, который положит конец эпохе 1990-х годов, обеспечит радикальную модернизацию элит и вернет российской власти первозданный священный статус. Как полководца победоносной войны против позорного и унизительного ельцинского прошлого.

И для оправдания своей власти Владимир Путин вовсе не нуждался в легитимации на уровне элит. Как Царь, он был уникален и независим. Именно этим обстоятельством объясняется полная неспособность элит противопоставить что бы то ни было «неконвенциональным» шагам президента. Надо «мочить в сортире» – мочим, несмотря на сложное отношение к чеченской кампании. И тогда даже Чубайс говорит, что в Чечне возрождается российская армия. Надо «истерику прекратить» – прекращаем. И преспокойно занимаемся мародерством в былых владениях Ходорковского, сдавленным кухонным голосом критикуя Кремль, но тут же признавая: против лома верховной власти нет никакого приема – ни финансового, ни политического.

Весной 2003 года опальный олигарх Борис Березовский опубликовал программную статью, в которой утверждал: Путин скоро падет, потому что ни один слой национальной элиты его не поддерживает. Лондонский изгнанник был прав в констатирующей, но не в резюмирующей части своего высказывания. Российская власть никогда не была продуктом соглашения элит. Царь незыблем, пока он остается настоящим царем, властелином не от мира сего. И никуда царь не может деться, пока не разрушен сакральный характер его происхождения и правления. Десакрализация же власти с быстротою необычайной ведет к распаду всего властвующего организма. Так было и в Российской Империи 1916–1917 годов, и в Советском Союзе 1991 года.

Теперь же в нишу исторического наследника Николая II и Михаила Горбачева неуверенным подполковничьим шагом решил вступить Владимир Путин. Именно сегодня, в шестом несчастливом послании, адресованном, по сути, сформированному в 90-е годы прошлого века правящему слою, президент России постановил: революции сверху, на которую надеялось путинское большинство с осени 1999-го, уже никогда не будет. Кремль обещает – стабильность. И тем самым отменяет первичные основания своей власти.

С этого момента Путин из президента надежды окончательно превращается в президента терпения. На него больше не надеются – его терпят. Пока не появится Другой Лидер, до крови похожий на русского царя. Нечто подобное случилось все с тем же Михаилом Горбачевым во второй половине 1988 года. А через 18 месяцев на общественной поверхности возник Борис Ельцин, который моментально стал воплощением надежд страны.

При том, Кремль настойчиво не замечает, что на обещании своим странам вязкой «стабильности» погорели и Эдуард Шеварднадзе, и Леонид Кучма, и Аскар Акаев. Потому что предлагаемая таким образом стабильность для большинства активного населения страны означает – безнадежность. И амнистия капиталов, и декларируемая отмена налога на наследство адресована нескольким десяткам нынешних хозяев жизни, резидентов Рублево-Успенского шоссе. И – отсекает миллионы тех, кто возлагал наивные надежды на путинскую модернизацию. А там, где умерла надежда, уже не может быть и позитивного восприятия стабильности. Для армии, спецслужб, фундаментальной науки, системы образования, региональных элит, малого и среднего бизнеса, творческой интеллигенции такая стабильность равносильна неизбежности последовательного разложения и скорого умирания. «Все процессы в природе, включая старение и смерть, необратимы».

Путин расписался в том, что капитулировал перед девяностыми годами. Что он теперь намерен не только тайно, но и явно, ни от кого не скрываясь выполнять разведзадание, данное ему летом 1999 года Романом Абрамовичем – прикрываясь имперско-реваншистской фразеологией, сохранить ельцинский status quo незыблемым. Разумеется, это честно. Но такая честность способна погубить любой режим – тем более подточенный кошмарной внутренней усталостью путинский.

Собственно, бархатные революции в Грузии, на Украине и в Киргизии начинались с открытого предложения властей узкому

кругу выгодоприобретателей недавней приватизации договориться и оставить «все как есть». И в этом смысле скучное и занудное Шестое Послание Путина (ШПП) должно рассматриваться как бумажный буревестник непонятного и неизбежного процесса, который всегда завершается революцией. На худой конец – государственным переворотом. Последний возможен, когда и если близкое окружение президента посчитает, что хозяин Кремля самим фактом своего инерционного существования приближает революцию. А значит, кулуарное отстранение от власти делегитимированного правителя – меньшее зло по сравнению с кровавым разгулом (а по другому в России не будет) революционной стихии.

Путин в никуда

Из Шестого Послания вытекает, что Кремль окончательно отказался от формулирования национального проекта – стратегической программы будущего. При этом сохранение Российской Федерации в ее нынешних границах заявляется как главная ценность теперешнего правления.

…В действительности нация никогда не бывает «готовой», законченной. Она всегда или созидается, или распадается. Tertium non datur. Она либо приобретает приверженцев, либо теряет их, в зависимости от того, есть ли у нее в данный момент жизненное задание. (*Хосе Ортега-и-Гассет*. Восстание масс).

В решающий момент Кремль забыл о неумолимом действии второго закона термодинамики:

«Невозможен процесс, при котором теплота переходила бы самопроизвольно от тел более холодных к телам более теплым». Или, иными словами, «в изолированной системе при необратимых процессах энтропия возрастает».

Геоисторическая сущность, не знающая своей цели и не движимая позитивной энергией созидания, не сможет остаться в целости и сохранности. Нарастание энтропии и распад – неизбежны. Не будем сейчас вспоминать о великих империях далекого прошлого. Достаточно обратиться к опыту СССР, крах которого Путин в Шестом Послании назвал катастрофой. Как только Политбюро ЦК КПСС отказалось от национального проекта под названием «строительство коммунизма», элиты союзных республик заявили Москве: а зачем вы нам теперь? интегрироваться в единственно цивилизованный западный мир лучше и комфортабельнее самостоятельно, по одиночке. И Союз рухнул – сначала фактически, затем и формально. Тогда же активная часть советского народа задала схожий вопрос: если мы не строим больше коммунизм, почему мы обязаны выносить эту находящуюся на грани морально-интеллектуального разложения спецраспределительную коммунистическую власть? И ЦК КПСС, до 1990 года казавшийся вечным, уже в августе 1991-го вынужден был принять решение о самороспуске. Истерика ГКЧП, настаивавшего на том, что сохранение Советского Союза потребно ради сохранения как такового, не нашла поддержки даже среди неискоренимо верных Присяге советских военнослужащих.

Послание Путина свидетельствует: в Кремле заправляют люди, которые не знают ни физики, ни истории – даже в объеме школьной программы. И легче верблюду пройти через булавочное ушко, чем режиму с таким уровнем интуиции и компетентности – сохранить страну.

Усталость холодных форм

Владимиру Путину всегда трудно давалось политическое содержание. Но человеком, талантливым по части формы, его можно было признать. В мириадах обтекаемых, ни к чему не обязывающих фраз каждый слышал то, что хотел слышать, и верил, что Путин – именно его президент.

В этом смысле Шестое Послание весьма показательно. Во-первых, президент уже не пытается ласкать слух и коллективное подсознательное «путинского большинства». Для своего основного электората он не сказал ничего – проехали. Во-вторых, послание представляется гораздо более тусклым, чем предшествующие пять – а ведь и те, по большому счету, не блистали литературными находками. Перед страной выступил усталый чтец-декламатор, которому, кажется, безумно надоела его официальная роль. Который хотел бы (подобно Л. И. Брежневу весной 1982 года) написать заявление об уходе, и только отсутствие четких и надежных гарантий послевластной безопасности – мешает. Пока.

По количеству же банальностей и общей вялости тона послание напомнило тексты уже не Брежнева – Константина Устиновича Черненко. Это – непобедимый симптом того, что пораженный эмфеземой легких режим идет навстречу своему финалу. Причем финалу достаточно близкому: осталось два с половиной – три года. Не меньше, но и не больше.

И главный вопрос, какой в этой связи возникает: как сделать так, чтобы период заката Владимира Путина и в самом деле не закончился распадом России.

Многочисленные друзья, а наипаче недоброжелатели Владимира Путина постоянно тиражируют миф, согласно которому нынешний российский президент обуреваем серьезными и неизбывными геополитическими амбициями, мечтает о восстановлении российско-советской империи и даже якобы достиг некоторых успехов на этом направлении.

Впрочем, если анализировать не риторику Путина, которая всегда носит конъюнктурный характер и может качественно меняться несколько раз в день, а настоящую политику сегодняшнего Кремля, то ни геополитических амбиций, ни каких бы то ни было достижений на пути реализации таковых мы, увы, не видим.

Одним из ранних серьезных решений Путина на президентском посту была ликвидация российских военно-морских баз в Лурдесе (Куба) и Камрани (Вьетнам). Мотив, заявленный президентом: у государства нет возможности платить неподъемную арендную плату – в общей сложности около $500 млн. в год (менее 4 % суммы, выплаченной недавно «Газпромом» частным акционерам «Сибнефти»). Можно считать подобное решение оправданным или неоправданным с экономической точки зрения, но оно, бесспорно, серьезно подорвало позиции России как морской державы. Лидер-империалист, озабоченный геополитической ролью страны, едва ли пошел бы на подобный шаг.

Имеющий политические глаза да видит, что за 6 лет правления Владимира Путина качественно снизилась – а отнюдь не повысилась! – роль России на пространстве бывшего СССР – той самой империи, которой вроде как грезит нынешний Верховный главнокомандующий. В 1990-е годы Кремль объективно был источником легитимности постсоветских режимов. Откровенно и агрессивно антироссийские правители (например, Звиад Гамсахурдиа или Абульфаз Эльчибей) у власти надолго не задерживались. А вновь избранные главы государств СНГ спешили в первую очередь наладить отношения с большим и великодушным, как дедушка Ельцин, барином – Россией. Кроме того, Москва поддерживала жизнеспособность непризнанных государств, гарантируя тем самым стабильность трехуровневой постсоветской конструкции: Россия как правопреемник метрополии – другие страны СНГ – мятежные анклавы с неурегулированным статусом.

При Путине Российская Федерация свой статус источника постсоветской легитимности безнадежно утратила, превратившись просто в самый большой по территории и природным ресурсам кусок позавчерашней великой Империи. Из первой геополитической лиги, где играют региональные державы (уровня Индии или Бразилии), мы перешли во вторую, где борются за место в плацкартном вагоне истории государства образца Парагвая или Алжира. (Количество разливанной нефти и шальных оффшорных денег в данном случае никак на статус государства, понятно, не влияет.) Теперь за легитимностью глава бывшей союзной республики едет прямиком в Вашингтон, а не в Москву.

Еще в начале первого срока Владимира Путина фактически прекратилась поддержка непризнанных государств. Возобновилась она только в последние два года, и то лишь вследствие полного провала кремлевской политики на молдавском и грузинском направлениях.

Путин последовательно потерял рычаги политического влияния на Молдавию, Грузию, Белоруссию, Украину. (Разумеется, заведомый PR-блеф с российско-белорусским союзным государством, вынимаемый из нафталина всякий раз, когда в России намечается очередной виток непопулярных реформ, способен ввести в заблуждение разве что очень неискушенного наблюдателя.) Ни одна из перечисленных стран теперь не ориентируется на Россию стратегически. Осталась, конечно, угрожающе изогнутая газовая труба, но назвать ее создателем Путина довольно сложно, а образ агрессивного кремлевского дегенерата, традиционно прилагаемый путинской администрацией к дарам трубы, в наименьшей степени способствует росту уважения к России в ближних и дальних углах ее бывшей Империи.

Кремль не проявил ни малейшего интереса к политическим баталиям 2002–2004 гг. в Литве. Хотя если б в этой стране у власти оказались лояльные России силы, было бы куда легче решать трудную проблему калининградского транзита. Но призывы о помощи, доносившиеся с той стороны литовской границы, были официальной Москвой проигнорированы.

Полностью отсутствуют и достижения Кремля в деле защиты соотечественников за рубежом. Гонения и унижения, которым подверг русских не в меру эмоциональный Туркменбаши, остались как бы незамеченными. Дискриминация русского меньшинства, составляющего почти 40 % населения Латвии, порой вызывала в Кремле хриплое потявкивание, но ни до каких реальных санкций и вообще мер давления на Ригу дело не дошло. А в недавнем задушевном общении со своим тщательно отобранным народом Владимир Путин и вовсе призвал не демонизировать «латышских друзей».

Наконец, российский солдат столь же неуклонно, сколь и бесславно покидает территорию вчерашнего военно-политического присутствия. Россия выводит свои базы из Грузии за 3 года и бесплатно, хотя еще недавно речь шла об 11 годах и компенсации с грузинской стороны в $500 млн.

В общем, на самом деле никакой эффективной геополитики не получается. И вообще никогда не удастся тем, кто хочет знать и понимать Путина, разобраться в его мотивации, если не усвоить один довольно простой принцип: второй президент РФ по своей природе вообще не политик и тем более не империалист. Он – обычный и типичный предприниматель. И все его решения и действия подчинены исключительно логике крупного бизнеса, сводящейся, так или иначе, к извлечению прибыли.

Финансовый гений

Если в чем и преуспел Владимир Путин на постсоветском пространстве и окрест, так это в лоббировании интересов нескольких основополагающих российских бизнесменов. В ходе многочисленных визитов в ближнее и полудальнее зарубежье президент РФ неоднократно начинал переговоры с того, что надо бы вот этот алюминиевый завод отдать Олегу Дерипаске, вон ту телекоммуникационную компанию – Михаилу Фридману, а двунадесятый металлургический завод – Алексею Мордашову. Собеседники Путина радостно хлопали премудрыми глазами: ведь взамен московский богатый гость предлагал политические и экономические даяния, многократно превосходившие по масштабу вожделенные объекты. Например: продаем «Северстали» комбинат Х, а получаем за это отмену Россией антидемпинговых санкций для всех металлургов данной отдельной взятой страны. В такого рода схемах – когда государственные ресурсы России предлагались в качестве компенсации за соблюдение чисто конкретных частных интересов – Владимир Путин нередко бывал успешен. Правда, назвать это продвижением российского капитала можно лишь с большой натяжкой: зарубежные активы, о которых хлопотал Путин, покупались в итоге оффшорными компаниями, а отнюдь не живыми субъектами российской экономики.

Но тем не менее следует признать: **как предприниматель Путин действительно талантлив.** Придуманную же им (или с его благословения, что в данном случае одно и то же) схему национализации в России следует и вовсе признать гениальной.

Схема проста, как все великое. Предприятия, которые в 1990-е годы были проданы на залоговых и прочих фиктивных аукционах по символической цене, должны быть выкуплены государством и госкомпаниями обратно, но уже максимально дорого. Причем для повышения стоимости национализируемых таким образом активов используются даже деликатные механизмы фондового рынка.

Путин отлично понимает, что делает. Всего через 2,5 года в России появится новая власть. И эта власть неизбежно поставит вопрос о легитимации (а значит, ревизии) результатов приватизации – иначе просто не бывает при переходе от постсоветского состояния государственного вещества к постпостсоветскому, по окончании многолетней клептократии. Когда же вопрос будет поставлен, из автоответчика бывшего президента прозвучит глухой отдаленный ответ: забудьте, коллеги, никакой приватизации не было, все снова государственное, ревизовать и легитимировать нечего.

Первой громкой сделкой в рамках предложенной схемы была, конечно, продажа «Сибнефти» «Газпрому». При этом, как мы помним, покупатель и продавец вместе играли на повышение цены: пакет акций «Сибнефти», принадлежавший Роману Абрамовичу, буквально накануне сделки подорожал с $12 млрд. до $13,1 млрд. При этом в 1995 г. контрольный пакет «Сибнефти» был продан на залоговом аукционе, разумеется, за целых $100,3 млн. В плане на 2006 год – покупка 62 % акций «Сургутнефтегаза» «Роснефтью» за сумму, близкую к $20 млрд. (3 ноября 1995 года 40,12 % акций той же компании были проданы государством за $88,9 млн.) и контрольного пакета «Норильского никеля» – госкомпанией «АЛРОСА» за сумму, близкую к $8 млрд. (цена былой приватизации того же пакета – $170,1 млн.). На фоне этих гигантских сделок почти теряются сообщения о приобретении аффилированными структурами «Газпрома» Объединенных машиностроительных заводов или планах «Рособоронэкспорта» выкупить у частных собственников некие металлургические активы. Но и большие, и малые операции укладываются в общий гениальный план (сокращенно – Генплан). При этом предположить, что кремлевское начальство получает со сделок гонорары, именуемые в просторечии «откатами», мы не вправе: зачем это все людям, которым вскоре за принадлежащие им пока 30 % акций «Сургутнефтегаза» перечислят $10 млрд.? Хватит на отборный овес и пони Вадику, и семи поколениям его потомков.

Итак, национализация по-путински есть форма почти легального вывода из страны 50–70 миллиардов долларов. Эти деньги попадают на счета частных лиц – выгодоприобретателей большой ельцинопутинский приватизации (чей жизненный цикл в российском политико-экономическом пространстве, таким образом, заканчивается). Для России же эти миллиарды становятся долгами госструктур, погашать которые будут налогоплательщики вкупе с индивидуальными потребителями газа. То самое население, которому уже в 2007 году придется платить за «голубое топливо» на 50 % больше, чем сейчас. Циничные кремлевские пропагандисты имеют шанс объяснить стране и миру, что вся эта национализация делается в интересах государства и народа. Наивные слушатели-зрители имеют право им поверить.

Бизнес-гений Владимира Путина со товарищи особенно ярко сияет на фоне слабости и бездарности других славянских вождей, в первую голову – все того же Виктора Ющенко. Президент Украины вернул в госсобственность крупнейшее металлургическое предприятие страны «Криворожсталь» за $800 млн. и тут же продал его на транспарентном конкурсе индийскому инвестору за $4,8 млрд., одним ударом заработав для своего государства $4 млрд. (почти 20 % украинского бюджета 2005 года). Ну, не глупый поступок, а? Вот если бы Ющенко учился у Путина, он сделал бы совсем наоборот: заставил бы государство купить у приватизаторов первой волны Рината Ахметова и Виктора Пинчука, овладевших этой самой «Криворожсталью» в июне 2004 года за $800 млн., предприятие за те же самые $4,8 млрд. И эта солидная сумма была бы грамотно распределена между тремя частными лицами во имя гражданского мира, согласия и стабильности.

Не случайно Кремль строго запретил своим официальным и неофициальным представителям комментировать конкурс по «Криворожстали».

Всемогущий Воин

Теперь вы понимаете, почему Кремль не вступился за русских в Туркмении? Потому что газовый бизнес с Туркменбаши – неизмеримо, несопоставимо важнее.

Почему не защитили соотечественников в Латвии? Потому что на счетах в латвийских банках хранятся почти $4 млрд. денег, принадлежащих представителям политико-экономической элиты современной России. И разглашение информации об этих счетах для ходячих символов путинской стабильности смерти подобно. Да, кстати, сейчас активно идут переговоры о том, что одна уважаемая российская компания через немецкий инвестиционный банк купит латвийское нефтетранзитное предприятие Ventspils Nafa. Позволительно ли в такой ситуации что-то еще требовать от милых латвийских друзей?

А почему Россия, объективно располагающая всеми рычагами политического и экономического воздействия на Грузию, спешно капитулирует перед нелюбимым Михаилом Саакашвили, аврально выводя военные базы? Потому что Кремль в глубине своей бизнес-души действительно не понимает, зачем эти базы вообще нужны.

Уважаемые господа всемирные кремленологи и путинологи! Отложите, пожалуйста, в сторону книги о Муссолини и Фиделе Кастро. Закажите лучше в университетской библиотеке биографию филиппинского экс-президента Фердинанда Маркоса. Или, скажем, бывшего заирского властителя по имени Мобуту Сесе Секо Нгбенду Ва За Банга, что означает «*Всемогущий Воин, который в силу своей выносливости и непоколебимой воли к победе совершит многие завоевания, оставляя за собой пожарища*».

И все сразу встанет на свои места.

Мавзолей Владимира Путина

В Кремле вновь озаботились судьбой Владимира Ильича Ленина.

По некоторым данным, нервно утекающим из-за Стены, решение о перезахоронении основателя СССР все-таки принято. 4 ноября 2006 (в крайнем случае – 2007) года вечный Ильич поедет на Волково кладбище Санкт-Петербурга. **А Мавзолей на Красной площади как исторический символ прекратит существование**.

Мелкие мотивы такого решения вполне понятны. Нынешнему главе всех четырех ветвей российской власти предстоит скоро уходить на заслуженный отдых. А всякому идущему на пенсию не только с почетной грамотой, но и с пятком-другим миллиардов американских долларов требуются гарантии безопасности. Принято считать, что гарантии завсегда даст хороший преемник. На 120 % лояльный и благодарный Путину за возвышение до тронных кремлевских вершин.

Но Владимир Владимирович – человек, бесспорно, умный. И он понимает, что никакой преемник ничего до конца гарантировать не может. Ну, допустим, до 31 декабря 2008 года ничего ужасного не случится. А потом? Не придется ли новому президенту «вскрыть первый конверт» и обвинить во всех бедах будущей России предшественника – тишайшего нефтеалюминиевого ВВП? И не побегут ли тогда во все концы Земли запросы на экстрадицию, подписанные генеральным прокурором завтрашнего трудного дня? Ведь знает же Путин, кто у него в команде остался. Жалкие ребятишки. Политически неграмотные, морально неустойчивые. Нет, полагаться на таких нельзя. Посылать за пивом – можно, а жизнь и судьбу доверить – ну, товарищи, это было бы уже слишком!

Путин, как всякий типовой бизнесмен американоцентричного мира, верит только в гарантии Запада. В благородную хозяйскую милость. **Если Запад не выдаст – никакой преемник не съест.** Хоть пропутинский, хоть иссиня оппозиционный. А Запад, по версии индивидуального частного предпринимателя Путина В. В., просто не сможет отречься от бывшего русского президента, похоронившего Ленина и вбившего таким чином осиновый кол престарелому призраку коммунизма прямо в седовласую грудь. Ленин на Волковом кладбище призван хранить спокойный сон Путина в Баден-Бадене.

Но все, как всегда, не так просто. Не только ради милой западной жизни хочет В.В. избавиться от В. И. Дело в том, что в глубокой реальности, не имеющей ничего общего с бесконечным во все стороны путинским пиаром, второй демизбранный президент РФ ненавидит Советский Союз и вообще все советское. Горькой всеразъедающей ненавистью.

Нет, конечно, в рекламных целях Путин может изображать из себя невероятного поклонника советского строя. И даже восстанавливать в правах советский государственный гимн. Правда, с новыми девяностолетними словами, которые невозможно запомнить – ибо вытек из них магический дух, который и делал недетский михалковский текст настоящим имперским гимном. (Интересно было бы кремлевским социологам провести опрос: сколько верноподданных россиян знает путинские слова сталинского гимна? Уверен, что процентов 5, не больше.) Но про гимн – это про пиар. Сказали Путину, что для дальнейшего отвердения рейтинга нужно поклониться советской тени – сделал. А сказали бы, что ради стабильности режима надо назначить гимном «Миллион алых роз» или «Голубую луну» – так и назначил бы. А что? Как научил Путина его отец-основатель Р. А. Абрамович, любое событие-деяние – хоть гимн, хоть война, хоть взрывы жилых домов – оправдано ради стабильности больших правящих денег.

Но когда Путин остается с собою один на один, без шпаргалки, без политтехнологических заготовок, он истинного отношения к СССР не скрывает. Помните, как ВВП открывал Дворец конгрессов (не съездов, заметьте, а именно конгрессов!) в петербуржской прибрежной Стрельне? При советской власти, молвил президент с гримасою необычайной, здесь царили разруха и мрак. А мы, мы – все восстановили, все сделали. $300 миллионов – и никаких тебе советских гвоздей!

У каждого политика, как и у поэта, есть провинция. Руководящая и направляющая, любящая и прощающая. У Путина такая провинция – Дрезден второй половины 1980-х годов. Там родились его дочери (которым с тех пор приуготовлены германские паспорта). Уже тогда Дрезден был какой-никакой, но Европой (по сравнению с неуклюжим презренным Совком). И именно там директор дома советской культуры понял, что сидеть в кафе на бульваре Старой Европы, подсчитывать регулярно капающие на счет доллары, наслаждаться весенним ветром и вообще ни о чем не тревожиться – это и есть жизнь. А грандиозный Совок с его идеологическим серпом и ядерным молотом, орденскими планками и золотыми звездами, большим стилем и пыльными диванами членовозов, казенными дачами и премиями в 300 руб. – фуфло, ерунда. Дрезден научил Путина смыслу его жизни – стать средним европейцем. Благостным спокойным рантье. Орудием всемирного разрушения (по Леонтьеву). И если тогда Владимиру Владимировичу и тысяча долларов в месяц казалась верхом блаженства, то сегодня уже и 100 миллионов долларов в месяц – не предел. Переменилось количество, но не качество. Тогда усталый невольник КГБ замыслил побег из СССР в лишенную державного пафоса международную мелкобуржуазную роскошь. И побег этот он счастливо совершил – исключительно благодаря концу Советского Союза. Не случайно постдрезденский Путин, изгнанный из Системы и сосланный на унизительно низкую должность в ЛГУ, так успешно спикировал в яростно антисоветскую команду проф. Собчака и всего за два года превратился из скромного технического помощника мэра Санкт-Петербурга во второе лицо целой северной столицы.

Отринув совковые вериги, будущий хозяин Земли Русской смело вошел в поколение вельможных торговцев джинсами, захвативших в России власть в начале 1990-х годов. Людей, которые точно знали, что главное – оказаться в нужное время в нужном месте, урвать побольше и – вовремя отбежать. А знамена Отечества, образование, война, революция искусство, любовь – пустые дела, объект ненужных издержек. И не случайно неформальный идеолог нынешнего режима Роман Абрамович избрал Ельцину в преемники именно Путина. **Послеельцинским управителем должен был стать человек, который понимает, что**

джинсы – важнее Империи. Который твердо и прочно забыл, чему его учили в советской школе.

Вывезти с Красной площади Ленина и закрыть Мавзолей – значит избавиться от советского периода нашей истории. Признать, что весь коммунистический режим был досадной оплошностью, совершенной тремя поколениями невменяемых дураков. И хотя советская власть и создала всю ту нефтегазовую промышленность, которой теперь Путин грозит хохлам и всяким прочим шведам, места в истории эта власть не заслуживает. После сентября 1917 года как-то сразу наступает сентябрь 1991-го. Советский Союз обречен забвению, как Березовский с Гусинским.

Владимир Владимирович хотел перезахоронить Ленина еще в самом начале своего правления, в 2000-м году. Но тогда шеф кремлеадминистрации Волошин и иже с ним объяснили свежеиспеченному начальнику, что торопиться никак нельзя. Народ не поймет, да и коммунисты взбунтуются. Сейчас Путин не боится. Ему скоро уходить. А народу – на все наплевать. Ну подкинем еще из резервов 3–4 миллиарда долларов в случае чего. Что, не стоит постылая мумия таких денег?! Да ей красная цена – миллиард в базарный день!

Путин не может уйти от власти, не отомстив своей советской юности, где он был посредственностью и стал подкаблучником. Своей первой зрелости кагэбэшника-неудачника. Ему хочется, чтобы новейшая история «этой страны» отсчитывалась с 1991 года, когда начался его, Путина, неимоверный и неоправданный взлет. С крушением СССР к разжалованному подполковнику пришла Госпожа Большая Удача (БУ). И этой ГБУ он, такой благодарный, принесет в священную жертву – Мавзолей.

Можем ли представить себе это: прямая трансляция из Санкт-Петербурга. Путин идет за гробом Ленина! Да не он один. Грызловы и слиски, лабрадоры кони и пони вадики, прорицатели и чревовещатели, телохранители и сотрапезники. Вот это будет рейтинг, вот это будет доля! Цена минуты рекламы зашкалит за 150 тысяч долларов. Всюду вспышки, цветы, барабаны, литавры, ожоги преданных глаз.

Не забудьте выключить телевизор.

Многие российские и международные наблюдатели пребывают в недоумении от радикальной путинской рокировки «Чайка – Устинов», называя ее нелогичной и даже, страшно вспомнить, «абсурдной».

На самом же деле, перемена мест вельможных слагаемых полностью укладывается в путинскую царствующую логику. И, разумеется, меняет сумму.

Владимир Устинов много лет верой и правдой, без страха и упрека служил Кремлю. Его любили, ценили и награждали (в том числе – большими денежными призами, а также бесценной звездой Героя России). Постепенно бывший генпрокурор уверовал и в собственную неприкосновенность, и во всепостоянство своего друга-покровителя, главного президентского помощника Игоря Сечина. В результате – подрастерял едкое чувство реальности. И совершил сразу несколько мощных аппаратных проступков.

Сначала – без разрешения президента РФ начал собирать и пускать в медиа-топку компромат на министра обороны Сергея Иванова, близкого личного друга Путина. Потом – принялся ворошить кружевное белье президентского вроде-бы-преемника Дмитрия Медведева. Наконец – пошел напропалую арестовывать акции и даже сотрудников компании «Транснефть». Чтобы добиться увольнения главы этой компании Семена Вайнштока и подготовить почву к созданию новой экспортно-транспортной монополии, выдуманной Сечиным и Ко.

Тут-то Устинов и попался. Он должен был знать, что заниматься личными делами Иванова и Медведева, согласно правилам нынешней русской власти, можно, – но только по указанию самого первого лица. Ему не следовало забывать, что «Транснефть» – объект персональной опеки президента Путина, а в Семене Вайнштоке ярко заинтересованы люди не менее влиятельные, чем Сечин – от Романа Абрамовича до Сергея Собянина.

Бывший генпрокурор нарушил главный аппаратный закон эпохи Путина: каждый имеет право делать все что угодно, но только на доверенной его попечению территории. Заходить на чужую территорию, особенно же на ту, где уже приготовлен к активному отдыху президентский персональный шезлонг, где барахтаются в предчувствии морских эмоций жизнелюбивые лабрадоры и мини-лошади, категорически запрещается.

И новый генпрокурор Юрий Чайка – сверхлогичное порождение этой правящей этики. Вместо не в меру активного, забывшего грани и берега Устинова Путину нужен теперь идеальный тишайший бюрократ, который выполняет только президентские указания, а при их отсутствии – не предпринимает ничего, совсем ничего. Живет этим указательным ожиданием. Человек, звездно далекий от всех основных кремлевских кланов, особенно от привыкшей к арестам как способам решения коммерческих проблем команде Сечина. Функционер, на которого накоплено достаточно сыновнего компромата – на самый крайний случай, конечно. За кипяченые годы послеельцинского служения законник Чайка доказал, что он именно таков и лучший из таковых.

Абсолютно объяснимо и назначение Владимира Устинова министром юстиции. Путин не мог обидеть старых друзей (не столько даже Устинова, сколько даже Сечина) и дать вчерашнему обвинителю-громовержцу должность унизительно низкую. Надо было предложить пост хороший, не меньше министерского. Но вместе с тем без реальных репрессивных полномочий. Чтобы не соблазнять падшего тяжеловеса новыми перспективами участия в больших аппаратно-коммерческих битвах. Наконец Путин подустал от болезненных публичных амбиций экс-генпрокурора, который любил в прямом эфире выносить из ада обломки АПЛ «Курск», самолично судить террористов радуевых и читать утомленному миру нравственно-рыночные проповеди. Следовательно, Устинову нужна была должность, не обласканная вниманием СМИ. Секретарь Совбеза и полпред в ЮФО явно не подходили – хотя бы по последнему критерию. Оставался только Минюст, уже оставленный безотказным Чайкою.

Ничего удивительно. Все четко и правильно, строго по-путински.

Правильный пацан

Тот, кто считает Владимира Путина кровавым самодуром, ежеутренне пробуждающимся с мыслью «а кого бы еще довести до цугундера?», принципиально заблуждается.

Путин – дядя очень строгих правил. Точнее, понятий. У президента РФ есть недвусмысленный моральный кодекс, который правильно было бы назвать «пацанским» (он почти копирует неформальные уложения постсоветских робингудских группировок).

Важнейшее правило – четкий раздел сфер влияния. Я позволяю тебе делать все, что угодно, в пределах и рамках твоих исторических полномочий. На твоей земле, с твоей собственностью и твоими крепостными людьми. Но проникать в мое пространство, оплаченное чеченскими войнами и муками кремлевских бессонниц, – не имеешь права.

За что на самом деле пострадал Ходорковский? За избыточный интерес к личным президентским «Сургутнефтегазу» и «Роснефти», к их казначейским акциям и всяческим откатным делам. А зачем он туда полез? Ведь его-то самого из ЮКОСа тогда никто не вытряхивал?

Правило номер два. Нельзя использовать дружбу с Путиным против самого Путина. Если ты чего-то на президентской кухне услышал, а потом по восторженной трезвой лавочке в европейских столицах да и разболтал – лучше б тебе не родиться на свет.

Правило номер три. Если ты доказал свою дружескую надежность – тебе простится любая ошибка. Но если ты не хочешь быть лично преданным другом – ни на что не рассчитывай. Другие твои достоинства не важны и не будут востребованы.

Потому-то президент совершенно не намерен, как бы кто вожделеюще не охал и романтически не вздыхал, увольнять непопулярных антисоциальных министров типа Фурсенко и Зурабова. Ведь, с точки зрения кодекса, эти бледно-бежевые чиновники ничего плохого не сделали. Они воруют только на своих полянах и без зазрения совести выполняют то, что им на самом деле (а не на PR-экране кремлевского телевизора) поручили. Зурабов ликвидирует советскую бесплатную медицину для всех и заменяет ее евразийской платной для немногих. Фурсенко отбирает у НИИ и вузов недвижимость и выводит ее на алчущий новых жертв перегретый рынок. И с этими чисто конкретными задачами они вполне справляются. А что всякие там врачи-учителя-ученые недовольны – так оно и к лучшему. За легкие ранения, полученные в боях с неблагодарным народом, боевикам З. и Ф. (равно как всем другим членам боевого пацанского клуба) причитаются позолоченные нашивки.

Важно запомнить: Путин никогда не нарушает правила первым. Потому все олигархи, бюрократы, оборотни, вампиры, хищники, чужие, рамзаны кадыровы и прочие герои сегодняшних дней, выучившие моральный кодекс и не отступающие от него ни в делах, ни в помыслах, могут спать абсолютно спокойно. Никаких «антиолигархических» или «антикоррупционных» кампаний при живом Путине уже не будет. А если волгоградского мэра с ненецким губернатором неожиданно посадили – так просто не надо было солидных клиентов («Лукойл», «Роснефть») раздражать. А Путин и государственная политика – тут совершенно ни при чем.

Следуя прочным правилам игры, Путин нередко делал то, что ему политически и коммерчески было совсем не выгодно. Например – не только не отрекся от Бориса Ельцина, но и дал последнему свой собственный Орден «За заслуги перед Отечеством I степени». А ведь как ликовал бы российский народ, увидев голову Ельцина на кремлевском жертвенном блюде! Но – нет. Тому що пацан есть пацан.

Или возьмем, например, Михаила Касьянова. Экс-премьер, конечно, первый начал: пошел ругать режим, не высидев до конца согласованного с Путиным моратория. Владимир Владимирович и разгневался. Но все же до прямого нарушения кодекса Касьянов не докатился: лично Путина не затрагивал и монарших буфетных тайн не раскрывал. А потому дачу у него толком так и не отобрали. И даже главных финансистов – в покое оставили. (Линшиц из банка «Нефтяной» пострадал за совсем другое, некасьяновское.)

Все по кодексу. Все справедливо. Тираны так не поступают. Так делают только самые правильные пацаны.

Демоверсия избранного пацана

Опираясь на логику Путина, попробуем теперь понять: кто же станет преемником нынешнего президента?

Сам В.В.? Никогда. Третий срок – это не по-пацански. Беспредел, как мы уже убедились, – совсем не путинский стиль.

Преемник – тот, кто четко удовлетворяет четырем критериям.

1. *Плод компромисса*. Кремлевский наследник обязан устраивать не только Пацана № 1, но и остальных правильных пацанов – как минимум, президентского наставника Романа Абрамовича. Если не обнаружится компромисс – будет война, в которой погорит и выгорит вся братва без разбора.

2. *Психологическая зависимость*. Преемник должен быть настолько *внутренне* зависим от предшественника, что совершенно точно не сдаст, не выдаст и не съест. Формальные гарантии безопасности никого не устраивают – ведь нет таких обязательств, бумажных и безбумажных, которые не мог бы нарушить полновластный самодержец всероссийский. Следующий президент должен относиться к нынешнему, как нынешний – к Абрамовичу. Как ученик – к учителю. Как младший – к старшему. С беспредельной тайной нежностью и трепетом чрезвычайным.

3. *Избираемость*. Преемник не может быть сернокислым либералом гайдаровского замеса – народ такого не примет. Скорее, наследнику Путина суждено явиться националистом-империалистом, пусть даже и совершенно фальшивым.

4. *Непохожесть*. Благодарный народ не должен сравнивать грядущего обер-пацана с сегодняшним властелином. Иначе Путин может обидеться навсегда. Лучше, если б преемник был как-то качественно, принципиально несравним с В.В., например, оказался бы женщиной. Или священнослужителем.

Скоро Путин сделает выбор. Пока преемничество обещано уже, по крайней мере, 8 физическим людям, и каждый из них полуискренне верит, что так оно и есть. Наследники вступили в борьбу. Ее итоги будут подведены – честно и правильно, по понятиям. В полном согласии с неизменной путинской логикой.

Пацан сказал – и пацан ответит.

По мере приближения беспощадного в своей исторической неизбежности дня ухода Владимира Путина от президентской власти война между взаимно возлюбленными членами социального братства под названием «путинская элита» становится все отчетливей и непримиримей. Очередной среднекалиберный результат этой войны – государственно-коммерческие кадровые перестановки, случившиеся в РФ 15 ноября 2006 г.

Скоропостижно покинул «Газпром» **Александр Рязанов**, до сих пор один из ключевых менеджеров газовой монополии. Причем Рязанов одномоментно потерял сразу два поста – зампреда «Газпрома» и президента «Газпромнефти» (ранее известной как «Сибнефть»). Этот многоопытный руководитель пал жертвой стремительно развивающегося конфликта между «Газпромом» и консорциумом «Альфа-групп», точнее – аффилированной с последним компанией ТНК-ВР. Дело в том, что Рязанов был тесно и давно связан с российскими совладельцами ТНК-ВР, и в условиях смертельной схватки между двумя мегакорпорациями его положение в «Газпроме» с каждым днем становилось все более двусмысленным. Лоббировать интересы группы Михаила Фридмана уже не получалось, громить старых друзей до победного конца – как-то не моглось. Отставка положила конец терзаниям.

Рухнула еще одна знаковая фигура недавних путинских лет – **Андрей Новиков**, до 15.11.2006 – заместитель министра внутренних дел и руководитель криминальной милиции РФ. Этот полулегендарный правоохранитель обязан первыми шагами своей сильной федеральной карьеры еще более легендарному Роману Цепову, одной из ключевых фигур силового сообщества Санкт-Петербурга, которого в сентябре 2004 года отравил тайный недоброжелатель. В последние 2 года Новикова вели за собой по жизни душеприказчики покойного Цепова – начальник личной охраны президента РФ Виктор Золотов и весьма влиятельный бизнесмен Олег Дерипаска. По некоторым сведениям, Андрей Новиков оказался слишком благодарным человеком и в отстаивании интересов своих благодетелей иногда перегибал суковатую палку. Например, недавно по инициативе кругов, близких к Дерипаске, ретиво занялся двумя уголовными делами, в которых почему-то фигурировал заведомо непорочный первый вице-премьер, один из вполне возможных преемников нынешнего президента Дмитрий А. Медведев.

Зато теперь Медведев может слегка расслабиться. Не только Новиков ушел – пришел в МВД на пост замминистра **Евгений Школов**, который совсем не чужд первому вице-премьеру, равно как и политико-духовному наставнику последнего, экс-шефу кремлевской администрации Александру Волошину. Не говоря уже близости Школова лично к Владимиру Путину – новоявленный замглавы внутренних дел некогда даже родился в Дрездене (ГДР), а в этом городе, как известно, никто и ничто не рождается просто так.

Теперь органы внутренних дел станут еще более преданными главе государства и с легким сердцем будут обеспечивать экономическую безопасность проекта «Медведев – первый послепутинский хозяин Кремля».

Империя «Медведев»

Проект этот уже вполне созрел и сформировался, уже скоро год как воплощается в мутную русскую жизнь, и у нас есть возможность его проанализировать ход его реализации.

В основании его (проекта) лежит реформаторская концепция наименьшего зла из возможных («совсем маленького зла», СМЗ). Идеологи медведевщины (а главным из таковых считается все тот же незаменимый Волошин) намерены консолидировать элиты вокруг тезиса о возвращении в «золотой век» постсоветской России, а именно в 2000–2002 годы, когда нефтяные цены уже напропалую росли, рассветная стабильность уже била изо всех щелей, однако кровавые сечино-чекистские будни с показательной поркой ЮКОСа еще и не думали начинаться. И политических свобод было ровно столько, сколько нужно почтенной VIP-публике для привычного кайфа – ни граммом меньше и ни центом больше.

В те времена Владимир Путин еще только пытался подогнать царский трон под формат своих единоборческих телес, а реальным начальником страны и модератором всех здешних элит работал, конечно же, руководитель его тогдашней администрации. И каждый знал свое место, и все было хорошо, и никто никого не кусал, не бил и не обижал. Это с 2003-го пошли досадные перекосы, связанные с тем, что Путин сдуру отважился сам немного порулить, а в силу вошли его старопромысловые друзья-вурдалаки. В общем, главный лозунг СМЗ-проекта: *берем в будущее все хорошее от Путина, оставляем в проклятом прошлом-настоящем все плохое*. Если же возникают сомнения в том, что Д. А. Медведев справится с управлением, то на этот случай готов неотразимый ответ: задача преемника – царствовать, т. е. жадно пить минеральную воду и порой открывать выставки Фаберже; править же будет проверенная группа гиперэффективных менеджеров во главе с личным наставником будущего монарха, Александром Стальевичем. Ведь нет же сомнений в том, что Волошин, так не вовремя ушедший в отставку в октябре 2003-го, взаправду может «рулить» огромной страной?

На ценностном уровне СМЗ-консенсус теоретически может быть достигнут. Система, при которой можно спокойно «пилить» нечаянно-радостные сырьевые доходы, складывать их на Западе и не задумываться, что такое будет с Россией всего через несколько лет, нынешнюю владетельную элиту, в общем, устраивает. Да и тандем настольного ягненка Медведева со старым добрым волком Волошиным смотрится и пахнет вполне себе ничего.

Многие знаковые фигуры последних 15 лет русской политики уже с самого утра занимают очередь в заведение под вывеской «СМЗ». Анатолий Чубайс грезит официальным постом руководителя медведевского предвыборного штаба и ради этого готов принести на алтарь медведепобеды все обломки зацветшего скособоченного СПС. Министр связи Леонид Рейман пытается сделать мозговым штабом СМЗ-проекта свой совершенно аналитический РИО-Центр, возглавляемый вице-президентом РСПП, культовой фигурой бизнес-класса Игорем Юргенсом. Почти родной Медведеву газовый теоретик Алишер Усманов щедро скупает СМИ, способные правильно влиять на мятущиеся элитные души – от «Коммерсанта» до «Газеты. Ру». В общем, все эти добродетельные люди истово алчут маленького зла.

Другое дело, что на уровне практических интересов консенсус по поводу СМЗ-Медведева никак не достижим. Потому что для четырех-пяти богатых и влиятельных групп Александр Волошин как фактический правитель России и Роман Абрамович (в обрамлении Алишера Усманова / Сулеймана Керимова) как ее титульный спонсор означают быструю и притом довольно болезненную политико-экономическую смерть. И эти группы обязаны сделать все возможное, чтобы благотворный Медведев никогда не воссел на кремлевское тронное место.

А значит – схватки боевые будут лишь нарастать. И жертв – реальных и потенциальных – станет значительно больше. Одной из таких жертв – невзирая на много лет преданной политтехнологической службы – может оказаться замруководителя администрации президента РФ **Владислав Сурков**.

Империя «Сурков»

Предыдущие 125 слухов о своей вот-вот отставке (как и трогательно политкорректную историю про горного self-made мальчика Асланбека Дудаева) вбрасывал в многонациональное информационное пространство России сам Сурков. Руководствуясь старым надежным правилом: чем больше всякие профаны судачат о твоем увольнении, тем менее вероятно оно в политической реальности.

Но сегодня у официального кремлевского куратора внутренней политики, похоже, впервые за все время его административного сидения появились настоящие проблемы. Проистекают они из трех источников.

Источник № 1. **Сергей Собянин**. По достоверным неподтвержденным данным, руководитель администрации президента давно, с 1990-х годов, недолюбливает Суркова, а главное – не считает талантливого «горца» действительно эффективным политменеджером.

Источник № 2. **Игорь Сечин**. Весной нынешнего года этот человек, слегка возбужденный долгой чередой рыночно-рейдерских побед (самая громкая из них, конечно, ЮКОС), решил захватить госкомпанию «Транснефть», заменив ее главу Семена Вайнштока на своего ставленника. Более того: Сечин собирался создать под своим теплым контролем нового транспортного монополиста, в котором растворилась бы и современная «Транснефть», и даже некоторые структуры священнонародного «Газпрома». Владислав Сурков вызвался тогда помочь надменному кремлевскому соседу, считая того на 100 % неуязвимым. И – просчитался. Вайнштоку при поддержке Собянина и Абрамовича удалось отбить атаку. В результате был даже сброшен с путинского обоза счастья богобоязненный генпрокурор Владимир Устинов. А неподалеку от должностной фамилии Суркова чья-то невидимая черная рука поставила карандашный знак вопроса.

Источник № 3. **Сергей Миронов**. Сурков очень не хотел создания новой левой коалиции под началом спикера Совфеда. И пытался всячески противодействовать проекту «Союза доверия» – «Справедливой России». Но в том, что пытался, – лишь полбеды. Беда же – в том, что не смог своей активности скрыть. А ведь в путинском Кремле не очень любят, когда кто-то в открытую саботирует, тем более – пытается торпедировать проекты, утвержденные и одобренные высочайшим кивком головы.

А недавно Сурков вдруг попал еще и в жернова конфликта между двумя лидерами «Единой России» – нынешним **Борисом Грызловым** и давнопрошедшим (а может быть, неопределенно-будущим) **Сергеем Шойгу**. Глава МЧС вдруг решил, что пора от чрезвычайных ситуаций потихоньку переходить к размеренной парламентской политике, а в роли главы «ЕР» он будет выглядеть ничуть не хуже и даже, пожалуй, лучше, чем Грызлов. Сурков вроде бы не возразил. А спикер Госдумы, узнав о таком безответственном прожектерстве, слегка обиделся, заподозрил главного кремлевского политтехнолога в личной измене и пошел вытряхивать сурковских людей из руководяще-творческих органов партии.

Тут весьма некстати разразился Русский марш, который так и не удалось победить политтехнологическими средствами: пришлось все-таки применять лужковский запрет с милицейскими задержаниями. Что и говорить, нелегкая задалась жизнь у самого креативного кремлевца.

Впрочем, Владислав Сурков может сидеть в своем суверенно-демократическом кресле еще долго. Ведь у него есть важное и интересное дело в рамках проекта «Медведев» – так называемая «**Пятая империя**». Смысл дела прозрачен и прост. Из патриотического еженедельника «Завтра», добровольно согласившегося стать главным рупором «Пятой империи», легко можно узнать, что якобы есть на свете некая разветвленная и крепкая **Партия третьего срока** (ПТС) Владимира Путина. Члены ПТС – изверги-силовики типа Игоря Сечина или Владимира Якунина, подпольные оборонщики и невидимые инженеры, националисты и антисемиты, погромщики и скинхеды, другие разнокопытные ветераны труда и отдыха. Все эти люди, спаянные одной цепью жизненно важных интересов, очень хотят уговорить Путина плюнуть на Конституцию и обязательства перед евроатлантической цивилизацией, взять да и пойти на третий срок. Чтобы выполнить некую священную имперскую миссию, магический секрет которой начертан древними письменами на седьмой по счету сосне, срубленной строителями Североевропейского газопровода (по другой версии – зашифрован в загадочной ренессансной улыбке Ксении А. Собчак).

На самом же деле никакой ПТС не существует. То есть всякоразные люди – от Игоря Сечина до Рамзана Кадырова – были бы, несомненно, удовлетворены, если б Путин остался бы еще на срок-другой. Но никакой общей и единой аппаратно-экономической партии, способной овеществить третий срок, у них нет, да и всеобщий раздрай в среде «третьесрочников» слишком велик. Виртуальная Партия третьего срока с ее программой «Пятой империи» нужна, собственно, лишь для того, чтобы стращать ею прогрессивный Запад. Посмотрите, дескать, товарищи евроамериканцы, какие у нас тут персонажи водятся! Им только дай волю – они и юридически невинного Путина под монастырь подведут, и к Вам, коллеги, повернутся всеми мохнато-азиатскими частями тела. Поэтому если не хотите Проханова с Пятой империей и Сечина с третьим сроком – поддержите уж нашего болезного преемника, СМЗ имени Медведева. Поддержите, бл…, кому говорят!

От качества специального экспортного жупела, который скоро отправится на иноземные рынки под брендом «ПТС – Пятая империя», во многом зависят скорость и траектория сурковской аппаратной судьбы.

Недоверие Владимира Путина

В 2006 году президент начал вынимать из запасников своей памяти старых-престарых друзей и неожиданно (в том числе для самих друзей) назначать их на ответственные силовые посты.

Сокурсник Путина по юридическому факультету ЛГУ **Алексей Аничин** совершил карьерный рывок, превратившись из третьеразрядного прокурорского чиновника в начальника Следственного комитета МВД.

Другой сокурсник, **Александр Бастрыкин**, был назначен заместителем генерального прокурора РФ по следствию. Кроме прочих следственных забот, Бастрыкину поручено: а) полностью, от начала и до конца переворошить дело ЮКОСа, проанализировав его разносторонние результаты; в) взять под личный контроль коммуникации между Кремлем (особенно – Игорем Сечиным) и Генпрокуратурой. И, конечно, обо всех привычных и вновь выявленных пикантных подробностях докладывать лично Первому.

Наконец, намедни сотоварищ Путина по бурному началу 1990-х **Олег Сафонов** занял кардинальную позицию в МВД.

Если присмотреться, то можно увидеть, что Аничин, Бастрыкин и Сафонов относятся к особу подвиду путиноидов. За 7 лет дружеского правления они так и не смогли (и/или не отважились) по-настоящему воспользоваться именем президента, не заработали крупных денег, не построили бизнес-империй, не вписались в аппаратно-рыночную мафию. Подотчетны они лично Путину – и только ему. Что, конечно, качественно отличает их от функционеров типа Сечина – Медведева – Золотова. Все они похожи, скорее, на Сергея Миронова (который, кстати, именно в этом году был обласкан особо важным политическим поручением).

Что это означает? Скорее всего, то, что соратникам первого (1999–2000) кадрового призыва, сумевшим слишком правильно капитализировать свою околопутинскость, президент уже не вполне доверяет. И пытается прибегнуть к помощи исполнителей другого поколения и формата.

Это высочайшее недоверие, которое в предстоящие полтора года может лишь усугубляться, но никак не снижаться, станет еще одним серьезным фактором номенклатурного раскола, войны волков против волков.

Выходное платье короля

Нынешняя властная элита идет на выход. Ей, наверное, хотелось бы отчасти (и от большой части) остаться. Но легализация приватизированных русских денег за границей – куда важнее. В этом – жизнь, остальное – необязательные доп. потребности.

И, толкаясь свинцово-цинковыми локтями у двери с зеленой надписью Exit, они не смогут не опрокинуть со стола ту самую стабильность, которой так гордится их задерганный предводитель. Массивный вывоз капитала, вооруженное заметание следов, осеннее уничтожение безусловных противников – все это сделает процесс смены и передачи власти куда более сложным и сердитым, чем принято рассуждать по Первому каналу телевидения. Члены братства товарища волка не могут не искусать друг друга до кровавого бешенства.

Главное, чтобы в этой нечеловеческой борьбе за мир не совсем рухнула наша Россия.

Президент России Владимир Путин в очередной раз ярко и убедительно возразил тем недоброжелателям, кто упрекает его в геополитических амбициях и подозревает в неосоветском империализме. Он назначил экс-заведующего секцией магазина № 3 Ленмебельторга Анатолия Эдуардовича Сердюкова министром обороны.

Бесспорно, фельдмаршал Сердюков – человек в путинской системе власти отнюдь и далеко не случайный. Как не случайно вообще все, связанное с рукотворной мебелью: ее глубоко очищенные (во избежание экстремизма не будем употреблять прилагательное «контрабандные») поставки из Финляндии были заметной частью бизнеса некоторых руководителей мэрии Санкт-Петербурга в первой голодной первой 1990-х годов. Новый же министр обороны уже в те годы стал зятем Виктора Зубкова – человека столь же незаменимого, сколь и умеющего быть незаметным.

А ведь бывший первый секретарь Приозерского райкома КПСС Ленинградской области т. Зубков может считаться одним из учителей Владимира Путина: в 1992–1993 гг., работая зампредом комитета по внешним связям все той же питерской мэрии, он преподал своему непосредственному начальнику, будущему общенародному президенту РФ, некоторые основы бюрократических искусств. А чуть позже – использовал старые номенклатурные связи для создания в автохтонном Приозерском районе дачного кооператива «Озеро», где поселилась половина последующих властителей России. Не случайно на исходе 1993 года Виктор Зубков стал главным налоговым инспектором северной столицы – и оставался им почти восемь лет, рекордный по тем смутноватым временам срок. Правда, летом 1999-го учитель Путина немного отвлекся на публичную политику – решил выиграть пост губернатора Ленинградской области, причем начальником штаба взял себе теперешнего спикера Госдумы Бориса Грызлова. Впрочем, в отсутствие вертикали власти штурм губернаторской высоты закончился для Зубкова восемью с небольшим процентами голосов и почетным четвертым местом.

А в переломном 2000 году, когда эпоха мягкой мебели уступила историческое место периоду жестких национальных решений, тесть призвал зятя к государеву служению: Анатолий Сердюков стал сначала заместителем Зубкова, а год спустя, когда близкородственный покровитель отправился в Москву командовать финансовой разведкой (Росфинмониторингом) – возглавил налоговую службу Санкт-Петербурга. На этом посту рыночные таланты грядущего полководца пригодились в достаточной мере. Сердюков быстро наладил систему целенаправленных проверок предприятий и организаций с последующим истребованием компенсаций, а в некоторых случаях – переделом всего того, что плохо или небрежно лежит. Потому весной 2004-го, вскоре после замены витиеватого Михаила Касьянова на прозрачного, как последняя правда, Михаила Фрадкова, воинственный зять брошен был на федеральное налоговое ведомство. Приоритетная задача его оказалась недвусмысленной – создать гигантские налоговые долги «Юганснефтегаза» и ЮКОСа. Создал. А потом, когда «Юганскнефтегазом» завладели правильные пацаны, львиную долю долгов – списал. Никакой частной коррупции, чистые казенные интересы.

Совершенно очевидно, что именно такой специалист сейчас и нужен отечественному Министерству обороны. Сергей Иванов был всем хорош – и даже тем, что унтер-рядовой Сычев сам себя изнасиловал. Но одним нюансом все же оказался плох: будучи слаботелым интеллигентом в 117-м поколении, так и не сумел поставить под строгий контроль финансовые потоки военной системы. И, что не лучше, не научился использовать министерство как инструмент передела военно-промышленной собственности. В результате с барского стола в чьи-то неведомо алчные рты валились неучтенные миллиарды, чего главковерх допустить, разумеется, никак не мог. Сердюков исправит ошибки и залечит раны. Нервные миллиарды обретут свой нужный, свой последний приют.

Очевидно и другое, не менее трудное: никакие геостратегические или военно-модернизационные задачи мебельштурмбанфюрер решать в принципе не в состоянии. Никто перед ним таких задач и не поставит. Так что сентиментальные созерцатели, принявшие слишком близко к сердцу Мюнхенскую речь Путина, могут расслабленно закрыть воспаленные влагой счастья и гнева глаза. Тревоги не будет. В логове русского медведя – летейский перекур. После грозного гомеопата Иванова в бывшую советскую армию явился финансовый патологоанатом Сердюков. Лечение больного скоропостижно заканчивается естественным летательным исходом, пора описывать остатки имущества (уцелевшего после затяжных гомеопатических процедур).

А Мюнхенская речь? Да полноте вам – обычное собрание небольших новорусских обид. Помните пост куршевельскую речь никелированного подвижника Прохорова: мы-то к вам со всей душой, деньгами и лучшими благонамеренными девицами, а вы… Вот перестанем девиц возить, тогда попляшете с собственными пенсионерами на их последние три сантима!

Так и Путин. Мы вам – буквально все: и Камрань, и Лурдес, и станцию «Мир», и базы в Средней Азии, и вообще все постсоветское пространство, и Северную Корею, да вот тут, кстати, еще и Иран на подходе. А вы нам даже газораспределительные сети отдать не хотите. Да к чему-то все время напоминаете про какие-то демократические ценности, которых, как мы точно знаем, в реальности не существует – один PR сплошной! На себя лучше посмотрите, демократы недоделанные!

Вот что хотел сказать Путин. Никакой холодной войны. Никакой политики, даже бизнеса. Просто немного личного. Накопилось, понимаешь. Наболело.

Солдат и его армия

Не только фельдмаршалами жива Россия, но и всяким солдатом Божиим. Например, бронзовым Воином-освободителем на таллинской горе Тынисмяги, которого в своем провинциальном безумии хочет снести эстонское путинское большинство.

15 февраля 2007 года эстонский парламент (рийгикогу) принял во третьем и последнем чтении закон «О сносе запрещенных сооружений», направленный прямо против Памятника, и заодно объявил вчерашний день освобождения Эстонии от гитлеровцев Днем поминовения тех, кто боролся за «независимость» (преимущественно, тех же гитлеровцев). Не понял этого жеста даже Совет Европы, который хоть и обожает малые постсоветские народы, но в прямой реабилитации гитлеризма как-то не очень заинтересован. После брюссельского окрика Томас Хендрик Ильвес, эстонский президент шведско-американского происхождения, подписывать скандальный закон отказался: дескать, все это дело их конституции противоречит.

Кое-какое подвывание раздавалось и в московском Охотном ряду, в масленичных стенах полновластной Государственной Думы. И даже глава МИД РФ Сергей Лавров, уже почерневший от необходимости по три раза в день колебаться вместе с размытой линией кремлегазпромовской партии, пробормотал что-то про «катастрофическое» ухудшение отношений и туды ее, эстонскую нимфу, в качель.

И только Кремль ответил на эстонские выкрутасы – темным античным молчанием.

Не услышали мы путинского скрежета зубовного, как в лучшие дни грузиноцида. Никто не отозвал из Таллина русского посла. Не закрылись мановением полосатой волшебной палочки эстонские казино. Не остановилось земноводное сообщение с братской Эстонией. Ничего, совсем ничего. И даже трубадуры нефтегазового патриотизма не получали, похоже, внятных команд громко лаять на восходящую нацистскую луну.

В чем же дело? Почто оставил вождь всех российских народов солдата-освободителя своего?! Ответ прост. Освободитель – освободителем, это просто конический объект из цветного металла. А существуют другие объекты. Гораздо важнее. Ибо не для истории они, а для бизнеса.

Есть такая компания «Северстальтранс», в силу неясного состава собственников считающаяся почему-то «придворной». Уже несколько лет она контролирует значительную часть российских транзитных поставок через Эстонию. В частности, почти 90 % нефтяного транзита. Один из крупнейших клиентов этой транспортной корпорации – гигантский «Сургутнефтегаз», традиционно экспортирующий свою продукцию через оффшорные компании Gunvor International Ltd (Британские Виргинские острова) и IPP Ltd. (кантон Цуг, Швейцария). Эти оффшоры часто упоминаются неподалеку от имени так называемого Геннадия Тимченко, гражданина Финляндии, который уже много крылатых лет рассматривается в роли ключевого бизнес-партнера Владимира Путина.

Эстония как транзитная страна оказалась весьма важна для «Северстальтранса» и его высоких клиентов: придворный перевозчик отважился на масштабные инвестиции в недружественную экономику, например, приобрел эстонского железнодорожного оператора Spacecom и топливный терминал E. O. S. Хотели купить еще эстонские железные дороги, но не смогли: местная крикливая общественность помешала. Но интерес к Эстонии нисколько не угас. Министерство транспорта РФ и ОАО РЖД с помощью гибкой тарифной политики сделали все возможное, чтобы максимальное число российских хозяйствующих субъектов экспортировали свое добро именно через Эстонию и с помощью «Северстальтранса».

И российский бизнес возлюбил прохладную балтийскую страну. Взять хотя бы концерн «ЕвроХим», который прекратил строить свой терминал в Усть-Луге (РФ, Ленинградская область) и переориентировался на братский порт Силламяэ (понятно где расположенный). И Сергей Матвиенко, сын питерского губернатора, в прошлом году занялся строительством коттеджного поселка для русской национально ориентированной элиты на пустынном балтийском острове, вполне принадлежащем Эстонии. И даже, как сообщалось, получил по этому поводу эстонский вид на жительство.

Но, мы слышали, Воина-освободителя еще могут спасти Евросоюз и русские таллинские таксисты? Дай-то Бог.

Бизнес-балканизация

Впрочем, за отчетный период путинский Кремль добился значительных бизнес-успехов не только в Прибалтике и Арбатском военном округе. Но и, например, на Балканах.

Последние 150 лет Россия считалась другом-заступником славянских балканских народов. И даже в проклятые годы ельцинщины Евгений Примаков все еще разворачивал свой самолет над Атлантикой, услышав о бомбардировках Югославии, а измученный нарзаном президент, тот самый Ельцин, считал своим долгом отправить русских десантников дерзостным марш-броском в Приштину. И, конечно же, официальная Москва, невзирая на позицию старших товарищей по Вселенной, всегда выступала против независимости Косово и делала почти все, чтобы братьев-сербов убедительно приободрить.

Но времена меняются. Там, где нельзя было договориться по истории, можно стало договориться по деньгам.

В декабре 2006 года в ту самую официальную Москву, изнывавшую от нестерпимо зимнего тепла, прибыл не кто иной, как косовский премьер-министр, бывший полевой командир Освободительной армии Косово (ОАК), матерый соорганизатор геноцида сербов Агим Чеку. Супербоевик, которого дважды арестовывали – в 2002 году в Любляне и в 2004-м в Будапеште – по обвинению в военных преступлениях. И освобождали только под давлением миссии ООН в Косово. Российская же столица явилась Агиму Чеку всецело гостеприимной и безопасной. Его приняли – в хорошем смысле – на Смоленской площади, в МИДе, на достаточно высоком уровне. Причем визит Чеку сопровождался серией прямо-таки антисербских публикаций в кремлевских СМИ: дескать, сосут братья-славяне вымя великой России, а взамен-то ничего не дают; паразиты они и больше никто; пора перестать делать за сербов их грязную национальную работу.

Предмет переговоров с боевым премьером Чеку тоже не был великой тайной. Холдинг «Базовый элемент», подконтрольный очень крупному бизнесмену патриотического вида Олегу Дерипаске, недавно купил алюминиевый завод в Подгорице (Черногория). И теперь этому заводу очень нужна дешевая электроэнергия, которая производится как раз на территории Косово. Потому на повестке дня – редкостно выгодная сделка: Россия не помогает Сербии, Агим Чеку отдает Дерипаске косовскую электрогенерацию.

И процесс, кажется, пошел. Незадолго до оглашения плана Марти Ахтисаари абсолютно анонимный источник в МИД РФ заявил: *мы не можем быть более сербами, чем сами сербы…* В общем, понимайте, как можете.

Все-таки жаль, что Григорий Ефимович Распутин не занимался алюминиевым бизнесом. А то, может быть, и удержал бы Россию от вступления в I мировую войну.

Русскому – смерть

Хотя, разумеется, разнообразные металлургические достижения меркнут по сравнению с победами на главном путинском бизнес-фронте – газовом. Вторая половина 2006-го и самое начало 2007 гг. не могли не повергнуть почитателей путинских бизнес-талантов в глубокое, как хранилища Центробанка, удовлетворение.

За отчетный период объединенная управляющая компания (ОУК) «Кремльгаз» имени В. В. Путина провела большую работу по обеспечению роста капитализации ОАО «Газпром» (известного также как общество с ограниченной ответственностью «Национальное достояние»). Основные результаты этой работы, как известно, таковы:

– Грузия и Азербайджан почти полностью отказались от закупок российского газа и сформировали антироссийский энергетический картель, у которого на руках теперь все козыри, чтобы давить на последнего условного союзника России в Закавказье – Армению; на фоне стремительного и бесплатного вывода наших постсоветских войск из Грузии можно констатировать, что двухсотлетний период доминирования России в Закавказье самым газовым образом завершен;

– де-факто ликвидировано Союзное государство России и Белоруссии; Минск из союзника и форпоста Москвы превратился в ее жесткого оппонента; президент Лукашенко заявил о готовности создать антироссийский альянс потребителей сырья вместе с Украиной и Азербайджаном, а заодно пересмотреть условия сотрудничества с РФ в военной сфере; Евросоюз приободрился и намекнул на готовность смягчить свою позицию в отношении эксцентричного белорусского лидера; непримиримая оппозиция выразила желание протянуть ненавистному «батьке» руку сотрудничества в общенациональном деле борьбы против Путина и «Газпрома».

Тут классический член фан-клуба ОАО «Газпром», судорожно пытаясь нащупать где-то в области талии виртуальный газовый пистолет, должен истерически возопить:

– Но ведь «Газпром»-то – это мы и есть… Ведь от ихней капитализации нам всем, простым россиянам, обламывается!.. Что хорошо для «Газпрома» – хорошо для России, а все остальное-то – от лукавого.

Нет, увы. Современная история учит нас обратному: что для «Газпрома» здорово – то русскому смерть.

Вот лишь несколько простых доказательств, произошедших в 2006 году.

• Российская газовая монополия, эксплуатирующая российскую территорию как свое приусадебное хозяйство, а российскую власть – как собственный PR-департамент и службу безопасности одновременно, отказалась заниматься газификацией России. Отныне «Газпром» берет на себя лишь 20 % газификационных расходов – на подведение трубы к населенному пункту. Остальное должны оплачивать регионы, в чьих бюджетах необходимых средств не было, нет и не будет. Но отвечать за провал будут как раз субъекты Российской Федерации. С 2007 года, как заявил председатель совета директоров «Газпрома», бывший лучший преемник Владимира Путина Дмитрий Медведев, нерадивые регионы будут просто вычеркиваться из программы газификации. Что позволит «Газпрому» уже официально поставить крест на этой обременительной низкодоходной программе. Внутренняя логика ООО «Национальное достояние», разумеется, вполне понятна: газ нужен для высокоприбыльного экспорта, способствующего росту капитализации, тут уж размениваться на население никак не приходится. Just business.

• «Газпром» – причем устами самого Владимира Путина, формально не имеющего к корпорации никакого отношения – провозгласил в 2006 году курс на существенное сокращение поставок газа российской промышленности и энергетике. Президент призвал промышленных потребителей переходить на уголь и мазут – т. е. на менее эффективные виды топлива – а также приготовиться к повышению цен на «голубое топливо» до европейского уровня. Так, поставки газа энергетикам в 2007 г. сокращены на 10 млрд. кубометров, хотя структуры РАО «ЕЭС России» готовы были платить $185 за каждую тысячу кубометров дополнительного газа (Украина, напомним, платит по $130). Как мы видим, «Газпром» активно способствует архаизации и деградации отечественной промышленности.

• Газовая монополия анонсировала постепенное, но немилосердное повышение цен на газ для населения. Через 4 года (в 2011) простой россиянин будет платить 70 % от европейской цены, т. е. втрое больше, чем сегодня. Если, конечно, у россиянина от таких расходов карман окончательно не треснет. Естественные преимущества России в виде собственного газа (себестоимость добычи которого не превышает $35 за тысячу кубометров) – уже не в счет. Это когда нужно брать у страны, «Газпром» – национальное достояние. А когда нужно хоть что-то отдать, «Газпром» немедленно превращается в коммерческую структуру, главная цель которой – получение большой, очень большой прибыли. И нет такой России, которой «Газпром» не пожертвовал бы ради главной цели.

Развеселая наука

Ну что все так привязались к мебельщику Сердюкову, честное слово? Ну да, очень логичное (с точки зрения путинской бизнес-машины) назначение. Но ведь не единственное же такое!

Почему никто не говорит, что еще в позапрошлом году Михаил Ковальчук, инкогнито из Петербурга, родной старший брат Юрия Ковальчука (который тоже считается одним из кошельков своего политического начальства), возглавил не что-нибудь, а легендарный Курчатовский институт. И очень хорошо, что г-н Ковальчук никогда не занимался ядерной физикой. Это позволит ему легко трансформировать некоторые избыточные помещения состарившегося «Курчатника» в автосалоны и другие нужные массовому потребителю культовые места.

Но, кажется, и на этом ядерном посту Мих. Ковальчук надолго не задержится. Вскоре, как ожидается, он будет назначен финансовым директором Российской академии наук (РАН). И, подобно сверхновому министру обороны, развернет северные реки академического финансирования в единственно верном лазоревом направлении. А заодно – избавит научную общественность от совершенно лишних, обременяющих ее коллективный фаустовский ум двух миллионов квадратных метров недвижимости. Если наука стоит на пути у большого бизнеса – тем хуже для науки.

А на излете 2007 года Анатолий Сердюков и Михаил Ковальчук могли бы провести совместную пресс-конференцию, чтобы поведать заинтригованному миру, как они собираются создавать новейшее супероружие. То самое, способное проткнуть американскую ПРО, словно тростинка – лист папиросной бумаги. Главное, чтобы в ходе пресс-конференции эти перспективные руководители не погибли от собственного смеха.

У двойной черты

Теоретики т. наз. «путинского большинства» учат нас, что президент Путин если и не останется на третий срок, то уж во всяком случае политического тленья убежит и станет российским Дэн Сяо Пином, бодрым, подтянутым и архимудрым – не по годам.

Смысл этой пропагандистской кампании вполне понятен: В.В. очень не хочет, чтобы его прежде срока посчитали «хромой уткой». И грозит всем из теплого новоогаревского подполья: не торопитесь меня списывать, я еще ко всем вам приду в капиталистическое далеко и спрошу, что вы там делаете и чем живете! Путин понимает: в ту секунду, когда олигархо-бюрократическая элита окончательно уверует в его полный уход, элитные тормоза откажут на все сто. И всеобщая война всех против всех за остатки национальных ресурсов, прошлых, настоящих и будущих, превратится в кровавую мясорубку, из гущи которой будут лишь изредка доноситься хамски сдавленное: «Президент? Какой президент? Какой Владим Владимыч? Позвоните завтра, а то сейчас мы заняты – война, понимаешь…» И – пулеметная очередь гудков – самых коротких, какие только бывают на свете.

В общем, зачем лукавый Путин пытается отдэнсяопинизировать публику, ясно. Но дела его, лежащие за строгими рамками уполномоченной пропаганды, говорят о прямо противоположном: В.В. уходит насовсем. Бесповоротно и безвозвратно.

Разве лидер (мягче – большой начальник), который собирается хоть в каком-то качестве / количестве оставаться, обрушил бы с такой небесной легкостью постсоветский мир? уничтожил бы столь популярную в русском народе дружбу с Белоруссией? оставил бы промышленность и народ свой без газа? плюнул бы в армейскую душу столь откровенно мебельным назначением? порешил бы на корню фундаментальную Академию наук? испортил бы, наконец, свой родной город многоэтажным кукурузным початком?

Нет – самому себе такого наследства не оставляют. Мы наблюдаем решительное окончание эпохи под названием «Бизнес Владимира Путина». Расхлебывать сладкую деловую кашу, заваренную в процессе окончания, придется смелым преемникам, сколько бы их ни случилось. И Дэн Сяо-Пина рядом тогда уже не будет.

Путин никогда никому не обещал проводить модернизацию. Строить новое государство. Брать приступом небывалые горизонты. Он вообще не хотел президентской власти и дважды отказывался от нее. Путина в 1999-м уговорили, потому что только он, тихий, праведный и надежный, суверенно понимающий астрономическую разницу между риторикой (для доверчивого народа) и большим бизнесом (для мнительного себя), мог исполнить триединую сверхзадачу нынешней российской элиты: 1) закрепление итогов приватизации; 2) обналичивание властесобственности; 3) легализация обналиченного на Западе.

Он это и делал. Четко, почти безукоризненно. Не больше, но и не меньше, чем должен был.

Учебник русской истории будет к Владимиру Владимировичу и его бизнесу совершенно и основательно добр.

Понимать Владимира Путина

Саммит G8 в Хайлигендамме оказался действительно удачным – и для Владимира Путина, и для его правящих собеседников. Участники саммита расстались, вполне довольные друг другом. Критика в адрес президента РФ за отступление от демократии была весьма скромной – да и ту поручили озвучить британскому премьеру Тони Блэру, которому, можно сказать, почти все равно – через 2 недели он уходит в отставку.

В чем причина такого успеха? Только в одном: западные лидеры наконец-то дали себе ответ на зависший с 2000 года вопрос Who is Mr. Putin? И начали работать не с мифом Путина, а с реальным российским лидером – как он есть на самом деле.

Собеседники Путина постигли наконец, что перед ними – вовсе не империалист советско-кагэбэшного замеса, мечтающий о возрождении сверхдержавы от южных гор до северных морей. А прагматичный бизнесмен, рассуждающий и действующий исключительно в категориях деловых интересов.

Не оголтелый враг Запада, размахивающий потрескавшейся от времени ядерной дубиной. А напротив – самый прозападный правитель за всю историю России. Который лишь вынужден зачастую использовать антизападную риторику, чтобы нравиться своему народу и обеспечивать среднесрочную стабильность нынешнего кремлевского режима.

Не тиран-узурпатор, пришедший попрать чахлые ростки русской демократии. А последовательный выразитель воли постсоветской элиты России, которая твердо знала и знает, что демократия была полезна для начала раздела советского наследства. Но для завершения такового – демократия вредна и опасна, потому что она в российских условиях непременно отдаст власть левым и националистическим силам, которые захотят вернуть нерастраченное наследство в места его изначальной дислокации.

Не злобный враг гражданских прав и свобод – но верный среднеевропейский буржуа, полагающий, что эти самые права и свободы есть не самоценные сущности, а просто PR-инструменты, прилагающиеся, как правило, к собственности на средства массовых коммуникаций.

Не отчаянный властолюбец, всеми кривыми пальцами цепляющийся за престол. А «демократ чистой воды» – первый в российской истории правитель, который уходит с высшего государственного поста в полной силе и славе, не будучи вынуждаем к уходу чрезвычайными обстоятельствами. Руководители стран G8 уверились, что Путин очень хочет уйти. Просто он нуждается в гарантиях, что уйдет красиво и гордо, как уважаемый демократический лидер (скажем, Билл Клинтон или тот же Тони Блэр), а не гонимый враждебным натиском авторитарный клептократ (Мобуту, Ф. Маркос и так далее).

Западным партнерам пришлось таки уразуметь, что известная Мюнхенская речь была вовсе не изложением новой геополитической доктрины, а всего лишь концентрированным выражением горькой личной обиды Путина на Америку и Европу, которые – несмотря на семь с половиной лет прозападной политики хозяина Кремля – так его и не оценили. И продолжают донимать пустыми разговорами о неких «демократических ценностях», за которыми, как полагает наш президент, скрываются конкретные хищные интересы – более ничего.

Вожди G8 осознали, что Путина надо не унижать, а любить и хвалить, во всякой ситуации давая российскому президенту возможность сохранить лицо. И тогда он сам сделает все, что нужно Западу.

Предложение о размещении элементов американской ПРО на Габалинской РЛС в Азербайджане многие посчитали «внезапной инициативой Путина» и «дипломатической победой Кремля». Так ли это?

Анализ самых что ни на есть открытых источников показывает, что:

– автором «габалинской инициативы» был вовсе не Кремль;

– сама эта идея впервые высказана примерно полтора месяца назад, и отнюдь не Путиным;

– геополитическим интересам России «габалинский проект» не отвечает.

Еще 2 мая 2007 года азербайджанское издание Day.Az опубликовало заметку «США предлагают России и Азербайджану совместно использовать Габалинскую РЛС». В заметке, в частности, сообщалось: «Как стало известно корреспонденту Day.Az из военных источников, США и Россия могут начать совместное использование Габалинской РЛС. В связи с этим представители Пентагона, Минобороны России и правительства Азербайджана могут провести трехсторонние переговоры». Далее приводятся слова неназванного представителя Пентагона: «*Мы были бы весьма признательны российской и азербайджанской стороне, если они дали бы разрешение на совместное использование Габалинской РЛС. Географическое расположение этой станции очень выгодное, и высшее американское руководство очень заинтересовано… в использовании этой станции*».

15 мая посол РФ в Азербайджане Василий Истратов на пресс-конференции в Баку заявил следующее: «*США неоднократно проявляли заинтересованность в получении информации от РЛС, которыми располагает Россия, в том числе и от Габалинской РЛС*».

А 23 мая (за 15 дней до начала хайлигендаммского саммита) советник российского посольства в Баку Ачахмат Чекунов сообщил агентству «Новости – Азербайджан», что идея использования американцами Габалинской РЛС «не новая». По словам Чекунова, а «*она была озвучена еще в ходе недавнего* (23–24 апреля. – *С.Б.*) *визита в Москву главы Пентагона Роберта Гейтса*».

Еще мы знаем про информационно-аналитический центр «Дарьял» (официальное наименование Габалинской РЛС), что он может фиксировать запуск атакующих (например, иранских) ракет, но не в состоянии осуществлять наведение противоракет. Потому «Дарьял» может быть лишь дополнением к американским ПРО в Чехии и Польше (а также, возможно, в Грузии), но никак не альтернативой им. Уже ясно, что предотвратить размещение американских противоракет в странах Восточной Европы никак не получится, независимо от перспектив Габалы.

Есть все основания полагать, что «габалинская инициатива», которую президент Буш-мл. уже назвал «вполне резонной», фактически легализует американское военное присутствие в Закавказье и ускорит процесс вступления Азербайджана и Грузии в НАТО. Причем Россия, якобы придумавшая разместить американские ПРО на месте центра «Дарьял», в таком случае уже не будет иметь морального права возражать.

Итак, становится очевидным, что **Владимир Путин просто озвучил инициативу Вашингтона. А Белый Дом даровал Путину право предстать автором идеи и даже политическим триумфатором**. Каждый – добился своего. Изящная комбинация, не правда ли?

Этот успех США стал возможен благодаря тому, что Путина наконец-то начали правильно понимать.

Президент на гарантии

1 июля Владимир Путин, воодушевленный и победительный, прибывает на семейное ранчо в Кеннебанкпорте (штат Мэн), чтобы поговорить по душам с «самым главным» мировым лидером Джорджем Бушем-мл. Не исключено, что будут обсуждаться гарантии безопасности Путина после его ухода от власти. И Буш-младший, конечно, поступит мудро, если, признав немалые заслуги гостя в деле обеспечения глобальной стабильности и борьбе с тоталитаризмом, соответствующие гарантии пообещает.

Но Америка поступила бы еще мудрее, если бы донесла до Владимира Путина следующее сообщение: **России, чтобы она в скором будущем не развалилась, нужен сильный лидер**. С государственным, а не коммерческим мышлением. Известный не только в кругу путинских приближенных. Понимающий масштабы угроз для России и способный брать на себя ответственность. Только такой лидер обеспечит безопасность и Путина, и России, и – в какой-то степени – всего мира.

Америка по-прежнему не больно-то любит Россию. И, конечно же, не желает реального (а не чисто пропагандистского, как при Путине) российского усиления. Но в то же время США точно не заинтересованы, чтобы Россия исчезла с политической карты мира.

А правильно обращаться с Путиным американцы, как мы видим, все-таки научились.

Здесь был ХУ

У президента России Владимира Путина выдался двойной праздник: годовщина Великой октябрьской социалистической революции (по старому стилю) и ареста Михаила Ходорковского (по новому стилю). Потому глава российского государства просто-таки лучился державной бодростью и, как это иногда бывает, угостил своих подданных пригоршней свежих сенсаций.

Прежде всего, президент четко дал понять, что не управляет страной по имени Россия и тем паче не отвечает за положение дел на этой отдаленной от него территории.

В частности, господин Путин признал, что ни в разгар конфликта в Кондопоге, ни впоследствии он так и не смог дозвониться до главы Карелии Сергея Катанандова, который «то в самолете, то занят, то вообще в отпуске». Раньше, как мы помним, не отвечать на президентские звонки позволял себе разве что могущественный генеральный прокурор Владимир Устинов. Сейчас, по-видимому, эта роскошь доступна уже любому региональному начальнику. Что еще раз доказывает, что отмена выборов губернаторов и переход к их фактическому назначению Кремлем повысили уровень демократии в России – о чем Путин, конечно, тоже не преминул напомнить немного смущенному и взъерошенному президентской откровенностью электорату.

Впрочем, президент не заставил себя долго ждать с объяснением, почему никому нельзя дозвониться. Дело в том, что у него много мобильных телефонов, но ни один не работает. Возможно, администрация президента просто систематически забывает их оплатить. Но так или иначе связь с главой государства серьезно нарушена, а в такой ситуации контролировать большую часть бывшего СССР не так-то просто.

Еще президент признался, что новый архиважный аэропорт в Иркутске не строится, потому что правительство до сих пор не приняло такого решения – а напоминать Михаилу Фрадкову Владимир Путин боится (праздному главе исполнительной власти, скорее всего, неудобно беспокоить слишком занятых чиновников). С дачной амнистией тоже ничего не выходит, а почему – неизвестно. Ставки земельного налога, оказывается, слишком высоки – а что делать? Ипотечные кредиты неподъемны для большей части населения – а что же вы хотели, когда кругом такая инфляция?

В общем, вертикаль власти укрепилась настолько, что стала совсем непригодной для какого бы то ни было улучшения дел во вверенной путинскому попечению стране. И, быть может, говоря о молчащих мобильниках, Путин имел в виду нечто совсем другое, слышимое между слов и читаемое между стенограммных строк: *много у меня, сограждане, властных рычагов, но ни один, черт возьми, не работает.* Слава Богу, действует пока еще роза ветров вокруг КНДР, потому после ядерных испытаний «все дует в океан, а не нашу территорию». В общем, есть в загадочном мироздании стойкие вещи, которые никакой вертикалью не испортишь.

Еще одно скандальное заявление Путина: в России скоро придет к власти нынешняя оппозиция. Это напрямую вытекает из обещания, что Россия таки не будет сырьевым придатком Запада, поскольку через 10 лет мы полностью диверсифицируем нашу экономику, которая станет «современной, развивающейся на новейших технологиях». Поскольку власть сегодняшняя недвусмысленно сделала ставку на концепцию России как сырьевой провинции развитых стран (она же «энергетическая империя»), обещание действующего президента будет выполнено только в случае радикальной смены правящей элиты и прихода во власть совсем новой, другой команды. Эту великую перемену Путин вчера, по всей видимости, и анонсировал, что свидетельствует о немалой и при том вполне оптимистической дальновидности хозяина Кремля.

Нисколько не изменил президенту РФ и его фирменный подполковничий юмор. Например, г-н Путин ясно указал, что основной движущей силой строительства Северо-Европейского газопровода станет российский Военно-морской флот. В общем, если кто из балтийских стран с маршрутом подводного газопровода не согласен, то… Пару недель назад в Германии наш президент обещал, правда, что отныне русские будут приходить в Европу не с пушками и не с танками, а всего лишь с большими деньгами непонятного происхождения. Но концепция могла с тех пор немного измениться, ничего с таким остроумным лидером не поделаешь.

Но однажды в ходе нетрудного разговора с народом Владимир Путин решил все же отвлечься от сенсационных признаний в своем грустном монаршем бессилии и сказал прямо и честно: хоть и нравится ему его работа, на которой никакому завалящему чиновнику вовек не дозвонишься, а все-таки придется в 2008 году уходить. Но – «даже утратив властные полномочия, мне удастся сохранить… ваше доверие». Так говорил президент. А доверие нужно как раз для того, чтобы «оказывать влияние на то, что происходит в России».

Ой ли? В окружении Путина нарастает мутная уверенность в том, что шеф после весны 2008-го станет, по-видимому, крутым международным чиновником типа президента Международного олимпийского комитета (МОК). А политиком в этой зачуханной РФ не останется ни при каких обстоятельствах. Но в то же время Путин не может позволить себе превратиться в без-пяти-минут-отставника, классическую «хромую утку» (ХУ). Президент должен культивировать в существующей российской элите грозную иллюзию, что весь он не уйдет и тленья убежит. И потому не надо торопиться раньше времени «менять портреты» (как любил говаривать Борис Ельцин) и занимать очередь в кабинет не единственно возможного преемника.

Эту легенду мистер ХУ будет поддерживать до своего самого последнего кремлевского часа. И мы, многонациональный народ промозглой Российской Федерации, неизбежно поверим ему. А что нам, собственно, остается?

Смерть последнего человека

Ты спрашиваешь, откуда идут все эти люди, мой Фауст? Они идут с похорон Последнего Человека. Да-да, того самого, которого полюбил и в свой час привел к нам японский бог по имени Ф.

Когда Человек умер? Году, кажется, в 2005-м, а может – в начале 2006-го. Он и сам еще не верит, что его больше нет. Я заглядывал прямо в гроб – там щеки с щетиной патоки и полные недоумения фаянсовые глаза.

Да-да, он в самом деле удивлен – и до крайней степени чрезвычайного! Ведь создатель по вызову – тот самый японский бог – обещал, что Последний Человек просуществует после конца истории и никогда не прекратится. Покойник, кажется, ищет загробными пальцами диск мобильного телефона, чтобы вызвать плоть своего благодетеля. Но только поздно, поздно. Кредит на телефоне давно исчерпан, а хозяина просто забыли предупредить. Не хотели его расстраивать – да и я сам, признаться, был среди тех, которые не хотели. Которые отводили зрачки от его неестественных мук.

Отчего он умер? О, представь себе – от рака желудка, мой Фауст. Всю свою последнюю совершенную жизнь он питался только в прославленных им же McDonald's и Burger King. Он знать ничего не знал о пельменях, черных кальмарах и всяких там пламенеющих фуа-гра. Еще он, кажется, пил ворованное пиво Budweiser и туалетно морщился при мысли о далекой сибирской водке. Только один раз в жизни божество Ф., прибывшее в Северную Америку простым японским туристом, повело его в ресторан Windows on the World. Ты помнишь – на 103-м этаже бывших разрушенных Близнецов? Сейчас уже – ни Близнецов, ни этажа, ни ресторана, один только Ground Zero, но тогда можно было разрезать трудный до неприличия нью-йорский стейк и взглянуть на сумерки с профилем Статуи Свободы. Они там ужинали – ты можешь это вообразить?!

А хорошо ли пожил Последний Человек, спрашиваешь ты? Он думал, что хорошо. Но мы-то видели все. И если нам присуща еще наша двойная зависть – мы не распространим ее на Последнего Человека. Мы лучше пожалеем и оплачем его.

С восьми пополуночи до пяти пополудни – он играл на курсе канадского доллара. Понимаешь, друг? Пока мы, бархатные недомерки из пряного прошлого, любили карнавальных красавиц и читали им чужие стихи, пока вкушали вина из мастерских погребов и перелистывали Платонов-Аристотелей в зеленых благоговейных рощах – он выгадывал жалкие прелести на курсе какой-то непонятной валюты. Он дышал провинциальным бензином из замороженных денег. А после пяти пополудни – загружался чизбургером с техасской горчицей и отправлялся смотреть боевик «Самолет президента». Он смотрел его 127 тысяч раз, но никак не мог успокоиться. Он уже знал заранее от японского бога, что президент США – самое совершенное из земных существ, и желал быть неизменно в этом уверенным. Он плакал в те минуты, когда планетарный Харрисон Форд отправляет русских варваров в межзвездную бездну. Ничто иное не вызывало в нем слез.

Ты, кажется, спросил, был ли женат покойный? Да, на 140-киллограммовой американке, обер-тамаде Феминистской лиги. Нет, конечно, не пришла на похороны. Она уже три года лечится от наркотического ожирения в клинике Доктора Киссинджера, в Сонной лощине, третья пещера направо. Что? Да нет, Господь с тобой!.. Она же послеконечная, а значит – самая совершенная женщина. Такие ничем подобным не интересуются.

Да Последний и не вожделел ничего похожего. Безразмерными постиндустриальными ночами он не отрывался от телевизора. Он не знал книг и не был обучен знакам – кроме канадского доллара, которым искренно торговал. Но он видел, как говорит телевизор, и верил, что понимал все.

Там были и иракские мальчики, ликующие навстречу янки-освободителю. И возмущенные славянские бабушки, которых исправит только ледяная могила. Остервенелые сербы, обездвиживающие все живое. И милосердные косовские албанцы, наделенные даром восстанавливать трупы. И Ричард Гир, трахающий в грузовом лифте Серену Вильямс. Там были люди: чистые, богатые, валютные и успешные. А изредка – другие создания: потные, пыльные, завернутые в ливерную бумагу давно оставленных дней. Там лучших живых определяли вращеньем рулетки, а худших – за счет автомата Калашникова. Там все было доходным и благонамеренным, как прямая реклама жвачной резинки Orbit.

А, ты спрашиваешь, кем работал Покойный? Он был учителем, Фауст. Он учил народы и даже целое человечество. Он приходил к ним и говорил, как они должны брать деньги у валютных фондов и находить наслаждение в гамбургере. Что он преподавал? О, историю, экономику и физкультуру одновременно. Все, кроме географии – ведь он честным образом полагал, что Североамериканские Соединенные Штаты находятся в самой сердцевине земного диска, покоющегося на трех звезднополосатых авианосцах. На все предметы у него был один учебник с большими голубыми картинками. И одной-единственной мыслью: если живешь как средний американец, двуногий кролик из штата Кентукки, то рано или поздно дознаешься Счастья.

Но ученики попались ему непослушные. Они тратили три канадских доллара в месяц и не желали слушать международных валютных рецептов. Они поклонялись своим кумирам и не верили в величие гамбургера. Они по старинке думали, что Земля имеет форму шара. А на расплющенной карте мира Америка – лишь пятно в левом верхнем углу.

Всех, кто не усваивал его трехглавых уроков, Последний записывал в Нечеловечество. В ряды существ, не имеющих права называться разумными. Постепенно он объявил нечеловеками три четвертых учеников. Он не понимал, как можно поддерживать уголовное наказание за адюльтер. Или предпочитать Достоевского Дэну Брауну – ведь первый скончался в бедности, а второму всемирная справедливость платит неподдельные миллионы. Для непокорных нечеловеков у него была длинная свинцовая линейка с ядовитыми шипами на самом конце – он называл ее Демократией. Он пытался поранить линейкой лбы и ладони нечеловеков. Но в недавние годы все чаще промахивался, и злился, и чертыхался. И не мог ответить на

самые простые вопросы. Вот спрашивают его: а на кой черт нужна эта ваша безопасность с просвечиванием ботинок и выворачиванием кишечников, если от нее в конце концов и жить-то не хочется? Стало быть, чтобы избежать смерти, надо существовать так, чтобы сразу и умереть? Последний молчал. Он не знал ответа. Он мог бы посоветоваться с японским богом, но тот почему-то предательски скрывался за территорией доступа.

Да, дорогой Фауст, в последнее время Последний Человек вообще сильно переживал. Он видел, как цунами дотла смывает весь его пятизвездный Индокитай. И тщетно силился понять, почему либерально-демократические отели с электризованными ключами и круглосуточными массажными барами разлетаются в пыль. А дикие андаманские племена, не знающие даже логотипа Google, не говоря уже о Colgate, выживают полностью, как будто найдя дорогу к Богу за пазуху. К тому самому Богу, существование которого Последний давно признал неполиткорректным. И всем ученикам своим, кстати, заповедал никогда не произносить роковое слово – разве что стыдным шепотом и повернувшись лицом к стене.

Этот проклятый Бог вообще немало досаждал Последнему в предсмертные его часы. Не просто являлся и намекал на какие-то многомиллионные жертвы. Но еще и заставлял видеть и слышать толпы, идущие с непроизносимым Божественным именем на устах. Идущие ничего плохого не делали – они просто проклинали Последнего Человека и его невыносимые горе-уроки.

Последний, оснащенный парктроником и климат-контролем, грин-писом и хот-догом, вай-фаем и хай-вэем безнадежно проиграл свою последнюю битву. Одна улыбка единственного Бога-эмигранта – и все достижения Последнего пали под екатерининским ураганом и рухнули к чернокожим ногам мародеров. Последний Человек впал в уныние, уже не чувствуя, что оно – тяжкий грех.

На предгибельных раковых уроках он еще бормотал что-то электронное про вот-вот грядущее смешение религий и рас. Но класс давно не слушал его. Ученики дрались партами и стояли на головах.

Я, кажется, знаю, Фауст, кто говорил с Последним за 48 часов до смерти. Прямо там, в палате животной реанимации мертвых трупов. То был молодой иранец с раскаленной черной бородой и визитной карточкой настоящего президента. И он сказал Последнему тогда: что значит вся твоя наука, если ты боишься простой человеческой инфлюэнцы и заворожен паутиной под крышей лабораторных чертогов своих – а я готов здесь и сейчас умереть за Веру! Ты ничему не научишь меня, о Последний Человек. И запугать меня ты тоже ничем не можешь. Твое время вышло, а конец истории – он еще далеко впереди. Сказал так и вышел из клиники, лучезарно смеясь. Через 15 минут Последний Человек, нерукотворный крестник божества Ф., отправился в кому, чтобы не никогда не возвращаться назад.

Ты видишь эту пыль, мой немолодой уже Фауст? Ее подняли те, кто идет с его похорон. Она застит Солнце и затмевает Луну. Ты слышишь их пение? Ты понимаешь, о чем они? Ты не хочешь их понимать?

Да, послушай, я чуть не забыл сказать тебе. Совсем скоро. На открытом воздухе. Начнется игра. Назовем ее «Новейшее средневековье». Играть будут везде, где помещаются человеческие осколки. Нет, вход бесплатный. Свободный вход. Выход? Выход, по правде сказать, – как получится.

Пойдем, Фауст? Ты разобрал автомат и раздал его на игрушки? Гретхен обидится? Едете ночью к родителям на блины?

Я так и думал. Я тоже стремился избежать этой игры. Я хочу снять бомбоубежище с полупансионом. С медной ванной и медленным Интернетом. Я буду следить за Новейшим средневековьем, пока хватит моих пальцев и глаз. Я буду надеяться на нашу – чьей бы она ни оказалась – победу.

«Энергетическая империя» – это совсем не то, что вы думали, уважаемые дамы и господа. Это гораздо сложнее. И гораздо проще, легче, светлее, непринужденнее.

Бывает, что цивилизация, подобно человеку, к старости впадает в детство. С человеком это случается после восьмидесяти. С цивилизацией – после тысячи двухсот. Таков уж примерно критический цивилизационный возраст. Когда все позади, а впереди… «идиллия, желание спокойствия, желание вернуться в детство, жить без хлопот»… Отправиться в мягкой коляске туда, где «правильно и невозмутимо совершается годовой круг». Так говорил Илья Ильич Обломов, любимый герой нашей поместной имперской литературы.

«Энергетическая империя» – это путешествие в подсознание Руси-ребенка, в русскую народную сказку. Это щука, чьим велением мы должны теперь жить и выживать. Это золотая рыбка, которая вернет нам столбовое дворянство, а там, глядишь, сделает и владычицей морскою – только хорошо и правильно попроси.

«Слава Богу, у меня служба такая, что не нужно бывать в должности. Только два раза в неделю пообедаю у генерала, а потом поедешь с визитами, где давно не был; ну, а там… новая актриса, то на русском, то на французском театре. Вот опера будет, я абонируюсь».

Предвечное бремя упорного труда, перемалывания мерзлот и орошения пустынь, походов к солнцу и пробивания стен головой, лишних европейских знаний и азиатских безмерных чувств – сброшено. «Используй то, что под рукою, и не ищи себе другое». От папеньки с маменькой остались нам нефть и газ – так чего же еще вожделеть? Вот прежде вожделели-вожделели – а старости, лысой и слепой, трясущейся и беззубой, так и не избежали.

Теперь – снова детство.

Хорошая Империя

И тем отчаянно мила эта объявленная «энергократия» (слово-то какое, прости Господи!), что все плохое она моментально превращает в хорошее. Совершенно волшебным образом. Безо всяких к тому человеческих и прочих грязных усилий.

Вот, например, мы с вами жаловались на депопуляцию? Кажется, на 700 000 русских человек в год убывает, а то и целый миллион?

Так и прекрасно, – отвечает нам Барыня Энергократия. Для того, чтобы добывать сырую нефть с самым что ни на есть природным газом и продавать, понимаешь, на экспорт – нужно 60 миллионов человек максимум. Так что у нас 85 миллионов лишних, без малого. Не ровен час, пришлось их мировой войной морить или каким-нибудь сыпучим гулагом вытравливать. А так – сами, как навозные мухи, выздоравливают. Это ж огромное счастье – депопуляция.

Вы говорите – русско-советская армия разложилась, вроде как совсем уже не действует и не существует?! Так в добрый час! **Зачем энергетической Империи армия?** Сами мы себя защитить все равно не смогли бы: угрозы давно уж не те, мир целиком изменился. А потребители нашего нефтегаза – защитят и оборонят. Ибо слишком нужна им наша непогибшая целостность в размеренном биении сердечных скважин.

Наука гибнет?! Тоже мне проблема! Кому от этой вашей науки когда-нибудь сладко сделалось? Знания умножают печаль, как говорил, кажется, непреложный основатель Standard Oil академик Д. Д. Рокфеллер. Если и нужны в нефтегазовом комплексе кое-какие научные достижения, то их очень легко получить у иностранцев за дополнительный бидон газа. В лучшем случае – за крынку рыжей морозной нефти.

Образование разваливается? **А какое образование вам для энергетической империи, простите, потребно?** 50 000 менеджеров от силы. Их евроамериканские лицеи всегда с лихвой подготовят. А всяческое быдло достоевской астрофизике обучать – на кой ляд?

«Политическая экономия, например, алгебра, геометрия, – что я стану делать с ними в Обломовке?»

Когда люди, ничем серьезным заняться не могущие, начинают слишком много книжек читать – тут-то революции и вызревают.

Модернизация? Отлично. Кому наши нефть с газом нужны – вот пусть те и модернизируют. Нам-то чего с дивана вставать? Мы в прошлой взрослой жизни каторжной киркою так намахались, что до сих пор силиконовый позвоночник не разгибается. Чтобы управлять Обломовкой, нужен Штольц – природа по-иному не позволяет. Раньше был свой Штольц, русскомыслящий, теперь импортного завезем, и ради такого случая даже ввозные пошлины все да и поотменяем.

Китайское нашествие? А что вы, собственно, милостивые государи, в том опасного видите?! Китайцы нам очень даже нужны – отличная дешевая рабсила. Мало пьют, мало требуют. Нелегалы – еще лучше. Такой утонет в нефтяном болоте – а спроса-то и никакого. Желтой мордой больше – желтой мордой меньше. А что Китай Сибирь и Дальний Восток захватит? Полноте, не утомляйте, будьте ласковы, наш банкетный имперский ум. Мы ж договорились: границу нам гарантируют потребители сырья. И только они. Баста.

И вообще: совсем независимых государств сегодня в принципе не бывает. Все границы условны. Нарисовано на карте – и слава Богу. Верьте, что так оно и есть, и славьте энергетическую географию. Да вам, вам-то, Арнольд Исидорович, что? Вы, простите, прямо в Биробиджане жить собираетесь? А дети ваши практику в тундре проходить будут? Нет? Так и молчите. Мы теперь знаем, куда уходит детство, и не мешайте нашему созерцательному блаженству.

Поблаженствуйте лучше вместе с нами. Если сможете.

Уголок кочегара

Если кто-то думает, что «энергетическая империя» – надолго, он (этот кто-то) серьезно и политически заблуждается.

Ни ураганно-сиятельная Америка, ни священно-каменная Европа не хотят и не собираются зависеть от сонного сибирского Емели-поставщика. Они уже ищут новые нефтегазовые источники и находят их. Есть у них и Ливия, и Алжир, и еще кое-что в запасе. И атомная энергетика уже не кажется такой ядерной и опасной. И новые виды энергии в странах с неуничтоженной фундаментальной наукой скоро появятся, будьте уверены.

Так что в кабалу попадает наша немолодая Россия. Мы перестроим ее под кочегарку. Забудем все, чему нас за 1200 лет научили предки. Откажемся от лишних знаний и устремлений. И всего через сотню месяцев – выясним, что Всемогущий Потребитель в наших топочных услугах больше не нуждается. А мы, умеющие только кочегарить, другой работы уже не найдем.

Хотя – если история предписала нам лекарство смерти – не все ли уже равно?!

Интересные вещи происходят в последнее время с нашей Россией. Прошли времена, когда нас просто не любили и делали вид, что боятся. С 2005 года нас демонстративно не уважают. Так теперь принято.

Украина прямо и официально заявляет, что никогда не была учредителем «несерьезной структуры» СНГ – поскольку не подписывала Устав Содружества. (Это, конечно, прямое издевательство: еще не написаны канонические учебники постсоветской истории, но пока что все помнят, что первый президент Украины Леонид Кравчук был одним из главных застрельщиков СНГ.) Грузия публично требует срочно вывести российские военные базы, причем на условиях, интересных исключительно Тбилиси. (Отдельно указывается, что вывод баз – акт помощи безмозглой забитой России, которая без поддержки Грузии никогда не поймет своего счастья и не придет к подлинной демократии, уже расцветающей в медовых долинах Кавказа.) Литва, вопреки всем договоренностям 2002 года, начинает менять условия калининградского транзита. Она уже требует от граждан России, едущих в Калининград железной дорогой, обязательной и весьма недешевой медицинской страховки. Молдавия устами ее президента Владимира Воронина без обиняков говорит, что России пора убираться из региона, а никаких российских санкций против Кишинева не будет – потому что не будет никогда. Мол, знаем мы этот весь московский треп.

История с приглашением лидеров балтийских стран на празднование 60-летия Победы вообще превратилась в дурной анекдот. Президент Латвии Вайре Вике-Фрейберга сначала изощренно издевалась над русскими туземцами, дикими нечистоплотными полулюдьми, разрезающими собственное гнилое прошлое на засаленной газетке, а потом милостиво согласилась почтить своим присутствием переполненную возбуждением праздничную Москву. Президенты Эстонии и Литвы демонстративно никуда не едут, словно забыв о том, что отмечаются отнюдь не именины путинского лабрадора, а юбилей окончания Великой войны – итоги и смысл которой вельможные Америка и Европа, кажется, под сомнение до сих пор не ставили.

Хотя **пересмотр итогов войны – в части оценки роли СССР как державы-победительницы – уже не за горами.** Оно и понятно. У Советского Союза как члена коалиции победителей не осталось правопреемника. Сегодняшней России преподан единственно возможный суровый урок: тот, кто не хочет защищать свою историю, неизбежно потеряет ее.

Но – на сей раз дело вовсе не в содержании поступков. В конце концов, и в грузинских демаршах, и в украинской забывчивости, и в балтийской фанаберии – не менее 90 % заведомого блефа. Дело – в форме. **Ни с какой уважаемой страной, наипаче членом Совета безопасности ООН в нашу эпоху вязкой политкорректности так развязно и хамски общаться не принято.** И если постсоветские лидеры решили, что пришло время откровенно вытирать о Россию ноги, то это «жжж», как говаривал известный политтехнолог нечеловеческого происхождения, неспроста. Раз шакалы позволяют себе громко и отчетливо огрызаться на льва, значит, **лев при смерти**. Причем за последний сезон изменилась не столько ситуация в бывшем СССР, сколько понимание этой ситуации субъектами межеумочного постсоветского мира.

Во-первых, всем вдруг стало очевидно, что политика Москвы в бывшем СССР вопиюще неэффективна – и другой быть при нынешней власти не может. Провалы Кремля в Абхазии, на Украине и в Молдове, а потом и скорбное бесчувствие на фоне событий в Киргизии показали, что политико-интеллектуальный ресурс нынешней российской власти практически полностью исчерпан. Ничего, кроме набора примитивных политтехнологических ходов и традиционного по водочно-селедочному составу десанта убогих прокремлевских маргиналов, Москва, былой светоч прогрессивной части пытливого человечества, постсоветскому миру предложить не может.

Зачем же бояться такую Москву? В такой ситуации надо унижать ее как можно больнее, чтобы обменять прекращение издевательств на какие-нибудь реальные и внятные уступки. Например: мы перестаем хамить, а вы срочно выводите базы. Или: соглашаетесь с любыми условиями для Калининграда. Стоит заметить, что склонность Владимира Путина выдавать объятия и лобзанья с зарубежными начальниками за реальное достижение (а чего еще можно ожидать от закомплексованного провинциала, посаженного на престол владельцем футбольного клуба «Челси»? – он и автограф Шредера на ресторанном меню преподнес бы своей стране как внешнеполитический прорыв) здесь тоже используется в полной мере. Например: когда путинская Россия в экстренном режиме выведет войска из Грузии, бросая по дороге все осмысленные остатки былой военно-политической роскоши, Кремль тут же объявит о своем дипломатическом успехе: как же, ведь удалось помириться с Грузией, а могли совсем, совсем разругаться!

Во-вторых, постсоветские элиты теперь видят ясно и объемно, что Кремль по сути вообще не оперирует и не мыслит политическими, тем более – геополитическими категориями. Политика представляется нынешнему руководству России исключительно системой частных экономических договоренностей «по понятиям», вуалируемых бесконечными «технологиями» и риторикой, которая, как правило, вообще не связанна с реальным содержанием происходящего. В этой системе такие понятия, как «нация», «стратегия», «плацдарм», «союзники», «соотечественники» лишены смысла и используются лишь как слова-паразиты, прикрывающие отсутствие политического содержания в типовом кремлевском высказывании.

Всем известно, например, что Россия не принимала никаких реальных мер, чтобы принудить Латвию хоть в малой степени соблюдать права русского населения этой страны. Почему? А потому что любые экономические санкции были невыгодны придворным «Газпрому» и «Северстали», имеющим в ухоженной балтийской стране свои интересы, и нескольким тысячам высокопоставленных россиян, хранящих деньги на негромких счетах в уютных латвийских банках. И когда вставал вопрос, не пришло ли время сделать что-нибудь реальное для 700 тысяч брошенных в чужом пространстве соотечественников, кремлевское начальство неизменно рассуждало так: наши деньги – это понятно что, а пыльное быдло, рассыпанное в дебрях сырой Латгалии – оно нам, по сути, зачем?

Дальше. Россия никак не влияла на президентские и парламентские выборы в Литве (хотя успех пророссийских сил мог бы стать ключевым фактором урегулирования проблемы Калининграда), потому что околокремлевские корпорации на момент выборов не успели обзавестись в этой стране «чисто конкретными» бизнес-интересами. И прав свежепереизбранный молдавским парламентом Владимир Воронин, многажды прав: не введет Россия против санкции против Молдавии. Потому что это невыгодно тому крупному бизнесу, который уже поучаствовал в молдавской приватизации и теперь собирается задать Путину и Ко традиционный вопрос: послушайте, зачем вам это недоделанное Приднестровье с трухлявой военной базой, когда мы тут живые деньги потерять можем? И неуемный Михаил Саакашвили близок к хрустальной истине, как никогда прежде. Ведь результат истерического наката на Россию почти достигнут, причем с нулевого захода: Москва уже готова выводить базы не за 11, как утверждалось еще недавно, а всего за 3–4 года, а главный вопрос – чтобы кто-то дал деньги на сам процесс вывода. И если раньше требовали $500 млн., то теперь согласны и на $200–300 млн. А значит, в конце концов базы России придется выводить за каких-нибудь 2 года и полностью за свой счет, поскольку истинная цена кремлевской банно-прачечной «политике» уже известна.

Наряду с другими заметными результатами сегодняшний Кремль, постоянно навязчиво ссылающийся на мифическое «укрепление позиций России в мире» (скоро эти слова будут восприниматься примерно так же, как тезис о неуклонном совершенствовании гражданских свобод в Туркмении и КНДР) продемонстрировал всем, что не понимает самой природы постсоветской реальности. В частности, трехуровневой модели изначального построения СНГ: Россия – еще 11 республик экс-Союза (кроме Балтии) – непризнанные государства. За минувшие 4 года Москва неоднократно давала понять странам второго уровня, что готова по сходной цене продать уровень третий и тем самым отказаться от статуса эксклюзивного модератора этно-политических конфликтов в бывшем СССР. Теперь второй уровень убежден – и небезосновательно, – что так оно в результате и получится. А Приднестровье и Абхазия уже не хотят быть с Россией – они просто хотят, чтобы Россия не мешала им выжить.

Наконец, управляющие круги стран СНГ и Балтии получили все возможности убедиться, что, несмотря на псевдопатриотические речи с обитых новорусским бархатом триумфальных трибун, российский правящий клан полностью зависим от США и Западной Европы – так как с этими субъектами связаны жизненно важные меркантильные интересы нынешних властителей РФ. И как бы принципиален ни был для России как государства тот или иной вопрос, всегда можно создать систему давления на Кремль из Вашингтона или Брюсселя, которая заставит Москву отступить. Потому что ареста своих счетов в западных банках и проблем с недвижимостью на атлантических побережьях никто из знаковых представителей нынешней российской элиты не хочет.

Развитие событий в январе – апреле 2005 года свидетельствует: самого постсоветского пространства как геополитического феномена, возникшего в последние часы 90-х годов XX века, больше нет. И нет России как неформального центра этого пространства, некоронованного председателя СНГ. Теперь евразийский хартленд со всеми его стратегическими ресурсами будет структурирован по-другому. Его плоть составят несколько горизонтальных цепочек более или менее жизнеспособных государств, ориентированных на внешние центры силы: США, Евросоюз, Китай. РФ в таком раскладе останется – и то лишь на полтора-два десятилетия, пока не будет создана альтернативная инфраструктура транзита – источником энергоносителей. И еще – временным рынком нелегального постсоветского труда.

Может ли Россия – страна, в силу самой логики своего зарождения, становления и развития вынужденная быть системообразующей силой – добиться для себя лучшей участи? Теоретически, да. Может, если возьмет на вооружение принципиально новый стратегический проект, которому мы дадим условное название – **СССР (Содружество стран – союзников России)**.

В на-Марс страну

Как возникают империи? Почему государства объединяются в союзы? Почему у одной страны возникает мотивация прислониться к другой? История дает недвусмысленный ответ на этот вопрос.

Государство способно и готово добровольно стать младшим партнером другого, если потенциальный старший партнер:

– выступает единственно правильным гарантом безопасности этого государства, в том числе – безопасности социокультурной, то есть сохранения идентичности «империализуемой» нации;

– создает для возможных союзников-сателлитов творческие, интеллектуальные и моральные образцы, которым хочется подражать;

– предоставляет элитам этого государства возможности для использования своих ресурсов, недоступные прежде – и немыслимые ни в каком другом, альтернативном «большом пространстве»;

– обеспечивает доступ к качественно новым пространствам – экономическим и культурным;

– открывает для растущих, входящих в жизнь поколений «младших партнеров» невиданные доселе возможности вертикальной социальной мобильности: тот, кто мог бы стать лишь первым в деревне, отныне может прорваться в город и даже, со временем, стать в этом громокипящем городе хозяином положения.

Так империя Александра Македонского дала толчок распространению великой эллинской культуры на огромной территории – до Египта, Сирии и Вавилонии. Так Рим спас, защитил от разлива варварства эллинистическую культуру и интегрировал греков в имперскую элиту. Так Россия защитила Украину от ополячивания и окатоличивания – в том и был смысл подвергаемый ныне множественным сомнениям Переяславской Рады, а позднее взяла под защиту от Турции и Персии Армению и Грузию, дав последним сохранить национальную, культурную и религиозную идентичность. Так Венгрия и балканские славяне спаслись от угрозы потери национальной и религиозной идентичности, исходящей от османских завоевателей, под сенью империи Габсбургов.

Франция позволила и помогла провинциалу-корсиканцу стать императором Наполеоном Первым. Только в Германии приобрел шансы на политическую карьеру провинциальный художник Гитлер, только в Советском Союзе сын сапожника мог превратиться во властелина мира, а другие дети далеких окраин – стать членами всемогущего Политбюро ЦК КПСС, академиками и Героями. Империя позволяет лучшим, талантливейшим вырваться за околицу провинциального мира, прикоснуться к неисчислимым богатствам иных измерений – и в том ее привлекательность и сила.

Причем, разумеется, решения об интеграции в те или иные союзы, качественно новые геополитические сущности всегда принимаются элитами стран – и никогда на плебисцитах. Элиты сразу видят возможности для прорыва, которые открывает Большое Государство, тем качественно и отличающееся от Малого – пусть прекрасного и удобного, но неизбежно – провинциального.

Сегодня в бывшем СССР осталось без малого 5 стран, элиты которых *объективно* – то есть независимо от взаимной любви-ненависти президентов, премьеров и начальников генеральных штабов – пока еще (!) заинтересованы в реальном альянсе с Россией. Белоруссия, Армения, Казахстан, Таджикистан, Киргизия (страшно сказать, но отпадение последней от России еще толком и не начиналось, несмотря на сумбурную весеннюю революцию).

Что должна – и по-прежнему может – предложить Россия элитам этих стран?

1. Возможности для инвестиций, то есть фактически легализации капиталов на российской территории. Очевидно, что эти капиталы, сформированные за минувшие 15 лет, не могут найти достойного применения на скромных территориях собственных отечеств. А в странах G7 носителей подобных капиталов ждет, в лучшем случае, тюремно-скандальная судьба Павла Лазаренко. Так что российский рынок постсоветским инвесторам нужен как воздух.

2. Безопасность. В одиночестве, без силовой поддержки извне Белоруссия и Казахстан едва ли смогут сохранить свою государственность, Армения – обеспечить фактическую независимость Нагорного Карабаха. Таджикистан – предотвратить исламский переворот. Киргизия – избежать распада. Конечно, США как военный гарант куда сильнее немытой России, но «сильнее» в данном случае не значит «эффективнее». Задачи Америки слишком сильно расходятся с интересами национальных элит всех пяти стран, чтобы последние могли безоглядно довериться Вашингтону.

3. Рост над собой. Карьера в большой России – выход для тех, кому тесны рамки небольших национальных участков. К тому же продвигаться в культурном поле России для людей и поколений, не забывших русский язык, куда проще, чем безнадежно инородными телами пытаться пробить стену американо-европейского отчуждения. Конечно, чтобы создать единый механизм вертикальной мобильности в рамках СССР, Россия должна ввести институт двойного гражданства с каждой из союзных стран. Со временем талантливые армяне и казахи, киргизы и белорусы смогут править Россией. А это, товарищи, – жизненный стимул.

4. Защиту от глобализации. Глобализация, которая есть во многом американизация, не оставляет странам и народам шанса сохранить свою идентичность, уникальную социокультурную среду. Проблема многих стран и культур сегодня – как использовать

технологические структуры, порожденные глобализацией, и не утратить собственную национальную уникальность, равно как и волю к принятию своих, отдельных политических решений, к самостоятельному формированию своего будущего. Найти баланс непросто, но межгосударственный союз открывает для этого возможности.

Если в конце прошлого века Американская Империя воспринималась как защитник и освободитель Восточной Европы от гегемонии СССР и советского тоталитаризма, то сегодня, напротив, многие нации нуждаются в защите от превращения в размазанных и обезличенных официантов и посудомоек на глобальном американском балу удачи. В региональном масштабе Россия как носитель сильной, все еще не утраченной культуры и не уничтоженной традиции государственности может играть роль неформального лидера коалиции тех, кто понимает свободу, прежде всего, как право быть самим собой.

Поэтому и только поэтому может быть создан новый СССР – удаленная от вашингтонского Старшего Брата территория самоценности и потому – свободы.

Условия Содружества

Хотим сразу оговориться, что есть два необходимых условия воплощения какого бы то ни было геополитического проекта, исходящего от России. Тем более – такого сложного, как СССР.

Условие первое. Смена российской правящей корпорации. Власть по состоянию на 1 апреля 2005 года полностью маргинализирована как политически, так и интеллектуально. Из Кремля уже давно не исходит ни одной жизнеспособной идеи. Люди, принимающие основополагающие решения в современной России, расписались в том, что не живут национальными ценностями, что долгосрочная судьба российской государственности их, по большому счету, не интересует. И любая нация на это готова сказать России: если вы сами себе не нужны, то какого черта вы нам предлагаете быть с вами? Если ваша собственная страна вам не дорога, то чего ж вы запускаете грязные руки в наши независимые страны, которые нам-то очень даже дороги? Здесь и лежит ключ к пониманию стремительного растущего отчуждения между Россией и теми, кто еще недавно надеялся на нее или, по крайней мере, уважал ее.

Разумеется, то, о чем нельзя говорить вслух, надо произнести. Смена правящей корпорации, бесспорно, означает уход Владимира Путина от власти. Потому что он – подлинное средоточие псевдоценностей этой корпорации. И никаких образцов, привлекательных для постсоветских стран, Путин и Ко создать по определению не могут. Государство, в котором идеальные политики – Грызлов со Слиской, а идеальный интеллектуал – псевдополитолог со скошенными к носу от постоянного вранья глазами, не может быть привлекательным ни как старший исторический партнер, ни как партнер вообще. И в постсоветском хамстве, обрушившемся сегодня на Россию, кроется дикое карнавальное осознание нашими бывшими друзьями-попутчиками той колоссальной деградации, каковая постигла российский правящий класс. Никакие госканалы российского телевидения, никакая чахлая путинская цензура не способны скрыть мерзопакостную слюнявую нищету, вырождение сегодняшнего Кремля.

Условие второе. Роспуск Содружества Независимых Государств по инициативе России. Только такой шаг позволит Москве вернуть себе политическую инициативу и моральное правое что-либо предлагать потенциальным странам-партнерам.

Успех проекта СССР зависит, по большому счету, не от того, кто придет к власти в последних странах бывшего СНГ. А в первую голову от власти, которая займет Кремль после феерически бездарного и бессмысленного Путина. А значит – все опять зависит от нас. Попробуем все ж таки что-нибудь сделать.

Кремль вкупе с независимой Общественной палатой уже проанализировали недавнюю трагедию в Челябинском танковом училище и поняли, почему министр обороны РФ Сергей Иванов ни в чем не виноват, а призывы к его отставке – несерьезны и конъюнктурны.

Во-первых, никакой трагедии вообще не произошло. Андрей Сычев лишился обеих ног и половых органов в результате рядового, как он сам, случая дедовщины, усугубленного добровольным нежеланием Сычева служить в армии. Министр же национальной обороны занимается великими делами – оттого и оказался в нужное время в нужном месте, то есть «высоко в горах» – и не обязан реагировать на каждый навозный чих.

Во-вторых, Сергей Иванов – лучший, талантливейший министр обороны всех русских времен, и даже миллион солдатских конечностей не стоят одного волоса с министерской стратегической головы.

В-третьих, скандал вокруг челябинской микродрамы организован и раздут коварными аппаратными врагами министра Иванова, которые давно искали повод побольнее укусить «лучшего и талантливейшего».

С последним утверждением можно почти согласиться. Действительно, Главная военная прокуратура существенно активизировалась в деле разоблачения истинных масштабов и форм дедовщины сразу после того, как Сергей Иванов стал вице-премьером и попытался глубоко залезть в финансовые потоки оборонно-промышленного комплекса. А значительную часть этих потоков контролирует помощник президента РФ Игорь Сечин, который: а) в силу своего природного консерватизма не хочет этим контролем ни с кем делиться; б) имеет необъяснимое магическое влияние на Генпрокуратуру вообще и Главную военную прокуратуру в частности.

Но попробуем все же забыть про сечино-прокурорский заговор и упростим вопрос: должен ли министр Иванов, несмотря ни какие подводные течения подать в отставку? Да, должен. Причем незамедлительно.

Второстепенная причина отставки такова: если в некоем ведомстве случилось нечто, чему ужаснулся – без преувеличения – весь мир, то начальник ведомства обязан уйти. Независимо от степени его личного и непосредственного участия в непотребных деяниях.

Главная же причина, за право обсудить которую мы должны сказать спасибо Челябинскому танковому училищу и лично несчастному рядовому Сычеву: Сергей Иванов катастрофически не справляется с обязанностями министра обороны РФ.

Модернизация армии и тем паче военная реформа, слухами о которых Минобороны наполняет информационное пространство много лет напролет, – не более чем наглый блеф.

На сегодняшний день из 20 000 танков, стоящих на вооружении российской армии, 9000 вообще полностью вышли из строя, а еще 4500 – нуждаются в ремонте и в боевых действиях участвовать не могут. Из 1800 самолетов не могут подняться в воздух без капремонта – 1200. Более половины этих машин уже нет смысла и ремонтировать, так как они простояли без дела 10 лет и почти полностью разукомплектованы.

Широко разрекламированное «радикальное увеличение военного бюджета» тоже очень напоминает гигантский блеф с ярко выраженными элементами казнокрадства. Денежное довольствие военнослужащих как было, так и остается нищенским. Среднестатистический полковник получает сегодня менее 11 00 руб. (примерно $380) в месяц – вдвое меньше, чем, например, охранник, украшающий собой парадный подъезд «Газпрома». С перевооружением армии тоже как-то не складывается. С 2001 года Вооруженные силы РФ получили 15 новых танков, 40 бронетранспортеров, 2 (два) истребителя Су-27 (все они, заметим, выпущены в советское время, а в постсоветской России лишь несколько модернизированы), целых 3 стратегических бомбардировщика Ту-160 и 4 вертолета. Для сравнения: Индия, военный бюджет которой сопоставим с российским, закупила за это же время 124 танка, 8 вертолетов Ка-31, 22 истребителя МиГ-29 и даже тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Горшков».

Что же касается престижа воинской службы и морального климата в войсках, то здесь, пожалуй, и без цифр все ясно. Но и некоторые цифры не помешают. За время работы «лучшего, талантливейшего» из армии уволилось свыше 250 000 офицеров, из них около 170 000 – досрочно. Как правило, офицер остается в войсках до получения долгожданной квартиры, а там – лучше уж быть рядовым охранником, который, как мы уже выяснили, живет куда лучше. За 3 последних года осуждены за уголовные преступления свыше 350 офицеров – годовой выпуск общевойскового училища. Даже по официальным (а значит, почти всегда заниженным) данным, в 2004 году покончили с собой 246 военнослужащих. По данным исследования социологического центра «РОМИР-мониторинг» (2005 год), свыше 70 % российских студентов готовы «отдать все», чтобы не служить в армии.

Ссылки на наследие проклятого ельцинского прошлого уже неуместны. Путин находится у власти 6 лет, Иванов во главе Минобороны – 5. И как раз на эти годы пришелся нефтяной бум, который принес стабфондам и прочим резервуарам национальной экономики сотни миллиардов долларов. И властная вертикаль укрепилась настолько, что, казалось бы, любые модернизационно-реформаторские решения стало проводить очень просто.

Только в одном Сергей Иванов, пожалуй, преуспел: он убрал-таки из армии харизматичных амбициозных генералов Казанцева, Шаманова и Трошева, которые ничтоже сумняшеся полагали, что именно они в 1999 году привели Владимира Путина к власти.

Даже если отринуть классические соображения политики и морали, министр Иванов должен положить на президентский стол роковой рапорт потому, что он злостно и систематически не исполняет Положение № 1082 о министерстве обороны РФ,

утвержденное указом Путина от 16.08.2004. В частности, «талантливейший» де-факто не обеспечивает мобилизационную готовность Вооруженных сил, не занимается вопросами социальной защиты военнослужащих, не организует правовое и морально-психологическое обеспечение Вооруженных сил – а всех этих безмерных усилий великодержавное Положение от него прямо требует.

Отставка?

Другой вопрос

Разумеется, всякий человек, хоть немного знакомый с реалиями российской политики, знает: Сергей Иванов не уйдет в отставку. Во всяком случае, пока труба Верховного Главнокомандующего не протрубит ему триумфальный окончательный отбой.

Потому что в административной системе путинской России результаты работы, управленческая эффективность и т. п. вообще не есть критерии оценки деятельности чиновника. Руководитель современного образца приходит на высокий пост не для того, чтобы служить Родине (народу, государству) или решать какие-то конкретные отраслевые задачи (стратегические или тактические). Он приходит во имя кормления – создания многоуровневой системы распределения теневых доходов, возникающих в процессе работы министерства (ведомства, госкорпорации). И единственное требование к начальнику путино-ивановского типа: четкое и максимально конфиденциальное обеспечение раздела (на профессиональном сленге – «распила») специфических благ между самим чиновником и сопредельными участниками «вертикали власти».

В этом смысле все путинские топ-чиновники заняты одним и тем же, только в разных кабинетах. И потому – абсолютно взаимозаменяемы. Например, никто не был бы поражен, увидев Алексея Кудрина в кресле главы ФСБ, Игоря Сечина – на посту министра здравоохранения (и социального развития), а того же многострадального Сергея Иванова – в неестественной позиции предправления РАО «ЕЭС России». «Распил» – он везде «распил».

Для оправдания же любых результатов работы такого начальника существует фундаментальная доктрина «меньшего зла». Эта доктрина окончательно сформировалась в России в 2005 году и уже нашла изрядную поддержку среди интеллектуалов, еще недавно сокрушавшихся по поводу стратегической несостоятельности правящего режима.

Доктрина проста, как все великое. Если команда Путина уйдет от власти, на смену ей придут хищные тоталитарные ксенофобы, враждебные всему живому. Они немедленно устроят на русской земле ГУЛАГ и Освенцим одновременно. Более того, эти изверги могут заняться какими-нибудь большими модернизационными программами, а такие вещи на российской почве никогда ничем хорошим не заканчивались. Ибо мобилизовать на что-то русского человека можно только с помощью плетки и вертухая.

Согласно доктрине меньшего зла, путинская власть в принципе не отвечает за плоды своих трудов и не обязана ни перед кем отчитываться. Поскольку она выполняет единственную и главную историческую миссию – занимает теплое правящее место, на которое в противном случае покусилось бы безобразное Большое Зло. Олицетворяемое полковником Квачковым и безумцем Копцевым, устроившим резню в Московской синагоге.

И Сергей Иванов – лучший министр по определению, чтобы бы там в армии ни творилось. Ибо уйдет Иванов – и тогда неизбежно придет на его место неукротимый палач и вешатель, генерал-капитан Сидоров, который 100 млн. человек забреет в солдаты, снесет ювелирные бутики в Барвихе и на их месте построит вонючие безжалостные казармы.

Потому сегодняшняя власть имеет право на любые ошибки, на какие угодно моральные и юридические преступления. А мы все равно должны говорить «спасибо» за то, что нами правит это ну Очень Маленькое Зло (ОМЗ).

Ротация зла

Эта доктрина, не лишенная некоторой софистической изысканности, не учитывает главного. Именно режим «меньшего зла» и создает все предпосылки для прихода к власти зла большего. Большое зло в истории – закономерный преемник маленького.

Потому что когда власть и – шире – правящая элита ни за что не отвечают ни перед людьми, ни перед Богом, а моральные конструкции общества сгнивают дотла, вероятность пришествия свирепого народного смирителя возрастает на порядки. Очень Маленькое Зло, быть может, наделено неким шармом бурного роскошного разложения, но оно совершенно точно никогда не бывает центром мобилизации и сплочения нации. Можно согласиться с тем, что распутинщина в каком-то смысле гораздо лучше большевистского террора. Но большевики приходят именно на плацдарм, тщательно подготовленный именно распутинщиной. И невозможно представить себе, чтобы кто-то сплотился вокруг Распутина в борьбе с какими бы то ни было угрозами, внутренними и внешними, настоящими и будущими. Колдовские чары Большого Зла как раз и проявляются на фоне тотального цинизма и безнадежности, исходящих от Зла Очень Маленького. И скрытый пока от публичного взора генерал-капитан Сидоров должен быть премного доволен потугами гражданского министра Иванова, всеми его рекламными успехами и высокогорными нравственными откровениями.

Свежайший пример – победа ХАМАСа в Палестинской автономии. Да, доселе палестинцами управляло классическое меньшее зло. Оно не занималось строительством государства и разворовывало иностранную помощь. А на все скромные вопросы отвечало: ну если же не мы, тогда ведь экстремисты придут! И напомаженный цивилизованный мир стыдливо опускал очи долу: действительно, черт побери, лучше ворюги, чем кровопийцы!

И экстремисты, конечно, пришли. На выборах. А если б не было выборов – все равно бы взяли власть. Силой оружия. Через год-другой, не позже. Потому что если от власти кисло-сладко пахнет позапрошлогодним арбузом, спасения нет.

У России тоже есть два варианта. Первый: приход новой, ответственной элиты с реальной модернизационной программой. Второй: вялотекущая путиноивановщина с Большим Злом в неизбежном скором финале.

Что выберем?

Как? Вы еще не знаете, кто убил Александра Литвиненко (и Анну Политковскую)? Тогда мы идем к вам.

Фриц Эрмарт, экс-глава совета по разведке ЦРУ США: «*…таким образом группа Игоря Сечина дает жесткие сигналы Путину о том, что Россию не надо выводить из тьмы»*.

Генри Киссинджер, вице-премьер всемирного жидомасонского правительства: «*…мне представляется очень возможным, что Литвиненко был убит своими бывшими товарищами по КГБ»*.

Эберхард Шнайдер, профессор, член правления центра «ЕС – Россия», для австрийской газеты Der Standard: «*...убийства Литвиненко и журналистки Анны Политковской рассматриваются через призму назначенных на 2008 год президентских выборов… возглавляемая заместителем главы администрации Игорем Сечиным группа, состоящая из сотрудников спецслужб, непременно захочет оставить Путина у власти и после 2008 года… с помощью убийств и даже террористических актов российское общество будет приведено в состояние такой неуверенности, что требование «жесткой руки» в российской политике зазвучит все громче и громче»*.

Алексей Венедиктов, один из самых информированных людей России, для New York Times: «*…отряд убийц, не подчиняющийся в своих действиях правительству, убил Литвиненко, чтобы запугать политическую элиту и заставить Путина остаться на третий срок, хочет он того или нет… те, кто стоит за убийством, хотят в будущем возложить ответственность на Путина, чтобы тот не оставил свой пост, опасаясь уголовного преследования»*.

Леонид Гозман, ходячий талисман правых сил: «*...мы знаем, к чему привели все три происшествия (*третье происшествие – это лжеотравление гипертонического Е. Т. Гайдара радиоактивным пятизвездочным завтраком. – *С.Б.*)*… Это выгодно людям, которые хотят изоляции России от внешнего мира, от Запада. Тем, кто хочет вернуться к холодной войне и локальным горячим войнам и в условиях этой изоляции творить безобразия. Часть этих людей живут в нашей стране»*.

А вот, кстати, что пишет федеральный орган ЦК суверенно-тератологической демократии (журнал «Эксперт») в забойной статье последнего номера:

«…радикально антироссийское крыло на Западе (в первую очередь в Америке) заинтересовано в авторитарной и изолированной России. В этом же заинтересованы те силы в России, которые у нас принято называть силовиками. Путинская Россия их вполне устраивает, но ее срок подходит к концу. Переход же России в послепутинскую эпоху им представляется опасным и чреватым серьезными угрозами (как для государства, так и лично для них). Выход из этой ситуации они видят в усилении госконтроля над экономикой, ослаблении влияния Запада и закреплении административных механизмов управления. Именно эти группы настроены сегодня наиболее радикально… они готовы вести большую игру, основанную на системной провокации, без особых моральных ограничений».

Вы еще сомневаетесь, что Политковскую-Литвиненко убили, а Е. Т. Гайдара довели до гипертонического криза смертельные силовики и непосредственно царь их Сечин? Что ж, почитайте уважаемую газету Corriere della Serra за 27 ноября 2006 г., где итальянским по белому написано: всех расстрелял и полонизировал ветеран спецслужб Игорь Власов, профессиональный петербургский киллер 1960 года рождения, в свободное от гибельной работы время владеющий португальским языком. Да, кстати: Игорь Иванович Сечин, как на грех, тоже 1960 года рождения и тоже очень владеет португальским. Скоро, совсем скоро из надежно проверенных сообщений СМИ мы узнаем, что Сечин и Власов в одном мозамбикско-ангольском полку служили, работают старыми друзьями и давно привыкли давать друг другу наиделикатнейшие поручения.

Остается только обнаружить в туалете прокаженного лондон-бара Itsu записную книжку доктора Сечина с пометками собственноручным почерком: «*Октябрь 7, 2006. Убить П. Ноябрь 1, 2006. Отравить Л. Декабрь 1-31, 2006: убедить Володю остаться на третий срок»*.

И – русская народная демократия уходит со сцены, не доплясав даже до антракта.

Пять сечинских вопросов

Итак, за маской милого кремлевского жителя Игоря Ивановича С. скрывается серийный политический киллер, готовый уничтожить пол-человечества, лишь бы заставить Путина не уходить.

Под обаянием этой безотказной версии одно время, признаться, пребывал и я. Но, к счастью, недолго. Усомниться меня заставили многочисленные маленькие друзья А. С. Волошина и Р. А. Абрамовича, которые сразу после деньрожденческой драмы 7 октября побежали по всем углам, чтоб донести до раскаленных ушей любопытных слушателей единственно благую весть: *убивал – Игорь Иванович! Больше – некому!* И любопытные слушатели текли дальше, распространяя заветный слух.

И тогда, вооружившись на коммунальной кухне неподдельной водочной рюмочкой и последней в нашей истории банкой латышских шпрот, я решил задать себе пять вопросов.

1. Знаком ли Игорь Сечин с Владимиром Путиным?

Да, очень хорошо знаком. Причем он знает живого реального Путина, а не приласканный телегением миф. И потому он не может не знать, что **Путин ни в коем случае не собирается идти на третий срок.** Не потому, что нынешний русский президент до безумия боится своей собственной государыни Конституции (плевать он на нее хотел, по правде говоря). А потому, что этот самый бессрочный срок означает крушение всей путинской жизненной стратегии. Которая хочет не сталинской безмерной ответственности, а много меньше – 25 лет спокойной красивой жизни в Европе сразу по завершении невероятного авантюрного водевиля «Как уездный подполковник 8 лет царя-батюшку изображал».

И потому, собственно, нет и не может быть никакой Партии третьего срока (ПТС), *о чем мне уже приходилось и прежде рассказывать.* ПТС – пропагандистский фантом для Запада, такая себе равнобедренная пугалка для самых либерально-впечатлительных, не более (хотя и никак не менее) того. И преступления, леностно инкриминируемые несуществующей ПТС, хотят совершать – другие.

2. Можно ли назвать Игоря Сечина осторожным человеком?

Да, вероятно, можно. Португальствующий путинский помощник обычно ввязывается в дела с вероятностью успеха никак не меньше 50 %. В то время как «теория Волошина» (назовем так для простоты версию «политтрупы ради третьего срока») требует от Игоря Ивановича ну просто какого-то болливудского безрассудства. Сечин, выходит, пошел на большие и весьма рискованные преступления во имя цели, вероятность достижения которой не выходит за пределы статистической погрешности (см. вопрос 1).

3. Можно ли считать Игоря Сечина законченным идиотом?

В человеческой РФ-жизни – едва ли. Но в волошинской теории только таким Игорь Иванович и должен быть.

Потому что, если теория верна, Игорь Сечин:

– не понимал, что убийства Литвиненко и Политковской принесут некоторые тяжелые неприятности ему самому, причем сразу же, не отходя от стойки суши-бара;

– специально поручил спецслужбам применить такие методы (индустриальный полоний и пр.), чтобы сразу было ясно: без КГБ-ФСБ СССР-РФ никак не обошлось.

В общем, теоретический Сечин оставил как-то много живых следов своей сопричастности преступлениям. Сечин практический, привыкший многие вопросы решать исключительно чужими руками / губами, так бы ни при каком случае не поступил.

4. Где хранятся деньги Игоря Сечина?

Вот ведь интересно: куда деваются доходы Сечина и К от прикарманенных «Юганскнефтегазов» и всякой прочей северстальщины? Вы думаете, откладываются помаленьку на счетах сечинских отпрысков в нечерноземных отделениях Сбербанка России?

Молодцы, что так не думаете. Для этих венценосных доходов есть всякие иностранные банки, в особенности же – швейцарские и, страшно сказать, лихтенштейнские. И за семь лет там уже набежало – в общем, сто миллионов тонн печенья и сто тысяч вагонов варенья можно враз закупить.

И вот, стало быть, скопив все это и отправив прямо в пасть ненавистной Европы, Игорь Иванович Сечин теперь хочет превратить РФ в осажденную крепость, плюнуть Западу в фильдеперсовое мурло, а значит, все вывезенное – махом одним потерять?! Как-то не верится, воля ваша, не сходится. Альтруист, конечно, наш свинцовый Иваныч, но не до такой же степени!

5. Насколько Игорь Сечин богат воображением?

Предположим, что за мертвыми трупами и вправду стоит наш герой-помощник. И хотел бы он насовсем испортить путинскую репутацию на Западе, чтобы да и уговорить старшего брата поцарствовать еще, до полного конца.

Свершилось. Тела предъявлены. Репутация истерзана в хлам. Тогда помощник Игорь, надев парадный мундир фабрики «Большевичка» и скрипучие заангольские ордена, открывает кирзовой стопою дверь в кабинет переизолированного патрона и говорит такие сладкие слова:

– Володь, ты че – все еще уходить собираешься? О…ел? Газеты западные читаешь? Нет? А, ну ясно – ты ж португальского-то ни хера не знаешь. Так я тебе объясню. Там на тебя уже семь ордеров выписали. В Гааге спецкамеру приготовили. Что? Нет, не та, где Милошевич. Хуже гораздо. Сортир в коридоре, хе-хе… В общем, если тебе не западло в петлю залезть, то можешь, как говорится, соблюдать Конституцию. Зорькин тебе в помощь.

– Что, никакого выхода нет? – вопрошает перепуганный Володя, собирая гербовым платочком лобный хлорофилловый пот.

– Нет, старик. То есть я хотел сказать – есть. Оставайся на третий срок. И сам срок увеличь раза в четыре. Путем поглощения менее строгого более строгим. Ну, это я пошутил, ты же мои шутки знаешь… А мы – мы прикроем, не ссы. Я, кстати, с утра велел Гайдарчика дотравить. Послал ему от твоего имени специального коньячочку. Да ладно, ты че, шуток не понимаешь?.. Вот, держи текст обращения. Уважаемые граждане России там, дорогие друзья, хуе-мое. Вы хотели, чтоб я остался, я и остаюсь. А кто не хочет – на того всегда свежий полоний найдется, у нас ведь это – атомная отрасль поднимается. Ну ладно, ладно, ты уже от страха, видать, совсем юмор понимать перестал… Давай. Камера ждет. Да нет, тьфу на тебя, не та камера совсем. Первый канал – вот какая камера.

И заперепуганный верным оруженосцем, презрев себя и все свои многотворческие планы, президент Володя покорно идет совершать международное преступление.

Вот ты, дорогой читатель, такую картину себе представляешь? Я тоже нет. А Сечин, если доверять «теории Волошина», прекрасно представляет.

Действительно ли у всех португалистов такое фантастическое воображение?

Искупительная жертва

И то правда – после открытых убийств репутация Владимира Путина на Западе действительно взорвана. Надо ее спасать. А как прикажете спасать? Выход-то где?

Общественное мнение, как известно, право всегда. А разбираться в нюансах оно, это мнение, совершенно не обязано. Уже известно, что убили русские силовики. Значит, чтобы мнение успокоилось, в его пучину надо бросить этих самых силовиков. И гладко выбритую голову председателя Сечина – отдельно, пожалуйста. Ну и, ясный перец, околосечинского премьера Фрадкова по разведывательному прозвищу «Винни-Пух» – туда же, в кипящий котел.

А потом – вывести под уздцы на подиум всего мира Самое Маленькое Зло (СМЗ), Либеральнейшее из Возможных – нового премьер-министра и преемника Дмитрия Анатольевича Медведева. Чтобы у цивилизованных народов, уже запасающих соль и спички на случай третьесрочной ядерной атаки, отлегло от сердца и других жизненно важных органов.

Получается, что у Путина в настоящем его положении почти не остается других вариантов, кроме как убрать кровавую КГБ-шную клику. Этого, вы хотите сказать, добивался именно Сечин? Нет, не он? А кто?

Страхи Владимира Путина

У президента РФ есть еще друзья. Давние, добрые. Знающие Путина хорошо. Не одним Сечиным, право слово, жив человек.

Эти друзья (7 стабилизационных лет назад и порекомендовавшие В.В. на главную водевильную роль) понимают, что Путин – создание чрезвычайно мнительное. И особо боящееся, что вдруг какие-то силовики, вооруженные сверхзвуковыми базуками и ядерными портпледами, выйдут из-под контроля и начнут размахивать оголтелыми руками на свой страх и риск. Без превентивного монаршего благословения.

Вот когда Путин заподозрил (и, в общем, небеспричинно) в чем-то таком экс-генпрокурора В. В. Устинова – то сразу же и отправил оного в юстиционное небытие. Практически за одну ночь. Благо спикер Совфеда С. М. Миронов живет неподалеку от президентской дачи и смог быстро поймать зеленоглазое такси.

Теперь же, после мерцающих смертей А.П. и А.Л. (на фоне вдвое похудевшего Е. Г.), Путину прямо предписано понимать: Сечин со чекисты совсем распоясался. Убивает, понимаешь, не спросив у руководства, всемирно подставляет нашего Главнокомандующего почем зря. Еще немного – и отравят, того гляди, Лабрадора возлюбленного. А там – уже и Вашему Превосходительству никогда не придется безмятежно пить чай, если в Кремле. Честное слово.

А ведь когда с вами что случится, то… Правильно, по матушке-Конституции и. о. президента становится круглолысый сечинский холопец Фрадков. Тут и наступает конец наших противоречивых, но все же очень до некоторой степени удачных времен. Значит, есть у сечиновиков мотив для Главного Преступления (ГП). Есть.

Потому. Пока не поздно. Надо определенных должностных лиц незамедлительно удалить. Каких лиц – совершенно, впрочем, понятно. Тех самых, которые все еще мешают кандидату СМЗ стать 100 %-ным премьером и благодатным преемником президента.

Ну а либеральной общественности место завсегда найдется. Для нее приуготовлен на праздничном утреннике отдельный прозаический номер. Выйти, чтобы сказать: мы никогда не любили Путина, особенно по эстетической части, но Совсем Маленькое Зло все же много, много лучше чего-то очень большого. И потому – поддержим это Зло. Овации растроганных родителей. Занавес. Апельсиновый сок.

Правило неучастия

Дело не в том, скоро ли уволят пустоместного Фрадкова и кто залезет с ногами в его запотевшее кресло (СМЗ Медведев, а может быть, доктор Жуков или вовсе генерал Иванов). И даже совсем не в том, когда президент решит погнать бамбуковыми палками старейшего и блаженнейшего друга своего. Игоря, блин, Иваныча.

А в том дело, что взыскующее порядочной и даже либеральной поддержки маленькое зло вновь пошло своим привычным путем. 7 лет назад оно взрывало безвестные окраинные дома. Сейчас, недавно – хорошо известных на Западе, но подзабытых Россией людей. И в том, и в другом случае маленькое зло убивает тех, кого ***ему не жалко.*** (Потому, кстати, и в настоящее отравление Гайдара автор этих строчек никогда совершенно не верил. Таких ценных пацанов в рекламных целях не травят.)

Это зло будет и дальше действовать по своей программе. Ему, по большому счету, наплевать и на уходящего старика Путина, и на остающихся бесприютных нас.

А как же мы?.. А что мы? Мы не так много и можем. Кажется, мы не способны остановить зло. Но мы все еще способны не ехать в его обозе. Главное, как говорится, не победа. Главное – неучастие.

Почти весь постсоветский народ с робким частым придыханием следит сейчас за судьбой отравленной врагами России (вариант: врагами российской власти) глыбы русского либерализма – Егора Тимуровича Гайдара.

И я тоже – не могу не следить. Ибо по собственному опыту знаю, что такое – быть Гайдаром. То есть человеком не слишком молодым, вполне лояльным к алкоголю, сверх меры упитанным, в неполном расцвете сил. Бывает, проснешься утром – и понимаешь, что точно Березовский с Сечиным тебя неизвестным ядом траванули. Мне ли не знать, что смерть русской демократии покоится на дне зеленовато-золотистой, как утреннее лицо правильного реформатора, бутылки Tullamore Dew!

Так что я всемерно сочувствую Егору Тимуровичу. Конечно, у меня, как у многих обыкновенных смертных, возникают порой отдельные нетипичные вопросы, как-то:

• Почему проф. Гайдар, ощущая себя смертельно отравленным врагами-интервентами, столь поспешно покинул шикарное (как и все на Руси) медицинское учреждение в Дублине и отправился в заведение совсем немедицинское – посольство РФ (где, как известно, провел целую ночь)? Да еще после этого 5 часов рискованно летел из Дублина в Москву, в душноватом самолете без врача и медсестры?

• Как же так ирландские врачи-убийцы, прежде известные своим внелиберальным гуманизмом, бестрепетно отпустили Егора Тимурыча умирать на стороне?

• Отчего ни один медик – ни ирландский, ни русский – до сих пор ни полсловом не обмолвился об отравлении?

• Куда стремительно исчез из Е.Т.-организма тот самый токсин, столь же неведомый, сколь и смертоносный?

• Почему, претерпев от секретных отравителей, Егор Тимурыч нисколько не обратился в правоохранительные органы – хоть ирландские, хоть русские?

• Если профессора отравили прямо в университете, где он презентовал гибель советской империи, то почему в этом ученом заведении до сих никого не допросили и ничего не обыскали?

• Выдвинута ли уже на Нобелевскую премию по формальной логике пророческая фраза Егора Гайдара: «*Быстрота восстановления организма показывает: задачей было не искалечить, а именно убить!*» *(*Из классической статьи Е.Т. в газете «Ведомости», 07.12.2006*)*?

А главное:

• Кто все-таки, черт возьми, осмелился покуситься на наше пастозное святое? В раннем постотравительном интервью «Русскому Newsweek» святое полупрозрачно намекало на «спецслужбы России», которые «по природе своей организация закрытая», а значит, «*далеко не очевидно, что их руководители выполняют лишь четко сформулированную волю российских властей*». Но чуть позже, видимо, убоявшись объектов своих намеков (Игоря Сечина и Николая Патрушева, если называть эти вещи своими именами), Егор Тимурович вроде бы решил сконцентрироваться на действительно плохом человеке – бывшем олигархе Б. Березовском, а также ядерном лаборанте последнего А. Гольдфарбе. Правда, намеки при этом стали такими тонкими, что мы, одутловатые постсоветские люди, вообще перестали их разбирать.

Но я гоню, гоню мелкого беса дурацких сомнений. 100 % – было гайдаропокушение посредством гайдароотравления. Тут один известный в 1990-е годы журналист-заказушник (а еще ранее известный также как самый бесперспективный из младших научных сотрудников Института США и Канады АН СССР), вызвавшийся быть неформальным пресс-секретарем отравления, четко пояснил нам, почему Егору Тимурычу надо безоговорочно верить. Потому что (цитирую):

«Е. Т. Гайдар – не авантюрист и не интриган, охваченный жаждой личной мести на почве оскорбленного тщеславия. Е. Т. Гайдар – макроэкономист мирового класса. И при этом – смелый до потери инстинкта самосохранения политик-реформатор. Он – человек, гражданин и ученый с давно устоявшейся высокой репутацией».

И мы, конечно, верим. Ой, верим.

Не пропьешь

Репутацию мирового класса, действительно, не пропьешь. Сколько бы возлюбленного «Тулламора Дью» не наливали в VIP-салоне самолета «Москва – Дублин».

Мы помним эту мегарепутацию еще по 1980-м годам, когда молодой (тридцать с копейками!) к. э. н. Гайдар возглавлял отделы экономики в журнале ЦК КПСС «Коммунист», а потом и в главной газете ЦК КПСС «Правда». Уже тогда, балансируя на бритвенной грани инстинкта аппаратного самосохранения, тайный суперагент либеральной трансформации отчаянно писал:

«Революции в России выявили и острые социальные конфликты, связанные с развитием здесь капитализма, и неспособность власти их урегулировать. История не оставила шанса повторить английскую модель социального развития. Идея же, что сегодня можно выбросить из памяти семьдесят лет истории, попробовать переиграть сыгранную партию (очевидно, КПСС, действительным членом которой Гайдар стал в двадцать с немногим лет. – *С.Б.*), *обеспечить общественное согласие, передав средства производства в руки нуворишей теневой экономики, наиболее разворотливых начальников и международных корпораций, лишь демонстрирует силу утопических традиций в нашей стране. Программа реформы, не предусматривающая упрочения таких ценностей, как равенство условий жизненного старта вне зависимости от имущественного положения, общественное регулирование дифференциации доходов, активное участие трудящихся в управлении производством, просто нежизнеспособна. Курс на обновление социализма, включающий и демократизацию общественной жизни, и создание гибкой, динамичной, многосекторной экономики, и развитие системы социальных гарантий, не дань верности идеологическим ориентирам прошлого, а просто результат здравого анализа реальной расстановки общественных сил».*

Помним мы Егора Тимурыча и как идеолога депутатской группы «Союз» Верховного Совета СССР – той самой, имени Алксниса-Когана-Блохина, яростно ратовавшей за сохранение опального Союза. А уже через пару месяцев, когда путченосный Верховный Совет умудрился быть распущенным, – главным провозвестником шоковой терапии на дымных союзных руинах.

Помним еще расстрелы – и Белого Дома (октябрь 1993 года), и брошенной на премьерской даче дворняжки Жульки (январь 1993 года).

И нынче, в эпоху малой назальной крови и больших рвотных масс, неохваченный неавантюрист себе не изменяет. В ходорковской тишине весны 2004 года гражданин-ученый Гайдар, соорудив принципиальное выражение лица, инстинктивно твердым тенором рубанул: не будем каяться за грехи шоковых реформ, и все тут! Не пристало, понимаешь, макроэкономисту мирового класса перед всяким там русским народным быдлом оправдываться!

С 1992 года не удалось нам забыть, что Егор Тимурович Гайдар – агностик. То есть про существование Бога ничего пока не узнал. Потому и ищет сложные объяснения всяческим рвотным массам, не обращая внимание на простые. Не чувствует многоопытный карьерный мудрец, что единственно правильные решения принимает руководитель куда более могущественный, чем Сечин с Березовским и Чубайсом вместе взятые.

Хочется пожелать Гайдару очень легкой командировки к этому руководителю.

Конкретные предложения

Пора покончить с псевдоинтеллигентской лирикой, ибо кровь, пролитая из либеральных солнечных глаз, вопиет от земли.

В связи с вышеизложенным предлагаю:

• Официально признать покушение на Гайдара Е. Т. актом геноцида многонационального народа РФ.

• Законодательно ввести для обозначения свершившегося акта геноцида термин «гайдаромор».

• Ввести административную ответственность за отрицание гайдаромора и уголовную ответственность – за неоднократное публичное отрицание такового.

• Создать Международный трибунал по гайдаромору; просить власти Ирландской Республики предоставить для трибунала здание в г. Дублине – по месту совершения акта геноцида, а также спецблок Центральной дублинской тюрьмы – для размещения обвиняемых и подозреваемых; предложить возглавить Трибунал известному экономическому гражданину с высокой репутацией Абрамовичу Р. А.

• С помощью войск НАТО и боевого дедморозного отряда организации «Наши» доставить в Центральную дублинскую тюрьму (следственный изолятор Международного трибунала по гайдаромору) потенциальных виновников геноцида (подозреваемых): Сечина И. И., Патрушева Н. П., Березовского Б. А., Гольдфарба А.? (по согласованию).

• Требовать от русского народа как косвенного виновника гайдаромора коллективного извинения перед жертвой геноцида.

• Принять федеральный закон о компенсациях жертве гайдаромора, предусматривающий, что каждый гражданин России, который сможет увидеть на улице Гайдара Е. Т., обязан в тот же момент передать жертве (или охраннику жертвы, если прямой контакт с жертвой не представляется возможным) 10 000 руб. (номинальную стоимость приватизационного ваучера на 01.10.1992); ввести административную ответственность за непередачу компенсации.

• Считать этот текст обращением в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Заранее – страшно благодарен.

Текст выступления, которое должно было состояться 31 октября 2006 года на конференции «Русские в XXI веке», организованной Институтом национальной стратегии и Лигой консервативной журналистики

Термин «национал-оранжизм» придумал совсем не я. А как раз наоборот – какие-то быстроглазые мальчики, обивающие пороги околопрезидентской бюрократии в поисках моментальной славы.

Еще недавно я думал, что это плохой термин. Но сейчас подумал по-другому. Если разобраться, то национал-оранжизм как он есть, в его первозданном значении-понимании – единственно возможная стратегия смены власти в России и трансформации нашей страны. Стратегия, которая может и должна быть воплощена в 2007–2008 годах.

Источник и три составные части оранжизма

В начале 2005 года, когда Кремль унизительно профукал свой залихватский проект «Янукович – президент Украины», администрация российского президента придумала и решила, что оранжевую революцию устроили американские толстосумы, чтобы отнять у стремительно возрождающейся России ее полузаконный кусок газовой трубы. С тех пор многие – искренне или по невниманию – считают, что украинская революция-2004 была проамериканской, ультралиберальной и очень буржуазной.

Разумеется, такая версия была для Владимира Путина единственно спасительной: нельзя же было признать, что Кремль проиграл потому, что не смог верно сформулировать ни целей собственного присутствия в украинской политике, ни тем более философии и технологии их достижения.

На самом же деле та самая революция стала для Америки почти такой же неожиданностью, как и для кремлевской России (причитавшей в крайние дни революционной осени, что вот-вот ударят морозы, и народ с Майдана навсегда уйдет в ближайшие кабаре). В конце ноября – начале декабря 2004 года посол США на Украине Джон Хербст занимался, главным образом, выслушиванием жалоб Леонида Кучмы и уговариванием революционного штаба, чтобы восставший против политтехнологического Януковича народ ни в коем случае не заходил в административные здания, а заодно и на сосновую дачу экс-президента.

И хотя разные участники революции преследовали, конечно, неодинаковые цели, **революция в целом была левой и националистической.**

Ее организаторами выступили левые (Юлия Тимошенко, Социалистическая партия) и националистические («Наша Украина») политические силы.

Основными источниками майданной энергии были народные запросы на:

– национальную самоидентификацию;

– социальную справедливость;

– политическую свободу.

Проект «Янукович», напротив, воплощал все классические ценности ельцинопутинской клептократии. И постольку русский патриот должен был поддержать оранжевую революцию, поскольку она – так или иначе, ничего не надо преувеличивать – вела к ослаблению нашей родной клептократии, окопавшейся в нефтегазоносном лакированном Кремле.

Собственно, **национальное возрождение + справедливость + свобода —** на этой триаде и должна быть, и будет построена программа объединенной российской оппозиции в 2008 году.

Как уже неоднократно приходилось говорить и писать, оранжевая революция по украинскому сценарию в России принципиально невозможна. (Хочу заметить, что перепуганные Майданом кремлевские идеологи пришли к такому выводу много позже, чем мы – сторонники украинской революции-2004.) Поскольку у нас в политике, в отличие от Украины, доминирует идея царя. И революция возможна только после делегитимации царя и царского трона как таковых, что всегда в русской истории вело к жертвам и разрушениям неисчислимым.

Потому стратегия русского национал-оранжизма – это смена власти без революции, с обеспечением символьной преемственности между следующим поколением правителей и нынешним местоблюстителем кремлевского престола Владимиром Путиным.

Смысл современного охранительства

Современное российское охранительство направлено исключительно на защиту нынешней кремлевской клептократии и ее подлинных ценностей (материальных и нематериальных). Это необходимо высказать со всей возможной недвусмысленностью.

Имперские штандарты и православные хоругви, которыми размахивают наши адепты самоценной стабильности, – не более чем бутафория, элементы PR-кампании этой клептократии, прикрывающейся несколькими батальонами псевдоохранителей.

Только законченный циник сегодня не признает, а законченный глупец – не понимает, что режим Владимира Путина:

– есть органическое продолжение ельцинского режима, его высшая и последняя стадия;

– выражает экономические интересы узкой группы физических лиц – и ничего более;

– является антинациональным по содержанию;

– не укрепил, а серьезно ослабил позиции России в мире и в первую очередь на пространстве исторической Российской империи;

– разрушает традиционную для России систему распределения социальных благ, а также образование, науку и культуру;

– не расширяет права Церкви, а напротив – стремится сделать РПЦ все более зависимой от своекорыстной атеистической бюрократии;

– политически и психологически полностью зависим от властей тех стран, куда вывозятся капиталы сегодняшнего российского правящего слоя; поэтому России не нужно *предотвращать* внешнее управление, ибо мы и так при нем живем; внешнее управление – это не гражданин США в кресле кремлевского завхоза, а ситуация, при которой все жизненно важные интересы правящего слоя лежат за пределами страны; и нам потому надо *избавляться* от внешнего управления, а путь к этому один – **национал-оранжизм**;

– никогда не пойдет на реальный союз с Белоруссией, признание самопровозглашенных постсоветских государств и т. п.

Следовательно, нынешнее российское охранительство – это союз циников и глупцов во имя защиты интересов правящего капитала. Прошу сострадать и жаловать.

Русский национализм как ядро национал-оранжизма

Сегодня мы наблюдаем радикальный подъем русского национализма в России. Некоторые либеральные теоретики полагают, что этот подъем спровоцирован Кремлем, который-де в пропагандистских целях разрешил говорить о чем-то, о чем в 1990-е годы рассуждать было не принято.

Это не так. Всплеск русского национализма – вполне естественная защитная реакция русского-российского организма на затянувшуюся, почти двадцатилетнюю эпоху национального унижения. Когда постоянно и систематически унижают человека, объясняя ему, что он – недоделанное полено, недостойное хорошей людской доли, у человека, даже самого кроткого, рано или поздно кончается терпение, а начинается – тяга к топору. То же относится и к народам, «нациям-личностям», а к русскому народу – сегодня и сейчас.

В первой половине текущего десятилетия казалось, что с периодом национального унижения покончит Владимир Путин. Этого не случилось. Унижения лишь усугубились, а ожидания и надежды разбились о скверный анекдот «Пятой империи», символы которой – Рамзан Кадыров и Ксения Собчак на гламурной кокаиновой вечеринке.

Русский национализм возрастает объективно и потому он неостановим. Вопрос лишь в том, станет ли этот национализм созидательной силой или разрушительной. Первое требует серьезной и ответственной политической структуры русского национализма.

Пока на этом политическом поле есть лишь серьезная структура. Это **ДПНИ**. Не соглашусь с тем, что идеология ДПНИ маргинальна. Маргинальны многочисленные моллюски, налипающие на борта растущей силы, а не само движение, возглавляемое Александром Беловым.

В какой-то мере ДПНИ – сила европейского выбора. Ведь идеи и лозунги борьбы против нелегальной иммиграции становятся все популярнее, более того – все неизбежнее в Европе. В том числе – в контексте цивилизационного кризиса «страны святых чудес». Большой начальник моего любимого западноевропейского города, в котором практически нет преступности (на самом деле нет), сказал недавно: *у нас потому нет преступлений, что мы не создаем рабочих мест для чуждых нам людей из отдаленных миров.* Так и сказал.

ДПНИ, безусловно, претерпит еще массу трансформаций и едва ли сохранится в нынешнем виде. Но националистические силы в процессе транзита власти в 2007–2008 годах сыграют большую роль – в этом сомневаться не приходится.

10—12 лет спустя

По экспертной России циркулирует миф, согласно которому у нас уже была оранжевая революция – в 1991 году.

Вынужден не согласиться. Если брать за эталон «оранжевого» украинскую революцию-2004, то 1991 год не имеет к оранжизму ни малейшего отношения.

Действительно, в России имела место национал-оранжевая политическая коалиция. Но ни в каком не 1991-м, а как раз наоборот – в 1996-м году. Народно-патриотический союз России (НПСР), поддержавший кандидата в президенты Геннадия Зюганова. Многочисленные некоммунисты и даже антикоммунисты сделали тогда ставку на представителя КПРФ. Но у той коалиции не хватило энергии и воли, чтобы взять власть.

Путь к победе-2008 лежит через создание нового НПСР, способного выдвинуть единого кандидата от всей без исключения реальной (небутафорской) оппозиции. Кандидата, который сумеет победить.

Авторская благодарность

Так что «национал-оранжизм», как выясняется, – очень правильное название. Хочется искренне поблагодарить того неизвестного солдата, который нашел это верное слово. Он всячески заслуживает хрустальной поздравительной рюмки в день нашей всеобщей победы.

Сегодня – вторая годовщина украинской Оранжевой революции. 22 ноября 2004 года несколько десятков, а затем и сотен тысяч украинцев вышли на киевский майдан Незалежности, чтобы опротестовать предложенный им политтехнологический вариант продолжения клептократии.

Сейчас многие участники Майдана – в первую очередь крупные бизнесмены, которые так и не успели или же не смогли конвертировать Революцию в устойчивую крупную собственность – не скрывают горького разочарования подлинным исходом той исторической драмы. Они, конечно же, лукавят (впрочем, может быть, искренне ошибаются). Действительно, многие активные деятели революции проиграли, оказавшись вне власти и без власти уже через полтора года после Майдана. Но оранжевые революционные ценности, вне всякого сомнения, победили – и эту победу никто уже не оспаривает. На Украине есть и реальная свобода слова, и полноценная состязательность политических субъектов, и право каждого гражданина на свободный политический выбор. Украина нарушила монополию Москвы на постсоветском пространстве, став альтернативным центром консолидации и источником политических инноваций.

И даже возвращение Виктора Януковича во власть произошло совершенно демократическим путем, после честных прозрачных выборов, чьи результаты никто не ставит под сомнение. Можно ли представить себе обратное: например, в ноябре 2004 г. Янукович становится президентом, а оппозиционные ему «оранжевые» силы весной 2006-го выигрывают парламентские выборы, и в кресло премьера уютно усаживается, например, Виктор Ющенко? Конечно же, нет. Если бы Майдан проиграл, многие ключевые фигуры «оранжевого лагеря», всякие Тимошенко-Порошенко коротали бы время, свободное от публичной политики, в тюрьме или эмиграции, Ющенко подсчитывал бы прирост поголовья своих национально-демократических пчел, ну а результат выборов в Верховную Раду был бы оглашен еще до начала парламентской кампании. В общем, все было бы как в путинской России, только еще провинциальнее.

Так что исторический результат налицо. Что же еще нужно сейчас оскорбленным в лучших рыночных чувствах творцам революции? Ах да, денег. Ну, с деньгами не задалось. Все-таки в этом вопросе «донецкие» разбираются куда лучше недонецких – это надо признать. И с этим смириться.

Но это все про Украину. А что касается России, то никакое событие последнего десятилетия не повлияло на кремлевскую политику так, как Оранжевая революция. **«Новый курс» Путина, который стал очевиден в 2005 году, рожден Майданом**. И только им.

Революция для других

Революции, как правило, приносят куда **больше** пользы не тем странам, где они случаются, а окружающему околореволюционному миру, другим государствам и нациям.

Решаясь на Революцию, неважно – осознанно или нет, народ внутренне соглашается с будущей **Жертвой**. Более того, люди в этот момент ощущают некую форму экстаза от совершающегося коллективного жертвоприношения – своего рода общности жертвенности. Именно это чувство будут воспевать поэты и вспоминать уцелевшие участники событий – как лучший из лучших моментов своей жизни. Испытать подобное несколько раз за короткую человеческую жизнь судьба дарует немногим.

Однако последствия принесенной жертвы для страны и народа могут ощущаться далее десятилетиями. В отдельных случаях цена может оказаться слишком высокой. Россия до сих пор изживает трагические последствия 1917 года. В то же самое время другие страны и народы получают и воспринимают ценнейший опыт par excellence, зачастую не испытывая жертв и лишений. Они вполне могут учиться на чужих ошибках, адекватно корректируя собственное развитие.

Итогом Великой французской революции стало триумфальное распространение либеральных идей, экономический подъем, связанный, не в последнюю очередь, с повсеместным вторжением во власть буржуазии, развитие теории и практики гражданских прав и вытекающие из этого правовые реформы, расцвет культуры и философии. И когда в обезлюдевшей, обескровленной подвергшейся оккупации и зализывавшей раны после наполеоновских войн Франции царил унылый застой Реставрации, плодами Великой Революции активно пользовались формирующаяся новая Германия и понесшая минимальные потери Британия.

Итогом Великой Октябрьской революции 1917 года стало повсеместное распространение социалистических воззрений, триумф прав трудящихся, новый расцвет нового искусства. И если Россия принесла на алтарь этой победы многомиллионные жертвы, то большинство европейских стран и США должны быть благодарны России за этот масштабный социальный эксперимент, благодаря которому многие из них удачно скорректировали курс своего развития.

Революции 1789–1917 гг. были неотвратимыми шагами всемирного **Модерна**.

Несмотря на то, что украинские события по своему историческому масштабу, конечно же, не как не тянут на 1789 год (да и украинская Жертва не оказалась Великой к большому счастью украинцев), определенные аналогии все же провести можно. В конце концов положительные примеры имеются и в контексте малых революций – никому не хотелось повторять камбоджийские опыты Пол Пота над собственным народом, а свержение Николае Чаушеску румынами явно пошло на пользу другим восточноевропейским странам.

Хорошо, когда исторический опыт сопредельных или далеких стран учитывается, когда власть может делать правильные выводы из чужой истории и применять эти выводы в истории собственной. Это и есть один из важных показателей профессиональной пригодности правителей. Но просто беда, если события вне национальных пределов становятся единственным источником мотивации даже не для будущей модернизации, а для фактического продления агонии настоящего. Россия времен Путина здесь напоминает не понятливую Германию XIX века, а рыхлую и замшелую Австро-Венгрию тех же времен, довольствовавшуюся вечными подачками и отсрочками вместо реальных реформ и упокоившуюся таки в глубокой исторической могиле.

Более того, как ни печально признавать сей факт, именно в 2006 году стало ясно, что события на Украине – это все же не запоздалый для тяжелых на подъем украинцев ремейк русского 1993-го, это – репетиция ее собственного национал-демократического будущего, альтернативой которому может быть лишь судьба вечно оттягивавшей все перемены Дунайской монархии.

Майдан. Пу

В январе 2005-го Кремль испытал ужасающий инсайт: оказывается, народ, почитаемый нынешними российскими правителями за бессловесно-доверчивое быдло, тоже может выходить на улицы и устраивать свою судьбу самым неожиданным образом. Страх перед революцией, которая еще недавно не могла произойти, потому что не могла произойти никогда, проник во все поры властвующей элиты и заставил Кремль менять свою тактику (про смену стратегии, которая вполне укладывается в прокрустово ложе схемы «контроль над властными рычагами – приватизация – обналичивание собственности-власти – легализация обналиченного» говорить не приходится).

Попробуем привести краткий перечень мер и действий, которыми ответил путинский Кремль на ненавистный ему Майдан.

– *Смягчение условий монетизации льгот*.

Когда в начале 2005-го пенсионеры стали собираться на площадях и перекрывать дороги, Кремль, под впечатлением от только что свершившегося в Киеве, немедленно увеличил сумму компенсаций льготникам, а заодно провел индексацию пенсий и денежного довольствия военнослужащих – на общую сумму более 300 млрд. руб.

– *Национальные проекты*.

После Майдана путинская власть пришла к выводу: народу, чтобы он не взбунтовался, нужно дать недешевую лакированную социально ориентированную PR-игрушку. Таким образом Оранжевая революция вынула из российского бюджета не менее 220 млрд. рублей в год, подарив их врачам, учителям, крестьянам.

– *Создание управляемых молодежных движений*. Никогда Кремлю не понадобились бы всякие «Наши» с «Молодыми гвардиями», если б не Оранжевая революция. Полностью проиграв украинскую баталию, кремлевский политтехнолог Сурков получил возможность сформировать несколько потешных полков для будущей баталии русской.

– *Резкий рост инвестиций в так называемую оппозицию*.

Путин твердо решил, что лидеров возможного русского Майдана надо нейтрализовать заранее. Потому вливания в КПРФ и всякое прочее «Яблоко» стали более целенаправленными и системными.

Одновременно было принято решение не допустить к участию в легальной политике любых лидеров, чья лояльность не на 100 % гарантирована. Так возникло новое избирательное законодательство, фактически исключающее из выборов какую бы то ни было настоящую, не карманную оппозицию.

– *Легализация националистической риторики и демонстративные поиски новейшей национальной философии*.

Даже ускоренное вступление в ВТО, вынудившее Путина пойти на драматические уступки Соединенным Штатам, и то было продиктовано одним брутальным мотивом: ни в коем случае не допустить, чтобы в рядах ВТО первой оказалась проклятая оранжевая Украина, столь оскорбительно отвергшая путинское политтехнологическое предложение в 2004-м.

В общем, и русский народ, которому подкинули немного денег, и отечественные политики, которых приласкали бархатной кисточкой по румяной щечке, и националисты, у которых появилась надежда, и мелкие аферисты посстструктуралистского толка – все должны славословить Майдан, который заставил Путина и Ко срочно произвести на свет и откупорить этот самый «новый курс».

Оранжевая политика

И наконец, самое главное – запуском вторичных потребностей и активацией националистического дискурса **власть закладывает бомбу под себя саму в будущем** – а это и есть **главное достижение Майдана** в контексте развития России. Ведь чем быстрее ЭТИ уйдут, тем больше появляется шансов на **выживание России в будущем**.

Так выпьем же 100 г оранжевой постсоветской водки за ключевое событие современной русской истории – за Майдан!

15 октября высокопоставленный кремлевский чиновник, который в 2004 году непосредственно курировал политтехнологический проект «Янукович – президент Украины», заявил на заседании Совета безопасности РФ примерно следующее: *Оранжевая революция дискредитирована, новая украинская власть погрязла в скандалах и зашла в тупик, народ Украины разочаровался в идеалах Майдана – значит, наша (кремлевская) политика год назад была абсолютно правильной.*

– Конечно, правильной! – приободрился председатель Совбеза Владимир Путин, только что в унынии и раздражении слушавший сумбурные и малоубедительные доклады силовиков о мирном, стабильном и вертикальном нападении боевиков на Нальчик.

– Правильной-правильной! Конечно-конечно! – глухо зашуршали участники заседания, довольные тем, что некая сладостная мысль отвлекла Верховного главнокомандующего от нальчикских неувязок и нестыковок.

Собственно, генеральная линия кремлевской пропаганды к тому и сводится: «оранжевая власть» проиграла, на Украине все плохо, у нас, россиян, есть лишний повод поднять 22 ноября, в годовщину Майдана, рюмочку постсоветской водочки за неизмеримо лучшую путинскую стабильность.

Что ж, попытаемся посмотреть, что на самом деле случилось с Украиной за этот год.

Владимир Владимирович Ющенко

На Украине действительного нет многого, чем гордится сегодня Кремль. Например, больших запасов нефти и природного газа. Вертикали власти (многоуровневой системы аккумулирования и перераспределения взяток). Общественной палаты. Совета по реализации национальных проектов.

Зато есть на Украине нечто такое, чего нет и не может быть в современной России. Например, *свобода слова*. На любом канале телевидения, в любой газете всякий политик, эксперт и простой гражданин может критиковать власть настолько жестко, насколько ему хочется. И никто не звонит в редакции из аппарата президента с истерическими требованиями «прекратить провокацию».

Есть в этой постреволюционной стране и реальная состязательность политических субъектов. Оппозиционные силы – Партия регионов Виктора Януковича и «Батькивщина» Юлии Тимошенко – сейчас лидируют в опросах общественного мнения, и почему-то никто не сомневается, что эти силы спокойно дойдут до выборов, их регистрацию не отменят, доступ в эфир – не перекроют, а спонсоров – не арестуют.

На Украине, в отличие от России, иногда отправляют в отставку очень крупных чиновников, подозреваемых в коррупции или вопиющей управленческой неэффективности. Например, так случилось 8 сентября с. г., когда слабый и никчемный (по кремлевской версии) президент Виктор Ющенко уволил правительство Юлии Тимошенко, двух своих ближайших помощников и еще нескольких министров-бизнесменов, получивших в свое время портфели в благодарность за участие в делах Майдана.

Кое-какие результаты работы «оранжевой» власти тоже заслуживают пристального внимания наблюдателя.

Так, еще в феврале 2005 года бедная энергозависимая Украина установила новый размер пособия на новорожденного – 8000 гривен ($1600). Напомним, в богатой нефтеизбыточной России пособие на новорожденного пока что составляет 8000 руб. (примерно $285).

А 24 октября именно на Украине состоялась первая (!) на постсоветском пространстве честная, эффективная и справедливая приватизационная сделка. 92 % акций «Криворожстали» были проданы индийскому инвестору за $4.8 млрд. В июне 2004 года – всего лишь 16 месяцами ранее – премудрому и прокремлевскому правительству Виктора Януковича удалось выручить за тот же актив всего $800 млн. – ровно в шесть раз меньше. Примечательно, что транспарентная приватизация «Криворожстали» практически совпала по времени с не очень транспарентной национализацией «Сибнефти»: компания, проданная в 1995 г. государством за $100 млн., была выкуплена обратно у оффшоров Романа Абрамовича за целых $13.1 млрд. Не случайно Кремль запретил всем своим официальным и неофициальным представителям комментировать проклятый конкурс по «Криворожстали».

Больше того: этот конкурс стал первым в СНГ примером легитимации приватизации. Общество отныне не сомневается, что «Криворожсталь» продана честно и законно, что новый владелец, которому суждено легально заплатить в бюджет гигантскую сумму, ничего больше никаким чиновникам «откатывать» не станет.

История вокруг «Криворожстали» продемонстрировала, что на Украине началось-таки реальное отделение власти от собственности. Бывшие владельцы предприятия, классические постсоветские олигархи Ринат Ахметов и Виктор Пинчук, сделали все возможное, чтобы сорвать конкурс. Они добились даже соответствующего постановления Верховной Рады (парламента) Украины. Но конкурс состоялся, и Лакшми Миттал, выложивший за объект его рыночную стоимость, станет просто собственником – управлять Украиной, прорываться в Верховную Раду и расставлять своих министров он, разумеется, не будет.

Еще Виктору Ющенко, этому непоследовательному врагу труда, удалось-таки укрепить позиции Украины в мире. Отмена американским Сенатом поправки Джексона – Венинка, приуроченная аккурат к годовщине Майдана, – мелочь, безусловно, но очень знаковая. За минувший год Украина окопалась в нише страны-лидера бывшего СССР – а ведь еще совсем недавно казалось, что эта ниша на веки вечные закреплена за Россией. Украину за границей сегодня уважают, ею интересуются – гораздо больше, чем до Оранжевой революции.

Да, конечно, новая власть наделала и немало глупостей. Одна из самых ярких – аресты оппозиционеров Бориса Колесникова и Евгения Кушнарева. Однако оба эти политика уже давно отпущены на свободу и готовятся к парламентским выборам, а вовсе не к безнадежному переезду на урановые рудники.

Есть основания сказать: Ющенко, всеми критикуемый политик, ходячее вместилище недостатков, человек, в прямом смысле потерявший свое лицо, сделал для Украины многое из того, что обещал сделать для России – но так и не сумел – Владимир Путин. Все, что остается в такой ситуации главному кремлевскому начальнику – гипнотизировать себя и своих сограждан мифом о несчастной Украине, стремительно идущей на океанское дно.

Стабильный хаос

Еще один миф, тиражируемый кремлевскими чревовещателями: Украина вот-вот окунется в море хаоса, порожденного противостоянием Востока и Запада страны. И из моря этого выплывут лишь обломки молодого самонадеянного государства.

Действительно, ментально-культурные противоречия между различными частями Украины существуют, и очень серьезные. Причем и Восток, и Запад сами по себе неоднородны. Разные исследователи выделяют от 7 до 10 так называемых политико-ментальных кластеров Украины: Киев, Галичина, Донетчина, Слобожанщина, Крым и т. д.

До 1991 года Украины как самостоятельного государства в нынешних границах не существовало. Куски нескольких рухнувших империй очень трудно было склеить в единое государственное целое. И в первой половине 1990-х годов риск распада Украины – при наличии мощного внешнего импульса – был реальным.

Однако те времена далеко позади. Сегодняшняя политическая элита страны вполне осознает все преимущества жизни в собственном полноценном государстве. Бесспорно, до единой политической нации Украине еще далеко, и ведущие политические силы в очень большой степени выражают волю определенных частей страны, а не народа в целом. Так было и на выборах-2004, так будет и на выборах-2006. Соперничество между различными регионами Украины – управляемое, системное, прогнозируемое и находящее выход в легальной политике. Донецк борется со Львовом за Киев, за общеукраинскую власть, президентский пост и право формировать правительство – но отнюдь не за возможность от Украины отделиться. Печально знаменитый «сепаратистский» съезд сторонников Януковича в Северодонецке (декабрь 2004 г.) так и остался PR-эпизодом, от которого стараются откреститься даже его непосредственные организаторы.

В этом плане куда как менее завидна судьба России, где под сенью виртуально-клептократической властной «вертикали власти» набирают силу два фактора совершенно неуправляемой нестабильности: терроризм на Северном Кавказе и «китаизация» Дальнего Востока – процессы, которые реально грозят единству и целостности нашего государства. Субъекты же этих процессов не заседают в Думе и вообще не имеют никакого легального статуса, а главное, не нуждаются в нем.

Так что в реальном рейтинге стабильности современных государств я поставил бы Украину выше России.

25 сортов несвободы

Почему российская политическая элита – причем отнюдь не только на уровне штатных кремлевских толкователей снов – столь болезненно относится к тому, что происходит на Украине с момента старта Оранжевой революции?

Не только потому, что официальная Россия сделала на украинских выборах-2004 г. неверную ставку и проиграла, несмотря на огромные политико-экономические и пропагандистские ресурсы, инвестированные в проект «Янукович».

Но и потому, что **Майдан – и все, что происходило после него – выявил существенные, качественные различия между российской и украинской элитами.**

Апологеты «путинской стабильности» в последнее время с предельной откровенностью излагают доктрину «Путин – меньшее зло», говоря почти буквально следующее:

«Мы сызмальства хотели получить 25 сортов колбасы, круглосуточный бар в «Национале» и поездки в Гармиш-Партенкирхен – и мы их получили. А о свободе, демократии, державности, национальных интересах – это мы только для прикрытия, для пиара говорили. Не нужны нам на самом деле ни свобода, ни демократия, ни суверенитет, ни армия, ни знамена Отечества. Так благословим же ту власть, которая дает нам все 25 сортов и Гармиш в придачу и позволяет никогда не думать о том, каково будущее России и что мы, дети советских руин, сделали для своей страны!»

Политико-интеллектуальная элита Украины состоит из разных людей: либералов и социалистов, русскоязычных и украиноязычных, сторонников сближения с Россией и оголтелых «западников». Субъекты этой элиты постоянно воюют друг с другом и даже учиняют драки на парламентских заседаниях. Но есть две вещи, в которых все эти люди едины. Вещь первая: *украинская государственность – безусловная и приоритетная ценность*. Вещь вторая: *вопрос «что ты сделал для Украины» – основной*. Именно потому, собственно, и грянул Майдан. Его организовали, вопреки параноидальному кремлевскому брюзжанию, не мифические американские шпионы, а люди, которые захотели свободы в своем собственном независимом, полноформатном государстве.

Майдан – зеркало, в котором разлагающаяся элита постсоветской России видит свое опухшее, залитое угрюмой смесью страха и хитрости перекошенное лицо. Вот почему так ревниво относимся мы к Украине. Вот почему для тех, кто выбрал жизненным идеалом 25 генетически модифицированных сортов архивкусного рабства, так тяжела эта дата – 22 ноября. День свободы. Праздник, установленный в память о начале Майдана.

Клуб одиноких импотентов имени подполковника Путина

С недавних пор у крысообразных российских правителей и их свиноподобных прихлебателей появился новый предмет для гордости чрезвычайной: **политический кризис на Украине**.

Мы же предупреждали, кричит кремлевско-околокремлевская «элита», что революция с Майданом добром не кончатся! Вы только посмотрите, что там у них творится! Премьер прилюдно ругается с президентом!! А президент берет, да и увольняет премьера, и еще горстку соратников своих вприддачу!!! А война компроматов!!!! А все прямо так по телевизору!!!!! Нет, право слово, полный кошмар и дискредитация всяческого Майдана.

Элитные вы мои, разулыбьте, пожалуйста, сочувственные лица!

Признайтесь лучше честно: вам ведь – где-то на самой глубине вашей коллективной крысиной душонки – тоже хотелось бы так: ругать своего президента, да еще по главному национальному телевизору, со сладким слюнотечением наблюдать, как президент собачится с премьером, наконец, выходить к народу, пытливо ждущему в урочищах площадей, и простыми словами, не лишенными правды, вести его за собой, туда…

Но вы, путинские мои, обречены на другое. Обрезать язык под формат руководящего зада. Согласовывать каждый свой вздох и выдох с наглым мелким клерком на Старой площади. Делать вид и с праведным лицом разъяснять, что какой-нибудь Фрадков – лучший, эффективнейший учетверитель небесного ВВП, а челсилюбивый Абрамович – честнейший и точнейший (в отличие от очень красиво посланного к Магадану Ходорковского) отец социальной справедливости и столп национальных интересов. Вы и на вопрос «Который час?» не сможете ответить без санкции куратора. За вашу трусость, бездарность и низость вас не уважают даже собственные дети. Те самые, которым вы долго пытаетесь объяснить, что право воровать – соль, а остальное все – ноль. Потому-то вы так трепетно и относитесь к сегодняшней Украине. Вы просто жутко, нечеловечески, смертельно – завидуете.

В страшных, неподконтрольных даже партийному руководству снах грызловы и слиски мечтают стать ющенками и тимошенками. И только пробуждаясь в установленное начальством время, возвращаются в разнеженные кремлевскими объедками тела и успокаивают себя: ничего страшного, у нас все еще есть кормушка, и не на век, так на пару-тройку лет хватит, а ум, честь и совесть – приложатся.

Когда путинская камарилья исходит ядовитой лимфой по поводу Украины, она очень напоминает клуб импотентов, профессионально и грамотно рассуждающих о чудовищном вреде секса. «Вы слышали, Сидоров заразился СПИДом?» – «А Рабинович – того вообще любовница до крови покусала!» – «Нет, мы всегда знали, что быть импотентом – лучше всего. Никаких проблем. Полная стабильность!» И хрен в дышло тем, кто все еще по неопытности и глупости соблазняется заморской радостью секса.

По той же самой эротической причине путинские уроды улюлюкают вослед казенному возку Ходорковского. Еще бы: **обитатель шестнадцатиместной тишины показал, что и в России, оказывается, возможна свобода слова**. И что мужественно заявить посадившему тебя, что его сучьи дни сочтены, – тоже возможно. Как же наш элитный клуб импотентов такое простит! Ведь они-то сами… Нет, когда выпьют больше пол-литра и снимут батарейку с мобильного телефона… А вот так, чтобы всеприлюдно!!! Вы не понимаете – у них собственность, бизнес, им еще тещу через три дня хоронить…

Но больше всех эмоций вызывает у правящего мармеладного слоя, кажется, Лимонов. Этот уж совсем ни в какие ворота не лезет! За год привел в свою неформальную партию – что характерно, без денег и звонков по вельможным вертушкам – 12 000 молодых людей. Это же катастрофа! Куда смотрят родители, профкомы, детские комнаты милиции!

Самим фактом своего существования Лимонов опровергает сразу три основных тезиса, на которых зиждется путинизм:

1. Нужно и правильно быть зависимой посредственностью, а независимым и талантливым – невозможно;

2. Все, что в жизни делается, делается только за деньги (они же – бабло);

3. У кого в руках плеть, у того и высшая сила.

Кремль тратит миллионы абсолютно чистых (неходорковских, надо понимать) у. е. на лесные праздники всяческих «наших», но сделать «наших» своими – все равно не может. Потому что мало кто из молодых, перед которыми – вся страна с ее невспаханным будущим, польстится на прямую проповедь бездарности и цинизма. А вот Лимонов… Ну ладно, не будем больше сыпать им соль на срочно подремонтированные пластическими хирургами раны.

Случайные домомучители Российской Федерации получат в истории тот финал, которого совершенно заслуживают. В энциклопедическом словаре недалекого будущего будут статьи «*Лимонов*», «*Ходорковский*», «*Ющенко*» и «*Тимошенко*». А статей «*Грызлов*», «*Слиска*», «*Фрадков*», «*Сечин*», «*Кудрин*», «*Медведев*» и пр. – не будет. История не любит и не ценит бессмысленных мелких жуликов, которые всю сознательную жизнь только и делают, что тещу хоронят.

И они предчувствуют это полное черное забвение, картинно самодовольные члены элитного Клуба одиноких импотентов имени подполковника П. Так пожалеем их – ибо если не мы, то кто же.

Второй закон термодинамики для революционеров

На мой взгляд, в революциях на постсоветском пространстве Америка не играла никакой существенной роли, и поэтому она не будет ключевым фактором в революции либо ее отсутствии в России. В частности, на Украине Америка практически тормозила революцию, строго выполняя свои обязательства перед Путиным. Лишь когда революция стала необратимой, Америка поспешила легитимировать этот процесс и тем самым сыграть роль имперского центра, которую она призвана играть в современном мире. Поэтому **никакие договоренности Владимира Путина с Вашингтоном его не спасают**: они не замедляют и не ускоряют революционные процессы.

Революции происходят по внутренним причинам, из которых важнейшей является интеллектуальное и моральное разложение режима. И по второму закону термодинамики, революция приходит совершенно последовательно и необратимо. Для этого не требуются никакие внешние усилия, происки темных сил и так далее – просто приходит время и все! В России сегодня никто не противостоит этому разложению власти – не происходит никакой внутренней модернизации, на поддержание режима не затрачивается никакая энергия. В этом смысле, **альтернатива достаточно проста**: **или*революция*, которая в современных российских условиях не будет ни мирной, ни бескровной, или*государственный переворот*, в результате которого Владимир Владимирович Путин уйдет от власти, очень мирно и спокойно.**

Следующий правитель, возможно, по форме окажется преемником Путина, но практически **будет качественной и кардинальной ему альтернативой**. Мне кажется, что здесь, исходя из позиций национальной и социальной ответственности, **нужно ставить именно на второй сценарий**. Тем более что в этом сценарии заложена глубокая любовь к Владимиру Владимировичу и глубокое понимание его психологии, психологии бессознательного в частности. Потому что сегодня Путин действительно ненавидим даже теми, кто хочет оставить его в Кремле навечно. Он сам этого бремени не хочет, поскольку случайно оказался во власти. Путин случайно там находится – он любит комфортность власти, но не самое власть!

Безусловно поэтому Путин всегда теряется и пугается, когда фактор ответственности властной миссии начинает превалировать над фактором комфорта. Мы помним, что во времена Беслана, «Норд-Оста» и катастрофы подлодки «Курск» и во многих аналогичных случаях Путин просто исчезал, предоставляя событиям возможность течь так, как они текут. Это говорит о том, что никакого инстинкта власти у него нет. Нет никакого формата, присущего настоящему правителю, тирану, диктатору во взаимодействии с народом в критических ситуациях. **И Путин даже сегодня, на мой взгляд, ушел бы из власти, если бы у него была не только гарантия его личной и экономической безопасности, но можно было бы все прилично обставить, то есть спасти личную репутацию**.

Пока нет ни таких гарантий, ни возможности спасти репутацию, уйдя из власти сегодня. Но **за год до формального истечения срока** своих полномочий он уже сможет это сделать, ссылаясь на ельцинский прецедент. Например, всемерно подчеркивая, что он решил главную задачу своего президентства: сохранил Российскую Федерацию в нынешних границах 1991 года – пусть даже ценой подарков типа пары островов там, пары здесь. Естественно, такого рода заявление будет блефом, но, **может быть, этот блеф следует объявить правдой** и вписать его золотыми буквами в российскую историю – лишь бы Владимир Владимирович куда-нибудь отвалил. И такую возможность Владимиру Владимировичу, безусловно, надо предоставить. Ни в коем случае нельзя загонять его в угол, из которого выход для страны через революцию, возможно, окажется оптимальным. То есть **надо остановить революцию!..**

В том, что касается оппозиции, то **основным архитектором и источником революции сегодня является Кремль**. Он делает все возможное, чтобы революция свершилась – не только в силу разложения властных институтов, но и того, что Кремлем взята на вооружение именно кучмистско-шеварднадзевско-акаевская программа контрреволюции. Вся кремлевская риторика и кремлевская политическая практика сводится к следующему: мы обеспечиваем стране стабильность, у нас экономический рост. (Или, как говорил ровно за две недели до начала «оранжевой революции» один из руководителей администрации президента Украины, в странах с таким экономическим ростом революций не бывает.) Наши оппоненты – это фашисты, это гражданская война. Надо не допустить фашизма и гражданской войны – это сделаем только мы.

На что и в Грузии, и в Украине, и в Киргизии, хотя там ситуация гораздо сложнее, контр-элиты и суб-элиты отвечали: «**Да нет, ребята, чем вы, так лучше война**. Так что не пытайтесь продавать нам тот мир, который является синонимом полного вырождения и стабилизации статус-кво, который нас, людей инициативных и творчески мыслящих, совершенно не устраивает». Именно этим же путем сегодня идет и Россия.

В рамках той же контрреволюционной программы буквально вчера происходит какая-то пресс-конференция кремлевских очередных деятелей, которые начинают заниматься формированием имиджа России в мире как демократического государства. Знаете, все это очень напоминает усилия ЦК КПСС осени 1990-го – весны 1991 года, когда в Академии общественных наук на Юго-Западе собирались люди и обсуждали повестку дня XXXII съезда КПСС. **Вот именно этим и занимается сегодня путинский истеблишмент – агрессивной демонстрацией собственного разложения, что прежде всего ведет к окончательной утрате пиетета перед этой власти и подтверждает необратимость ее деградации**.

В этом смысле революционный субъект важен сегодня скорее **эстетически**, чем политически или идеологически. Оппозиционный субъект – это, прежде всего, человек, личность. Яркая личность имеет сегодня огромные шансы драться за победу даже независимо от идеологии, которую она будет олицетворять – потому что **на фоне тотальной серости, на фоне этого кремлевского болота любое яркое явление будет поддержано огромными массами народа**.

В этом смысле «оранжевая революция» не была либеральной революцией. Точно так же, как в Грузии, **революция была*левой*и*националистической*по существу**. Выбор между Ющенко и Януковичем был выбором между надеждой и безнадежностью. Именно такой выбор стоит и будет стоять в обозримом будущем перед Россией. И, конечно, любые революционные процессы, которые подспудно развиваются сегодня в России в связи с деградацией власти и ничем больше, – они точно так же являются **левыми и националистическими** по определению.

Поэтому восторги Ясина, Немцова или Березовского по поводу «оранжевой революции» при экстраполировании ее на Россию – эти восторги ни на чем не основаны. Так что сегодня Борис Ефимович Немцов, сдуру ставший экономическим советником Ющенко, уже понимает, что попал не в ту компанию, на которую рассчитывал. И если там чего-то начинают заниматься национализацией и всем тем, чего от Путина ожидали, но чего тот не сделал, антипутинская власть на Украине начинает потихоньку укрепляться.

Главную проблему Кремля я вижу в его бессмысленности и бездарности. А вовсе не в происках чего бы то ни было, и **проблема субъектности оппозиции – это сегодня проблема эстетики и качества того послания, которое оппозиция сможет сформулировать обществу**. И конечно, оппозиция – это лидер. Единый лидер уже или пока в оппозиции не просматривается, но там есть несколько ярких талантливых людей, на которых ход истории может сделать ставку.

Я думаю, что процесс разложения власти займет еще два – два с половиной года, и за осень 2007 года власть никак продлиться не может – хотя бы в силу действия неотвратимых законов истории и физики. Это значит, что **либо в 2007 году Путин добровольно уступает власть, либо она входит в неуправляемую болтанку**, выход из которой может оказаться самым трагическим.

Шесть тысяч (не тысяча и не полторы, как нас уверяли до и после Марша несогласных) вышли на улицы Петербурга, чтобы сказать кое-что нынешней власти и про нынешнюю власть.

Эти люди собрались там, где и должны были, невзирая на губернаторский запрет. И дважды прорвали линию ОМОНа. Вышли на Невский проспект и отправились прямо к Зимнему дворцу.

Участники Марша несогласных – не испугались. Испугалась как раз власть.

Теория и практика эволюции

Многие наблюдатели никак не могут разгадать логику действий Кремля и Смольного.

Разве Марш несогласных был столь опасен?

Разве 6 тысяч граждан могли одним маршем поменять власть в одном отдельно взятом северном городе?

Зачем же было свозить со всего Северо-Запада безразмерные толпы ОМОНа и перекрывать бронированными джипами мыслимые и немыслимые дороги?!

Разгадка очень проста. **Власть боится, потому что совсем не понимает мотивации протестующих.**

С точки зрения президента Путина, губернатора Матвиенко, спикера Тюльпанова и прочих таких же профессионалов, вполне дозревших до уровня завклубом железнодорожников города Шапитовки, «человек разумный» – это разновидность домашнего скота (именуемого также в частных беседах «быдлом»), для которой реальны только кредит на приобретение холодильника и нелиняющий Петросян. И на улицы такой преобычнейший человек выходит за двести-триста рублей, а то и за бутылку нетеплого пива в базарный день.

Выходит, чтобы отработать подачку и поглазеть на себе подобных. Но никогда – чтобы защитить какие-то там права, о которых двуногая скотина ни малейшего представления не имеет. Ну а «правда», «Родина», «совесть», «гражданское достоинство» – это все древности почечнокаменного века, ради которых никто потребительную задницу от прокуренного дивана не оторвет.

Не случайно и киевский Майдан-2004, и питерский Марш-2007 шапитовские правители немедленно объявили заказными и коммерческими.

Потому что если человек просто так идет биться, рисковать здоровьем и благополучием ради своей свободы – то вся фундаментальная жизненная теория матвиенок сразу никуда не годится. И если бывает народный гражданин главней Петросяна, то какой же Путин тогда президент?

Смольненские подушные игроки, конечно, умудрились обозвать несколько тысяч коренных петербуржцев «олигархическими наймитами» и «заезжими гастролерами» (сказывается шапитовская школа, ничего не поделаешь). Но сами-то они знают, кто, в каком количестве и качестве вышел на Марш несогласных. И приходят в ужас лишь потому, что не могут объяснить поведение человека, категорически отказывающегося быть быдлом. Такой человек для этих властных деятелей просто принадлежит к иному биологическому виду. А значит – непредсказуем, неуправляем и уже потому страшно опасен.

Отсюда – все эти тучные омоновские стада. Отсюда – жалкое бормотание про тех, кто не хочет «стабильного развития Петербурга».

Слава богу, мы теперь знаем, что означает *их* стабильное развитие. Это кукурузная уродина «Газпром-Сити», призванная уничтожить исторический Петербург, и песчаная афера «Морского фасада», несущая уничтожение Васильевскому острову. Это ускоренная приватизация и распродажа дворцов. Это стремительная попытка доукрасть все, что не успели за минувшие 15 лет. И мы, люди другого вида, такого стабильного развития действительно не хотим. И не захотим никогда.

Апология маргиналии

Рядом с властью, не нашедшей ничего лучше, как прислать на Марш несогласных пару юных провокаторов с плакатами типа «Березовский, мы с тобой!», пристроились в три шеренги самоуважаемые интеллектуалы, которые любят рассуждать примерно так:

– Да, мы эту власть не очень любим из эстетических соображений, тык-скыть… Но Марш несогласных!.. Фи, это же маргиналия сплошная. Нет, мы бы поддержали оппозицию, если б она была настоящей, мейнстримной. А это? …Да чем такое, лучше уж власть – у нее, кстати, фуршеты в последнее время очень хорошие. Клубника преизрядно посвежела. Да и кокаин дешеветь начал. Нефть хорошо стоит. В общем, что бы где ни случилось, нам с маргиналами не по пути…

Они почти правы, эти ловцы начальственной благодарности. Мы, конечно же, маргиналы. А по-другому, в сущности, и быть не может.

Сегодня мейнстрим – это Общественная палата, члены которой добровольно согласились стать крепостными актерами для фарса «Кремлевское гражданское общество» в обмен на те самые бутерброды и горстку льготного кокаина.

Мейнстрим – это вечнолиловые подкремлевские младоподонки, гордящиеся тем, что профессионально не отличают зло от добра.

Мейнстрим – это рассказки про рядового Сычева, который сам себя изнасиловал, и матерей Беслана, которым вместо поисков правды надо новых детей нарожать.

Мейнстрим – это полупьяные телесказочники, изо дня в день несущие что-то про Путина, который восстановил-де вокруг Земли непоправимый российский суверенитет.

Мейнстрим – это бляди с Куршевелем и учительская зарплата в сто долларов США.

Мейнстрим – те самые «Газпром-Сити» и «Морские фасады».

Мейнстрим – снесенная гостиница «Москва» и уничтожаемый дом архитектора Мельникова.

Сегодняшний РФ-мейнстрим уместился между двумя пословицами, они же поговорки: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься» и «После нас – хоть потоп».

А значит – порядочный русский человек не может нынче не быть маргиналом.

В старом советском фильме «Убийство на улице Данте» герой Ростислава Плятта сказал: «Когда в наше время трое гонятся за одним, этот один – очень хороший человек».

Сладостно и почетно быть одним, но никак не тремя.

После Марша

Теперь, после Марша несогласных, нервная власть, отпоив себя водкой с валокордином, пойдет дальше дребезжать про то, что «авантюристы не прошли», а дремлющий народ желает подремать еще и еще.

Но паники в их словах и взглядах будет все больше.

Они понимают, что скоро им всем надо уходить, вынося на скользких плечах украденные сокровища. Потому что оставаться под сыплющимся потолком исторической России они никак не хотят.

Они понимают, что совсем уйти тоже не могут – иначе оставленная стабильная Россия дотянется до них своей суковатой клюкой.

Они не могут выдвинуть единого преемника, потому что друг друга ненавидят больше, чем всю оппозицию, вместе взятую.

Они живут в узком месте непримиримых противоречий. Потому не могут не паниковать.

У нас – все проще. Мы здесь живем и останемся жить после них. И вместо них. Нам ничего не нужно никуда уносить.

Потому наш Марш несогласных не может не идти в правильном направлении.

Примечания

1

Статья написана в соавторстве с Романом Каревым.

2

Статья написана в соавторстве с Романом Каревым.

3

Статья написана в соавторстве с Андреем Дмитриевым.